

«УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ» научно-практический журнал

ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ И КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ

ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Денисов Н.А.	Концепция обеспечения жильем населения России как часть макроэкономической политики	3
Варламова С.Н.	Потребности в улучшении жилищных условий и жилищные стратегии населения	14
Бобков В.Н. Одинцова Е.В.	Социальная структура российского общества по критериям доходов и жилищной обеспеченности	20
Пузанов А.С. Косарева Н.Б. Полиди Т.Д. Туманов А.А.	Анализ изменений жилищной обеспеченности и возможностей улучшения жилищных условий в период перехода к рыночной экономике	29
Нехаев В.В.	Жилищные условия как один из важнейших аспектов качества жизни населения Тульской области	42
Барашкова А.С.	Оценка жилищных условий населения в Республике Саха (Якутия)	47

ДЕМОГРАФИЯ И КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ¹

Иванова А.Е.	Установки молодежи на продолжительность жизни	54
Немцов А.В.	Злоупотребление алкоголем и здравоохранение в России	60
Колчин А.А. Порутчикова Ю.А.	Формирование здорового образа жизни как демографический фактор: медико-педагогический комментарий	62

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ: СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Сухарев О.С.	Проблемы обеспечения социальной эффективности: к новой теории	69
---------------------	---	----

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гармашев А.А. Воронов В.А.	Диагностика качества жизни населения Белгородской области	94
---------------------------------------	---	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И АННОТИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

¹ № 8/2011 «Социально-экономические проблемы народонаселения» и № 12/2011 «Современная демографическая политика России (миграция)» были посвящены демографии и качеству жизни населения. Продолжаем публикации на актуальную тему.

Уважаемые читатели!

В декабрьском выпуске журнала предлагаем Вашему вниманию всестороннее освещение вопросов жилищной обеспеченности россиян, проживающих в разных уголках нашей страны.

Первый раздел журнала «Жилищная обеспеченность российских регионов» открывает публикация заместителя руководителя научно-образовательного центра проблем социального развития ОАО «Всероссийский центр уровня жизни» (ОАО «ВЦУЖ»), к.э.н. **Денисова Н.С.**, в которой представлены концепция обеспечения жильем и жилищная политика в России. На основе социологических исследований руководитель центра маркетинга и международных связей ОАО «ВЦУЖ» **Варламова С.Н.** раскрывает динамику оценок россиян качества имеющегося жилья за период реализации НП «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», ФЦП «Жилище», оценивает потребность населения, в том числе различных социально-демографических и доходных групп, в улучшении жилищных условий. В статье генерального директора ОАО «ВЦУЖ», Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, д.э.н., профессора **Бобкова В.Н.** и научного сотрудника научно-образовательного центра социального развития ОАО «ВЦУЖ» **Одинцовой Е.В.** определена специфика социальной структуры населения России по критериям доходов и жилищной обеспеченности. Коллектив авторов во главе с генеральным директором фонда «Институт экономики города», заведующего кафедрой экономики города и муниципального управления НИУ ВШЭ, к.геогр.н. **Пузановым А.С.** на основе экспертных выводов дает оценку того, привели ли преобразования в жилищной сфере к повышению уровня удовлетворения жилищных потребностей населения, какие группы населения выиграли, а какие проиграли в результате проведения рыночных реформ (1989-2009 гг.). В данном разделе также отражены жилищные условия населения в Тульской области руководителем территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тульской области, д.и.н., к.ю.н., профессором **Нехаевым В.В.** и в Республике Якутия (Саха) ведущим научным сотрудником сектора экономики народонаселения и демографии ФГНУ «Институт региональной экономики Севера», к.э.н. **Барашковой А.С.**

В продолжение темы, рассмотренной в предыдущих выпусках журнала по социально-экономическим проблемам народонаселения в разделе «Демография и качество населения» представлена статья руководителя отделения ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения Минздравсоцразвития России, д.э.н., профессора **Ивановой А.Е.**, в которой приведены характеристики социальной дифференциации желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, выявившие вектор социального статуса и оптимизма в повышении спроса на долголетие. Руководитель отдела информатики и системных исследований в психиатрии Московского НИИ психиатрии Минздравсоцразвития России, д.мед.н. **Немцов А.В.** исследовал зависимость смертности населения России как мужчин, так и женщин от злоупотребления алкоголем, а также предложил ряд мер для снижения алкогольной зависимости россиян. В работе заместителя руководителя научно-образовательного центра по дополнительному профессиональному образованию ОАО «ВЦУЖ», к.пед.н. **Колчина А.А.** и главного врача детской городской поликлиники № 17 г. Ростова-на-Дону **Порутчиковой Ю.А.** рассмотрены социальные действия, направленные на формирование отношения личности к своему здоровью как условию полноценной, то есть счастливой и успешной жизни.

В рубрике «Вопросы теории: социальная эффективность» представлена статья ведущего научного сотрудника Института экономики РАН, д.э.н., профессора **Сухарева О.С.**, в которой предлагается ряд моделей, расширяющих трактовку социальной эффективности и помогающих учесть институциональные особенности и эффекты организации отдельных социальных систем.

Методика проведения социологического мониторинга результативности деятельности органов государственного управления Белгородской области описана заместителем главы администрации города Белгорода – руководителем аппарата администрации города Белгорода, к.соц.н. **Гармашевым А.А.** и директором МАУ «Институт муниципального развития и социальных технологий», к.соц.н. **Вороновым В.А.** в рубрике «Региональные исследования».

Дорогие коллеги, от всей души поздравляю вас с Новым 2012 годом!

Главный редактор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор

В.Н. Бобков

КОНЦЕПЦИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛЬЕМ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ
КАК ЧАСТЬ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Денисов Н.А.

В статье рассматриваются вопросы улучшения жилищных условий населения России, а также возможность влияния с помощью инструментов жилищной политики на решение других экономических проблем.

Ключевые слова: концепция обеспечения жильем, жилищная политика.

Рассматривая проблему обеспечения жильем населения России, пути и механизмы ее решения, следует указать, что она не может рассматриваться в отрыве от идеологии социально-экономической политики в целом, а лишь как его неотъемлемая часть.

В современной, соответствующей рыночной идеологии трактовке жилье является, хотя и специфическим, товаром. Превращение жилья в полноценный товар позволило включать его в товарно-денежные отношения и способствовать развитию рыночной экономики.

Соответственно, используемые государством экономические и организационные механизмы обеспечения населения жильем должны иметь преимущественно рыночную форму.

В современной социально-экономической концепции Российская Федерация, как социально ориентированное государство берет на себя определенные обязательства по обеспечению населения минимальным стандартом жилищных условий с помощью определенной системы механизмов решения жилищной проблемы и форм предоставления жилья. Но не более того. Задача государства – создать материальные предпосылки для улучшения жилищных условий, а далее население само должно решать эту задачу в соответствии со своими предпочтениями. Население должно приобретать его или улучшать его жилищные характеристики за счет своих средств. И лишь отдельные категории населения имеют право и возможность, подкрепляемую ресурсами государства, улучшить свои жилищные условия бесплатно.

Эта идеология достаточно определенно сформулирована в программе «Жилище», в которой наряду с формированием «рынка доступного жилья и обеспечения комфортных условий проживания» также в качестве принципиальных положений приведено «преодоление иждивенческих настроений у значительной части населения».

Жилищная политика тесно связана со всем комплексом социально-экономических проблем России. Поэтому она может и должна также использоваться не только для непосредственно улучшения жилищных условий широких слоев населения, но и решения других социальных и экономических проблем.

Основная задача жилищной политики – **социальная**. Для ее решения необходимо улучшить жилищные условия основной части населения, создав тем самым основу благосостояния российских семей и условия для полноценного развития личности человека. Это предполагает наличие у семьи жилья определенной площади, качественных характеристик и благоустройства, соответствующих современным представлениям и требованиям к нему.

Тем самым повысится и потенциал страны, поскольку будут созданы условия для приумножения «человеческого капитала».

Обеспеченность жильем в России весьма низкая, принципиально отличается от обеспеченности им населения развитых стран и не позволяет создать приемлемые жилищные условия значительной части российских семей. По данным Росстата, на конец 2009 г. на одного жителя России приходилось всего 22,4 м² общей жилой площади. Для сравнения, в Финляндии на одного человека приходилось 36,3 м² общей площади жилья (2002 г.), в Швеции – 44,5 м² (2005 г.), в Германии (западная часть) – 45,0 м² (2006 г.), в США – 83,6 м² (2006 г.).

При этом возрастает социальное расслоение российского общества по жилищным условиям, и поэтому рост средней обеспеченности жильем в недостаточной мере характеризует улучшение жилищных условий большинства российских семей.

Значительная часть семей, особенно бедных, находится в крайне неудовлетворительных жилищных условиях. В целом по России доля домашних хозяйств, имеющих на одного проживающего менее 13 м² общей площади на человека, составляла в 2008 г. 22,8%, – может быть принята в качестве критерия низ-

кой обеспеченности. При этом в наиболее бедной децильной группе доля, имеющих жилищную обеспеченность менее этой величины составляла 43,6% семей, в следующей по величине доходов децильной группе – 33,7% семей, а в девятой – 10,8%¹.

Число семей, официально стоящих на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, составляло в 2008 г. 2830 тыс., в 2009 г. – 5,5% от общего числа семей².

Удельный вес ветхого и аварийного жилья уже несколько лет находится на уровне 3,2%. Переселение из него жильцов является важной задачей жилищной политики.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что потенциальная потребность в улучшении жилищных условий у российских семей огромная. Но ее удовлетворение упирается в низкую платежеспособность основной части населения.

В этой связи вызывает сомнение правильность целевой установки жилищной политики, предусмотренной Стратегией социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года – достичь средней обеспеченности жильем 30 м² на душу населения. В частности, можно отметить, что в Московской области средняя обеспеченность населения жильем уже приближается к этому рубежу, но при этом многие сотни тысяч семей области живут в условиях жилищной бедности без всякой перспективы на улучшение своих жилищных условий.

Концепция жилищной политики предполагает, что основная часть населения будет улучшать жилищные условия за счет собственных средств. Поставлена задача довести его долю в приобретаемом новом жилье к 2020 г. до 60%. Это полностью вписывается в реализуемую концепцию формирования экономической системы России.

Что касается граждан, не имеющих для этого достаточных средств, согласно главе 7 Жилищного кодекса Российской Федерации жилое помещение государственного или муниципального жилищного фонда предоставляется только малоимущим гражданам, признанным таковыми органами местного самоуправления с учетом доходов, приходящихся на каждого члена семьи, и стоимости имущества, находящегося в собственности членов семьи – нуждающихся в жилых помещениях. Основания для признания граждан нуждающимися в улучшении жилищных условий:

- обеспеченность жильем ниже учетной нормы;
- проживание в помещении, не отвечающем установленным требованиям для жилых помещений;
- при наличии в семье больного человека, совместное проживание с которым невозможно.

Учетная норма формируется местными органами власти с учетом своих ограниченных финансовых возможностей. В настоящее время в субъектах Российской Федерации она принимается на крайне низком уровне – не более 12 м² общей площади.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что оно касается лишь наименее обеспеченных россиян, имеющих очень плохие жилищные условия.

Представляется, что стратегия жилищной политики должна ориентировать на достижение нормативных, соответствующих современным требованиям, жилищных условий подавляющей части населения страны.

Основная часть российских семей не вписывается в эту социальную политику и не может рассчитывать на улучшение своих жилищных условий. По данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, проведенного Росстатом, из домохозяйств, не удовлетворенных своими жилищными условиями, основная часть – 79,6% не планируют улучшить свои жилищные условия. Это означает, что концепция обеспечения жильем населения должна быть приведена в соответствие с современным реальным платежеспособным спросом населения.

Целевая установка должна ориентировать на достижение всеми российскими семьями современного **стандарта** жилищной обеспеченности, ликвидацию тем самым жилищной бедности значительной части российского населения. Это требует, помимо расширения масштабов жилищного строительства, системы механизмов, способствующих улучшению жилищных условий всех социально-экономических групп населения, испытывающих в этом острую потребность.

В современных условиях можно выделить три основных механизма улучшения жилищных условий, затрагивающих различные группы населения.

¹ Рассчитано по данным сайта Росстата. Материалы выборочного бюджетного обследования.

² Регионы России. Социально-экономические показатели 2010. Раздел уровень жизни населения, стр. 218.

Первый – получение жилья бесплатно от государства на основе социальных норм. На его основе имеют возможность улучшить свои жилищные условия:

- очередники на улучшение жилищных условий;
- выселяемые из ветхого и аварийного жилищного фонда, а также малокомфортабельного сносимого жилья (прежде всего, пятиэтажек застройки 50-х –60-х гг.), потерявшие жилище в результате природных, техногенных и других катастроф;
- законодательно утвержденные льготные категории граждан, имеющие право на жилищные субсидии на получение жилья. К ним относятся:
 - военнослужащие и работники ряда других силовых и правоохранительных структур, уволенные и подлежащие увольнению с военной службы;
 - отдельные категории граждан, выезжающие из районов Крайнего Севера и приравненных к нему местностей. Пять категорий таких лиц утверждены Федеральным законом № 131 от 25.07.1998 г.;
 - участники ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф и пострадавшие в результате этих аварий;
 - граждане Российской Федерации, подлежащие отселению с комплекса Байконур;
 - ряд других категорий населения (участники ВОВ, дети-сироты, проживавшие в домах-интернатах и т. д.).

Механизмом предоставления жилья является выдача жилищного сертификата на приобретение жилища определенной стоимости. Он доказал свою практическую эффективность. Проблема, связанная с его реализацией заключается в несоответствии стоимости сертификата реальной стоимости жилья на его рынке. Это вынуждает либо доплачивать за приобретаемое жилье, что большинство его получателей, как показывает практика, делать не в состоянии, либо приобретать жилье меньшей площади. Такая практика ущемляет законные интересы граждан и делает структуру даже вновь вводимого жилья мало соответствующей будущим потребностям населения.

Достоинством механизма приобретения жилья с использованием жилищного сертификата является возможность приобретения жилища в том регионе страны, который предпочтителен его получателю.

Это позволяет эффективно решать проблему трудоустройства получателей сертификатов и членов их семей, подпитывать трудовыми ресурсами регионы с высокой потребностью в рабочей силе. В то же время такая пространственная ориентация получателей сертификатов указывает на возможность проведения целенаправленной государственной региональной политики, направленной на заселение отдельных территорий страны и возрождение ряда малых городов России как поселений, имеющих хорошие длительные перспективы развития.

Второй – приобретение жилья путем его покупки за счет собственных средств, в том числе в кредит. К этой категории можно отнести и семьи, получающие государственные дотации на частичную компенсацию понесенных затрат. Потенциальный круг российских семей – покупателей жилья оценивается в настоящее время специалистами примерно в 12% от их общего числа, что принципиально не соответствует продекларированным концептуальным установкам жилищной политики. При этом часть этого контингента уже имеет удовлетворяющие их жилищные условия. Это означает, что реально эта доля существенно меньше. Круг покупателей жилья может быть незначительно расширен путем предоставления различных льгот отдельным категориям населения (молодые семьи, сельские молодые специалисты и т. п.), но это не меняет принципиального вывода.

Третий – приобретение жилья по схеме социального найма. Потенциальный круг таких семей был очерчен нами выше. Масштабы обеспечения таким жильем в настоящее время незначительны и далеко не соответствуют общему числу семей, остро нуждающихся в улучшении жилищных условий.

В настоящее время в качестве основного принципа обеспечения жильем рассматривается улучшение жилищных условий за счет самого населения.

В этих целях предоставляются налоговые льготы при покупке и строительстве жилья (возвращение НДС с 2 млн руб.), что имеет немалое значение для территорий с невысокой стоимостью жилья.

Государство вкладывает средства в поддержку ипотечного кредитования как основного механизма приобретения жилища, оправдавшего себя в странах с рыночной экономикой. Считая ипотечное кредитование жилищного строительства необходимой и весьма эффективной частью жилищной политики, вполне соответствующей принципам рыночной экономики, следует в то же время указать,

что в конкретных современных условиях России оно имеет весьма ограниченную сферу применения и может без учета льгот различным социальным группам касаться лишь наиболее материально обеспеченной части «среднего класса» России.

Кроме того, ипотека связана с высоким риском не только для самого жилищного строительства, но и для устойчивости всей экономики. Финансовый кризис начался с фактического банкротства в США кредитующих ипотеку агентств, вследствие недостаточной обеспеченности выданных кредитов.

В условиях России в отличие от развитых стран, где покупка жилья на условиях ипотеки доступна большинству населения, ее финансовая поддержка государством означает финансирование наиболее обеспеченных слоев населения за счет его основной части.

Представляется, что государственная поддержка процесса приобретения жилья за счет собственных средств достаточна. Контингент их потенциальных получателей может быть несколько расширен за счет льгот молодым семьям, имеющим несовершеннолетних детей, сельского населения отдельных регионов, в развитии которых государство особенно заинтересовано.

Кардинальное направление развития государством формы приобретения жилья за счет собственных средств и улучшения на этой основе жилищных условий населения – создание макроэкономических условий для роста доходов основной части населения, повышение устойчивости материального положения российских семей, снижение процента за кредит при приобретении жилья на условиях его ипотеки, поскольку средняя процентная ставка по выдаваемым ипотечным кредитам в нашей стране крайне высока (14,4% в 2009 г. без учета субсидий регионов)³ и значительно удорожает фактическую стоимость приобретаемого жилища.

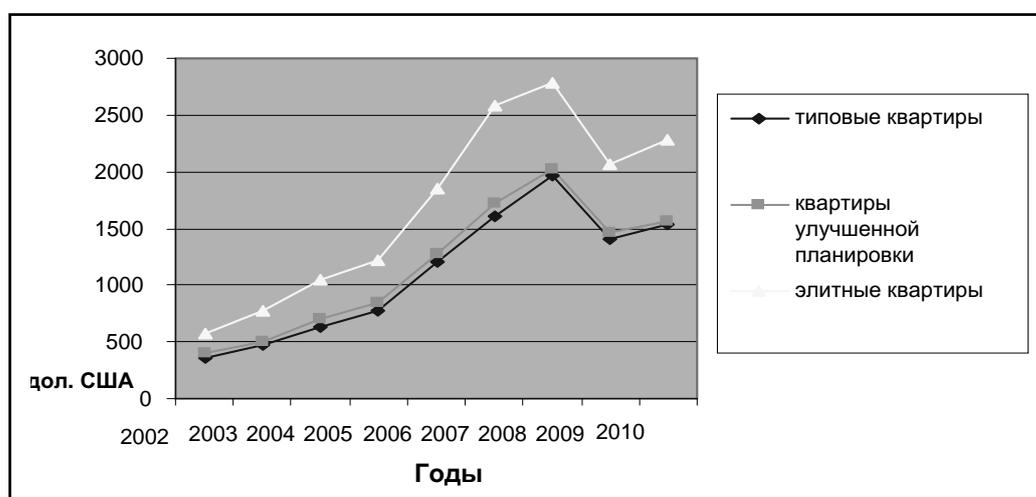
Определяющее значение имеет также приведение рыночной стоимости приобретаемого жилья в соответствие с его реальной себестоимостью его строительства и реальными доходами населения.

В развитых странах сложилось примерное соответствие месячной заработной платы работника и стоимости одного квадратного метра жилья эконом-класса. Это делает его доступным для приобретения за счет собственных средств их граждан. В Российской Федерации в 2009 г. средняя цена на первичном рынке жилья составила 47,7 тыс. руб. за кв. м общей площади и 52,9 тыс. руб. – на вторичном рынке при среднемесячной начисленной заработной плате одного работника в феврале 2011 г. – 21 082 руб.⁴

Средняя фактическая стоимость строительства 1 м² общей площади составила в 2009 г. 30,3 тыс. руб. Таким образом, цена на первичном рынке жилья превышала ее в 1,57 раза (см. График 1).

График 1

Динамика цен на жилье различного типа

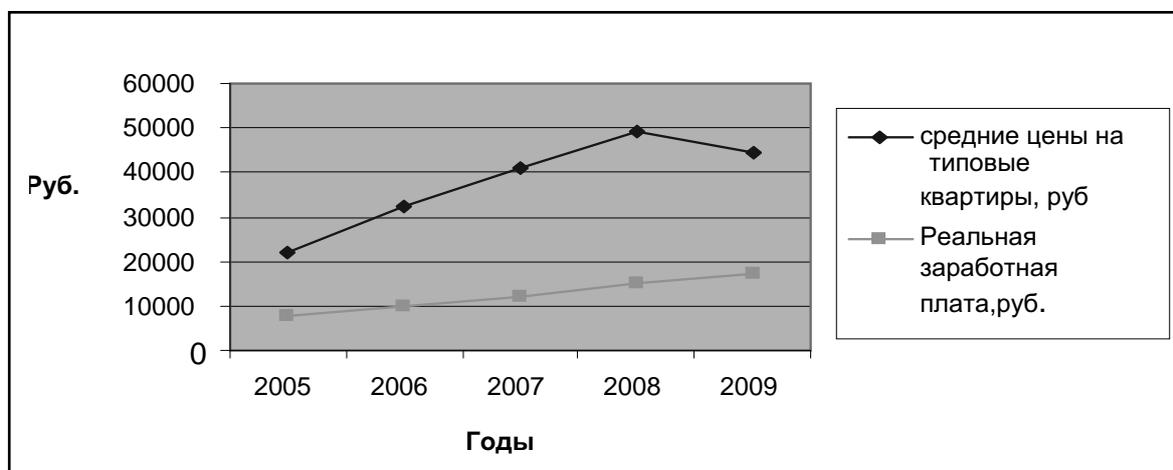
При этом следует отметить, что в период кризиса произошло впервые после 1998 г. снижение рыночной цены жилья относительно заработной платы и доходов населения (см. График 2).

³ По данным Минрегиона России.

⁴ По предварительным данным Росстата.

График 2

Динамика цен на типовые квартиры и реальная заработная плата

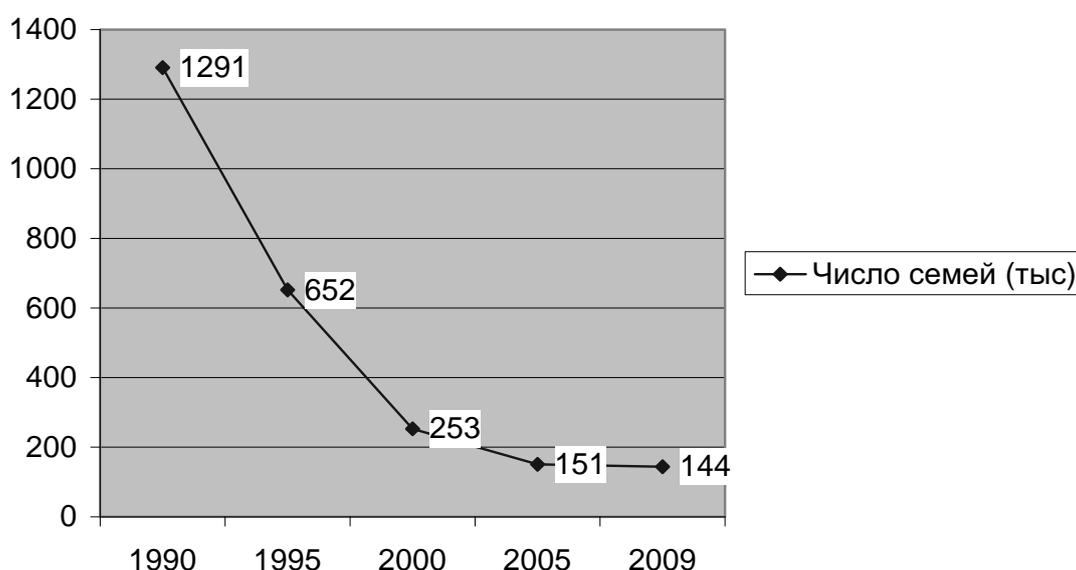
Рассматривая вопрос обеспечения жильем за счет государства, следует отметить, что его существующие масштабы не позволяют обеспечить в ближайшее десятилетие им семьи, которым этот способ улучшения жилищных условий положен на основе действующего законодательства.

Так, удельный вес семей, получивших жилые помещения в числе семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, составил в 2008 г. 5,0%, в 2009 г. – 5,1%.⁵

Повременная динамика ситуации хорошо иллюстрируется на графике 3.

График 3

**Число семей, получивших жилье
(из состоящих на учете на улучшение жилищных условий)**

Более того, не предусматриваются изменения ситуации в лучшую сторону и в будущем. Так, в соответствии с идеологией федеральной жилищной политики в городе Москве планируется сокращение вдвое строительства социального жилья – до 600 тыс. м². Причем, москвичи, переселяемые из пятиэта-

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели 2010. Раздел уровень жизни населения, стр. 218.

жек и ветхих домов, теперь смогут претендовать не на получение жилья в соответствие с социальными нормами (18 м² на семью из трех и более человек), а лишь на квартиру, аналогичную по метражу предыдущей.

Для обеспечения жильем населения, проживающего в ветхом и аварийном жилье, требуется, по нашим расчетам, не менее 45 млн м² общей жилой площади жилья⁶ и, соответственно, финансовых ресурсов. Это примерно соответствует всему вводу жилья в течение двух лет за счет государственных источников финансирования. Решение этого вопроса сдерживается действующим механизмом финансирования переселения жильцов из ветхого и аварийного жилого фонда, согласно которому часть средств на это мероприятие должна предоставляться из местных бюджетов. В результате в ущемленном положении оказываются жильцы наиболее бедных регионов, которым трудно найти необходимые на эти цели средства.

Крайне медленно решается вопрос о предоставлении жилья законодательно утвержденным категориям граждан, имеющим право на бесплатное приобретение жилья.

Особенно остро стоит вопрос о выделении жилья гражданам, переселяемым из зоны Крайнего Севера и приравненных к нему территорий, переселяемых с космодрома Байконур и вынужденных переселенцев.

В течение докризисного и финансово благополучного 2008 г. было отселено 1,6% от нуждающихся в переселении жителей Крайнего Севера. Практически отселяются лишь живущие там инвалиды, проработавшие на Крайнем Севере не менее 15 лет, и жители закрывающихся полярных станций и поселков. Нахождение этих категорий людей в экстремальных северных регионах экономически бессмысленно, требует больших текущих затрат. Решить жилищную проблему жителей этих населенных пунктов в кратчайшие сроки экономически эффективно и социально оправдано. Социальный ущерб нахождения населения без работы, доходов, ясных перспектив в тяжелых природно-климатических условиях очевиден, тем более что часть этих жителей составляют малолетние дети, длительное пребывание которых в зоне Крайнего Севера, как правило, чревато серьезным ухудшением состояния здоровья.

Процент удовлетворения потребностей в жилье россиян, выезжающих с комплекса «Байконур» в 2008 г. составил 3,4%.

До сих пор не получила жилья и значительная часть ликвидаторов аварии на Чернобыльской АЭС.

Для решения этих вопросов финансирование соответствующих программ должно не сокращаться, а быть существенно увеличено.

Значительные возможности существуют для увеличения числа семей, получающих жилье на условиях социального найма. В настоящее время эта форма обеспечения жильем сдерживается, в первую очередь, ограниченными финансовыми возможностями субъектов Российской Федерации и муниципалитетов. Для увеличения объема предоставляемого на этих условиях жилья необходимо целевое, существенное по масштабам его финансирование государством на федеральном уровне, по крайней мере, в отношении финансово слабых субъектов Российской Федерации. Другим направлением является расширение круга потенциальных получателей такого жилья за счет отдельных льготных групп населения, которые формально не попадают под категорию населения, обеспечиваемых жильем социального найма согласно формулировке Жилищного кодекса Российской Федерации, но в то же время не имеют реальной возможности улучшить жилищные условия за счет собственных средств при том, что государство заинтересовано в обеспечении их жильем либо вследствие их профессиональной значимости (работники социальной сферы), либо для решения иных социально-экономических проблем (воздействие на повышение рождаемости через механизм обеспечения жильем, заселение отдельных регионов).

Решения об увеличении масштабов получаемого за счет всех вышеперечисленных форм обеспечения жильем, как и в отношении воздействия на уровень цен на строящиеся новые жилые помещения, осуществимы лишь в контексте роста ввода жилья. Для этого необходимо восстановление стройиндустрии жилья эконом-класса как многоквартирной, так и малоэтажной застройки.

В этой связи нельзя не отметить резкое сокращение ввода в действие новых домов в 2009-2010 гг. вследствие ошибочного с позиций макроэкономического регулирования экономики в целом, и жилищного строительства в частности, сокращения финансирования жилищного строительства государством.

⁶ Из расчета 18 м² общей жилой площади на одного жильца. В реальности требуемая площадь может быть несколько больше вследствие необходимости обеспечения жильем семей из одного и двух человек по более высоким нормативам.

В условиях рыночной экономики азбучным решением является усиленное финансирование государством тех перспективных отраслей экономики, которые испытывают временный спад спроса населения на свою продукцию, чтобы поддержать сложившийся производственный процесс и не допустить банкротства представляющих их предприятий.

Перспективным направлением решения жилищной проблемы является строительство жилья коммерческого найма.

Оно может представляться на разных условиях разным типам семей.

Часть жилья может предоставляться на чисто рыночных условиях как специализирующимися на этом коммерческими организациями, так и муниципалитетами. Это позитивно скажется на уровне цен на арендуемое жилье, сделает его доступнее для арендаторов и будет способствовать необходимой подвижности рабочей силы. Кроме того, финансовое участие в таких организациях создаст легальный, доступный широким слоям населения путь к вложению своих накоплений, будет способствовать связыванию излишков наличности и, тем самым, позитивно воздействовать на инфляцию в потребительском секторе. В тоже время это создаст устойчивую долгосрочную доходную базу для участвующих в них российских семей, что особенно важно в свете видимых проблем с пенсионным обеспечением.

Строительство жилья с помощью государственных кредитов и сдача его в наем муниципалитетами создаст устойчивую финансовую базу, обеспечив тем самым предоставленные права необходимой финансовой основой.

Может строиться жилье коммерческого найма для сдачи его в наем на льготных условиях отдельным категориям российских семей, в которых заинтересованы государство и местные органы власти (молодые семьи с несовершеннолетними детьми, матери-одиночки, работники местной социальной сферы), а также мигрантам необходимых профессий.

Для этих целей необходима система законодательных актов, которые защищали бы как интересы домовладельца, так и арендаторов. Необходим установленный нормативно или на договорной основе с местными органами власти механизм возмещения домовладельцу расходов при сдаче жилья коммерческого найма определенным льготным категориям населения.

Экономически и социально оправдана поддержка строительства населением жилья за счет собственных средств для последующей сдачи его в наем.

С целью привлечения в этот сектор средств населения и коммерческих организаций целесообразно установление низких налоговых ставок на доходы, получаемые от сдачи жилья в наем. К тому же это позволит легализовать доходы, получаемые от сдачи жилья физическими лицами и фактически увеличит доходы местных бюджетов.

Аналогичный подход может быть распространен и на жилье, сдаваемое в наем отдельными гражданами.

Жилищная политика является важным инструментом воздействия на **демографическую ситуацию** в стране.

Плохие жилищные условия являются одним из существенных препятствий в росте рождаемости в России, особенно когда это касается намерения семьи завести второго или третьего ребенка, а также одиноких женщин. Жилищные условия семей резко снижаются по мере увеличения числа детей в семье. По нашим расчетам,⁷ в 2008 г. среди семей с одним несовершеннолетним ребенком доля, имеющих обеспеченность ниже 13 кв. м на душу, составляла 39,6%, с двумя – 55,7%, с тремя – 63,0%. В тоже время доля, имеющих обеспеченность жильем близкую к средней по стране и выше (свыше 20 кв.м. общей площади на проживающего), составила соответственно у семей с одним несовершеннолетним ребенком – 17,7%, с двумя – 10,5%, с тремя – только 9,0%.

Ухудшение демографической ситуации в Российской Федерации является одной из острейших социальных проблем, имеющих стратегическую значимость. Все научно обоснованные прогнозы демографов предсказывают заметное снижение численности населения страны, ухудшение его демографической структуры и, соответственно, увеличение иждивенческой нагрузки на работающее население, дефицит рабочей силы, что неблагоприятно скажется на формировании рынка труда и темпах экономического роста. Особенно значительный дефицит трудовых ресурсов ожидается в Центральном, Уральском, Северо-Западном и Приволжском федеральных округах.

⁷ Рассчитано по данным бюджетного обследования российских домохозяйств Росстатом.

Поэтому для улучшения демографической ситуации необходимо создать определенную систему действий и законодательных актов, увязывающих улучшение жилищных условий с рождением детей. В настоящее время, в основном, используются формы льгот при приобретении жилья на условиях ипотеки и возможности использования на эти цели материнского капитала.

В первую очередь ресурсы должны, по нашему мнению, направляться на льготное обеспечение жильем семей при рождении третьего и более ребенка и матерей-одиночек.

Вместо такой извращенной формы их поддержки как «материнский капитал» может быть рекомендована прямая поддержка в виде предоставления жилья на основе системы следующих материальных льгот:

- на приобретение жилья в собственность по ипотеке, в том числе оплату государством нормативной (18 м²) площади, приходящейся на несовершеннолетнего ребенка. Этот принцип без большого ущерба для бюджета может быть распространен, по крайней мере, на семьи при рождении третьего ребенка;

- на предоставление жилья в форме социального найма, в том числе без снятия с очереди на получение бесплатного жилья;

- на бесплатное улучшение жилищных условий многодетных семей;

- на льготы при строительстве жилья в сельской местности регионов с резко выраженной депопуляцией населения;

- на полную оплату съема жилья коммерческого найма матерям-одиночкам в период до достижения ребенком 2-х летнего возраста.

Опыт социальной политики, проводимой в СССР, показал высокую результативность использования механизма улучшения жилищных условий в качестве стимула для повышения рождаемости. В то же время, отсутствие перспектив создания семье необходимых жилищных условий, наряду со снижением жизненного уровня населения в целом, на наш взгляд, обусловило существенное снижение рождаемости и, соответственно, численности населения России в 1991-99 гг.

Жилищная политика государства может существенно воздействовать на **миграционные потоки** населения и **мобильность трудовых ресурсов**.

В настоящее время трудоизбыточные территории характеризуются более низкой стоимостью жилья. Поэтому при переезде семьи из них на территории, испытывающие дефицит трудовых ресурсов, с сопутствующей продажей прежнего жилища, они сталкиваются с необходимостью существенной доплаты и ухудшения своих жилищных условий.

Съем жилья, особенно в таких центрах притяжения рабочей силы как Москва и Санкт-Петербург, связан с неоправданно высокими расходами на эти цели, делающими, в частности, практически невозможным накопление средств на приобретение собственного жилища в пределах транспортной доступности от места работы.

Позитивному воздействию на них могут способствовать следующие вышеизложенные мероприятия:

- развитие системы предоставления жилья на условиях коммерческого найма, в том числе и непосредственно организациями-работодателями, что сделает его более доступным для трудовых мигрантов;

- приведение цен на жилье в соответствие с доходами населения, что сделает более приемлемой его покупку при переезде из трудоизбыточных регионов к месту будущей работы;

- льготная ипотека для переезжающих граждан в сельскую местность при покупке или строительстве там жилья.

Перспективнее также форма бесплатного или на условиях частичной оплаты предоставления пустующих или малоиспользуемых помещений сельской местности за счет их выкупа у прежних владельцев. Особенно социально эффективно такое обеспечение жильем семей с несовершеннолетними детьми, в том числе при организации ими семейных ферм.

Жилищная политика может использоваться для оптимизации **расселения** населения по территории страны в увязке с другими механизмами, стимулирующими создание рабочих мест на определенных территориях (населенных пунктах). В настоящее время наблюдается чрезмерная концентрация населения в нескольких крупнейших городах, что снижает качество жизни их населения вследствие ухудшения экологической обстановки.

гической обстановки, ухудшения транспортной доступности, прежде всего, рабочих мест и мест отдыха, эмоциональной перегрузке в условиях большой скученности и росту заболеваемости. Проблема эта не только не решается, но и усугубляется вследствие узости рынка труда в малых городах, низкой заработной платы и плохих жилищных условий.

Льготное обеспечение жильем может и должно использоваться как важнейший стимул **заселения** отдельных территорий, прежде всего, Дальнего Востока, кроме районов Крайнего Севера и сельской местности большинства субъектов Российской Федерации.

Для закрепления населения в сельской местности и создания ему благоприятных условий жизни в рамках жилищной политики, на наш взгляд, можно использовать следующие формы поддержки граждан:

– предоставление сельской интеллигенции жилья социального найма по месту работы вне зависимости от имущественного положения;

– льготное кредитование строительства жилья в сельской местности на условиях ипотеки. При этом для финансово слабых регионов обеспечивающий его механизм софинансирования из федерального и местного бюджетов должен быть заменен на целевое финансирование из федерального бюджета;

– предоставление на льготных условиях жилья коммерческого найма для переселяющихся в сельскую местность.

Активная жилищная политика оказывает заметное влияние на **экономическое развитие** страны.

В условиях рыночной экономики при грамотном проведении она способствует развитию рыночных механизмов формирования полноценного рынка ценных бумаг, вовлечению в хозяйственный оборот средств населения, позитивно воздействует на уровень цен в потребительском секторе, развитию смежных сфер занятости (страхование, юридические услуги).

В то же время следует указать, что высокая зависимость жилищного строительства от получения кредита и возможностей его погашения являются одним из факторов, провоцирующих неустойчивость рынка ценных бумаг. В полной мере это проявилось во время финансового кризиса 2008-2009 гг., когда именно рухнувшие ипотечные организации в значительной мере обусловили обвал фондового рынка, нехватку средств в банковской системе и затем кризисные явления в других отраслях народного хозяйства.

Финансовый кризис показал также высокую социальную цену использования жилья в качестве имущественного залога – риск остаться без жилья в условиях форс-мажорных обстоятельств. В качестве наиболее распространенных причин их возникновения следует выделить недостаточную обеспеченность взятых кредитов, потерю работы, а также недостаточно продуманные финансовые операции заемщиков.

Жилищное строительство как трудоемкая отрасль задействует значительное количество рабочей силы, создает рабочие места. В условиях огромного неудовлетворенного потенциального спроса на жилье, это при определенных условиях гарантирует стабильную занятость. К сожалению, в конкретных условиях России с повышенным спросом на жилищное строительство в отдельных крупных городах и малой территориальной подвижностью россиян, в том числе из-за трудностей с обеспечением жильем при переезде в места с высоким спросом на рабочую силу, эта проблема решается путем привлечения дешевой рабочей силы в виде мигрантов из стран ближнего зарубежья.

Строительство жилья эконом-класса предъявляет спрос на продукцию преимущественно отечественных производителей: цемент, кирпич, изделия металлургии (арматура, трубы) и обрабатывающей промышленности (сантехника, отопительные устройства, лифты и пр.).

Таким образом, жилищное строительство является своеобразным локомотивом, который может придать экономике стабильное поступательное движение.

Кроме того, жилищный фонд – значительная часть накопленного **национального богатства** страны. Чем больше и качественней располагаемый жилищный фонд, тем богаче страна в целом. Его накопление и приведение в соответствие современным требованиям к качеству и благоустройству жилищного фонда является важной самостоятельной задачей государства.

В этой связи важное значение имеет качество и структура жилищного фонда, его соответствие современным требованиям и перспективным потребностям населения.

В настоящее время минимальным стандартом жилищной обеспеченности является формула «число комнат в жилище должно быть равно $n - 1$ », где число членов семьи. Перспективная объективная потребность определяется из расчета «каждому члену семьи – одна комната + одна общая». Характерно, что в развитых странах практически перестал употребляться показатель обеспеченности общей площа-

ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

ди жилья на человека и жилищная обеспеченность оценивается, исходя из числа комнат в расчете на одного жильца.

В этой связи вызывает большую озабоченность существующая и тем более складывающаяся в новостройках, структура жилищного фонда, как не соответствующая перспективным стандартам не только будущим, но и современным потребностям населения (см. таблицу 1).

Таблица 1

Структура жилых квартир по числу комнат (2009 г.)

Тип квартиры	Число (млн ед.)	Процент от общего числа
Однокомнатные	13,9	23,4
Двухкомнатные	23,7	39,8
Трехкомнатные	17,3	29,1
Четырехкомнатные и более	4,6	7,7
Всего	59,5	100,0

Очевидно преобладание двухкомнатных квартир, которые по существующим стандартам рассчитаны на семью из трех человек. Такая структура не соответствует более высоким стандартным требованиям и реальным современным потребностям человека.

Для сравнения приведем структуру жилищного фонда в развитых европейских странах (см. таблицу 2).

Таблица 2

Распределение жилых помещений по числу комнат⁸

Страна	Год	Жилые помещения с числом комнат, %		
		Менее 3	3-5	6 и более
Россия	2009	63,2	36,8 ⁹	–
Германия	2003	8,3	70,7	21,0
Дания	2005	24,8	61,4	6,0
Нидерланды	2002	9,3	76,7	14,0
Финляндия	2004	24,4	62,1	12,5
Франция	2002	18,3	65,5	16,3

В США, Канаде и Австралии доля малокомнатных квартир еще меньше.

В развитых странах доля малокомнатного жилья постоянно сокращается, поскольку в новых домах оно практически отсутствует.

В России вследствие низкой платежеспособности населения преобладает реальный спрос на одно-, двухкомнатные квартиры, причем эта тенденция прогрессирует (см. таблицу 3).

Таблица 3

Число построенных квартир в процентах от общего ввода

Год	2000	2009
Однокомнатные	20	33
Двухкомнатные	29	31
Трехкомнатные	34	23
Четырехкомнатные и более	17	13

Это требует принятия специальных мер по стимулированию приобретения гражданами нового жилья, которое будет удовлетворять не только минимальным современным потребностям, но и перспективным стандартным требованиям населения к жилищу.

В частности, заслуживает распространения предоставление очередникам на улучшение жилищных

⁸Россия и страны – члены Европейского союза. – М. – Росстат, – 2007, стр. 97

⁹3 и более комнат

условий более просторного по сравнению с полагающимся им, исходя из нормативного подхода, жилища, а также жилья более высоких качественных характеристик с доплатой этого улучшения жилищных условий по себестоимости.

Должен быть разработан и реализован комплекс мер, направленных на снижение себестоимости и рыночных цен на новое жилье эконом-класса. Эта сложная проблема заслуживает отдельного рассмотрения. Подчеркнем, что снижение цен на жилье возможно лишь при расширении масштабов жилищного строительства и устранения коррупционной составляющей его себестоимости.

Вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы о мерах, которые следует предпринять для улучшения жилищных условий населения России:

- всемерно содействовать, используя достаточно известный арсенал экономических рычагов, увеличению строительства жилья эконом-класса;
- использовать меры государственного регулирования для снижения рыночных цен на жилье эконом-класса, включая механизмы антимонопольного регулирования для поставщиков материалов, используемых в строительстве;
- переориентировать концепцию решения жилищной проблемы на широкие слои российских семей, остро нуждающихся в решении жилищной проблемы;
- увеличить государственное финансирование строительства жилья для населения, проживающего в условиях «жилищной бедности», а также тех его групп, которым положено предоставление бесплатного жилья на основе действующих законодательных актов;
- усовершенствовать действующие механизмы обеспечения населения жильем, ориентируясь на преимущественное улучшение жилищных условий наиболее нуждающихся в этом групп семей, жителей финансово слабых регионов и сельской местности. Дополнить систему обеспечения жильем законодательными и нормативными актами, необходимыми для легального становления и развития формы строительства и предоставления жилья коммерческого найма, вывода из «тени» практикуемой отдельными лицами сдачи собственного жилья за плату.

1. Национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России».
2. Федеральная целевая программа «Жилище».
3. Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года.
4. Программа «Молодой семье – доступное жилье».
5. Ипотечная программа «Ипотека – молодым семьям».
6. Жилищное хозяйство и бытовое обслуживание населения в России. – Росстат. – М. – 2010.
7. Россия и страны мира. – М. – 2007.

ПОТРЕБНОСТИ В УЛУЧШЕНИИ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ И ЖИЛИЩНЫЕ СТРАТЕГИИ НАСЕЛЕНИЯ

Варламова С.Н.

В статье приведена динамика оценок россиян относительно качества имеющегося жилья за период реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», ФЦП «Жилище», оценена потребность населения, в том числе различных социально-демографических и доходных групп, в улучшении жилищных условий, возможности нуждающихся в лучшем жилье решить квартирный вопрос. Рассмотрены планируемые способы улучшения жилищных условий и способы изыскания средств на покупку нового жилья. После проведенной «сверху» реорганизации системы ЖКХ выяснено отношение населения к качеству работы управляющих компаний, основные проблемы, существующие в работе ЖЭКов и ДЭЗов при обслуживании населения.

Ключевые слова: удовлетворенность жилищными условиями, благоустройство жилья, потребность в улучшении жилищных условий, жилищно-коммунальное хозяйство, оценка качества работы управляющих компаний, возможности улучшения жилищных условий, способы улучшения жилищных условий.

Удовлетворенность жилищными условиями и потребность в их улучшении

Жилье, наряду со здоровьем и обеспеченностью работой, является важнейшим фактором, определяющим стабильное и уверенное самочувствие населения и укрепляющее «онтологическую безопасность» государства. От наличия и качества жилья во многом зависит здоровье людей, их семейное благополучие и удовлетворенность жизнью. Оно всегда было одной из самых острых и злободневных тем советской, а затем и российской жизни. Однако до сих пор более комфортная квартира или дом, по сути, пока остаются мечтой для миллионов российских семей. По данным всероссийского опроса населения 2010 г.¹, 81% респондентов имеют жилье в собственности², в том числе более половины (60,6%) живут в приватизированных квартирах в многоквартирном доме (в крупных городах таких 66-70%), 15,3% – в собственном доме/части дома, 3,8% имеют квартиру по договору социального найма, остальные опрошенные (по 2-3%) живут в общежитиях, ведомственном жилье, коммунальных комнатах, снимают квартиру или комнату.

Довольно заметна разница в типе имеющегося жилья по федеральным округам: так, наименьшее число приватизированных квартир в многоквартирных домах приходится на Южный (39,0%) и Сибирский (54,5%) округа, в них же максимум частного жилого сектора – 40,7% и 22,3%; соответственно, в то время как в Уральском федеральном округе в приватизированных квартирах, по данным опроса, проживает 79,1% (еще 5,0% – в приватизированных комнатах в коммунальной квартире), а в собственном доме только 6,5% респондентов.

Если эти различия отчасти можно объяснить географическими и климатическими особенностями округов, то следующие данные имеют в основе своей исключительно социальные причины: в обеспеченных группах россиян нет проживающих в коммунальных квартирах или снимающих жилье. В группах, идентифицирующих себя как «высокообеспеченные» и «богатые», максимальна доля тех, кто живет в приватизированной квартире – 67,9% и 61,4%. В то время как среди бедных респондентов в неприватизированных квартирах живут 12,8%, среди богатых и высокообеспеченных россиян не оформляли жилье в собственность всего 4-6%.

В возрастных когортах присутствует естественная разница в обеспеченности жильем: молодежь, характеризующая активной мобильностью и не накопившая пока достаточной суммы денег на собственное жилище, чаще других групп его снимает – 13,9% нанимают квартиру или комнату (при 1,5% в группе 55+).

¹ Опрос населения под руководством автора проведен Социологической службой РГСУ в 2010 г. в 39 субъектах Федерации в 120 населенных пунктах по общероссийской выборке. Объем выборочной совокупности 2400 чел. Выборка репрезентирует пол, возраст, образование и тип поселения.

² По данным Росстата, к 2010 г. в частной собственности находилось 84% жилого фонда, из которого 81% перешел в частную собственность в результате приватизации. Эти данные позволяют дополнительно подтверждать репрезентативность результатов опроса, так как форма собственности на жилье в задании интервьюеру на проведение опроса не котирировалась.

Перспективы развития строительной сферы и возможности граждан не внушают оптимизма, хотя еще 28 декабря 2004 г. был принят пакет законов, который должен был стать нормативно-правовым фундаментом в жилищном строительстве. Были приняты такие основополагающие законы, как Градостроительный кодекс Российской Федерации и Жилищный кодекс Российской Федерации, законы по ипотечному кредитованию жилья, закон № 214 «О долевом участии граждан в строительстве жилья» и ряд других важных нормативных актов. Руководители Федерального собрания РФ выступали с заявлениями о том, что законодательная база строительства жилья создана и ничто не мешает развитию отрасли, однако финансово-экономический кризис сказался на объемах строительства и в 2009 г. темпы прироста ввода жилья не только не выросли по сравнению с 2008 г., а, наоборот, – снизились на 6,5% [1].

Несмотря на активное строительство, советское государство не смогло обеспечить каждого гражданина отдельным жильем, а лозунг «Каждой семье к 2000 г. – отдельную квартиру!» так лозунгом и остался. Кооперативное строительство не носило массового характера, а очереди на получение бесплатного государственного жилья иногда растягивались на 20 и более лет. Тем не менее, то жилье, которое граждане имеют сегодня, в массе своей было бесплатно получено ими именно от государства. На начало 1991 г. жилищный фонд страны был равен 2 425 млн м², к 2010 г. он составил 3 177 млн м² [1]. Таким образом, большая его часть перешла к нам как наследство советского времени со всеми плюсами и минусами тех построек.

В целом, со всеми мыслимыми оговорками, почти две трети наших сограждан (64,2%) их жилищные условия устраивают полностью или частично, а 35,8% населения они не устраивают полностью или большей частью.

Стремление значительной части россиян улучшить как количественные, так и качественные параметры своего жилья становится очевидным, если обратиться к его характеристикам.

Так, на одного жителя страны в среднем приходится 22,4 м² общей площади и, хотя это достаточно высокий показатель, распределение жилищного фонда в региональном разрезе неравномерно – от 10,5 м²/чел. в Чеченской Республике до 31,5 м²/чел. в Чукотском автономном округе. В результате отдельные регионы испытывают острый дефицит жилых площадей, а в некоторых – дома пустуют.

Дополнительным фактором, стимулирующим россиян улучшить свои жилищные условия, является качество имеющегося жилья, его благоустройство, которое существенно отстает от уровня развитых стран, а часть жилого фонда, особенно в сельской местности, представляет собой ветхие постройки.

За годы реформ значительного улучшения в ситуации с благоустройством жилого фонда не произошло. Соответственно, результаты опроса фиксируют лишь незначительный, практически в рамках погрешности, рост удовлетворенности граждан имеющимися жилищными условиями (см. рис. 1).

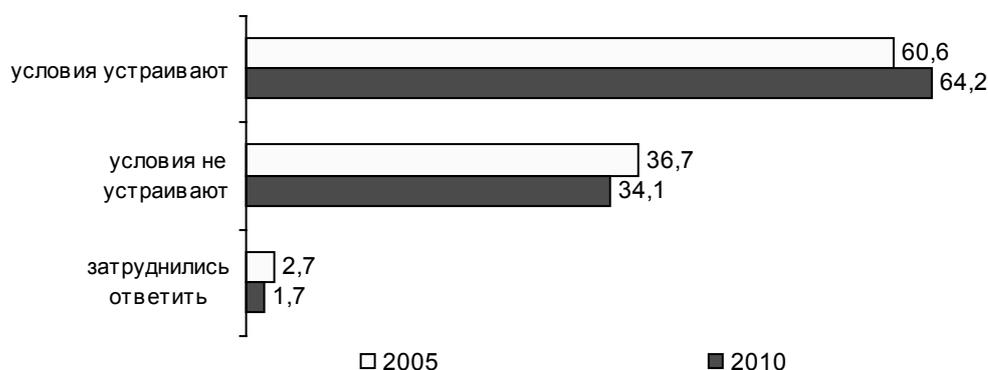

Рис. 1. Динамика удовлетворенности населения жилищными условиями (2005-2010 гг.) (в % от общего числа опрошенных)

Свои потребности в улучшении жилищных условий россияне оценивают значительно скромнее. Сегментирование респондентов по необходимости и срочности решения жилищных проблем было произведено на основании самооценок респондентами необходимости улучшения жилищных условий. Анализ ответов на вопрос «Нуждается ли Ваша семья в улучшении жилищных условий?» позволил сформировать три кластера:

ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- не нуждающиеся в улучшении жилищных условий (ответ «Нет, не нуждается»);
- перспективно нуждающиеся в улучшении жилищных условий (ответ «Особой необходимости нет, но мы все же хотели бы улучшить свои жилищные условия»);
- нуждающиеся (ответ «Да, нуждается»).

Статистический анализ показал, что данная самооценка подтверждается фактическими характеристиками жилищных условий нуждающихся, поэтому данное сегментирование может быть принято в качестве основного.

Не беспокоит квартирный вопрос только 32,8% граждан, остальные в той или иной мере хотели бы изменить условия проживания. Остро нуждаются в улучшении жилищных условий 35,5% россиян, еще 28,8%, не имея острой потребности, все же хотели бы сменить условия на более комфортные, тем более, что многие наши сограждане, не стоящие в очереди на получение жилья или формально не признанные нуждающимися, проживают в морально устаревших малогабаритных квартирах или ветхом жилье, иногда не обеспеченном элементарными удобствами. По данным Росстата, в 2009 г. водопроводом было оборудовано 77% жилищного фонда, канализацией – 73%, отоплением – 83%, ваннами (душем) – 66%, газом – 79%, горячим водоснабжением – 65% [1].

Таким образом, жилищная тематика вызывает неподдельный интерес у 68,3% населения. Вряд ли найдется еще одна проблема, столь близкая сердцу наших сограждан.

Большая часть респондентов, заявившая об острой необходимости улучшения жилищных условий, проживает в Сибирском (40,2%) и Дальневосточном (54,5%) федеральных округах, в то время как в Уральском федеральном округе таковых оказалось 29,5%.

Социально-демографические характеристики нуждающихся в улучшении жилищных условий выглядят следующим образом (табл.1):

Таблица 1

**Социально-демографические характеристики россиян,
нуждающихся в улучшении жилищных условий**
(в % от численности каждой половозрастной и доходной группы)

	Пол		Возраст, лет				Материальное положение				
	Муж.	Жен.	18-24	25-34	35-54	55+	бедные	мало-обеспеченные	средне-обеспеченные	высоко-обеспеченные	богатые
срочно нуждающиеся	34,4	36,5	38,0	44,2	37,4	26,4	52,8	41,8	37,6	25,0	5,5
перспективно нуждающиеся	29,6	28,1	36,3	28,1	31,1	22,6	17,3	27,6	26,0	37,4	22,8
всего нуждающиеся	64,0	64,5	74,3	72,3	68,5	49,0	70,1	69,4	63,6	62,4	28,3

Очевидна зависимость решения жилищного вопроса от финансовых возможностей семьи. В семьях, в которых основная доля доходов уходит на поддержание физического существования и на удовлетворение основных витальных потребностей, доля остро нуждающихся в улучшении жилищных условий доходит до половины группы, в семьях же, которые можно отнести к богатым, нуждающихся только 5,5%, да и то они оптимистично настроены и «докапливают» средства на решение жилищного вопроса.

Формально обозначенное статистикой благоустройство жилища не всегда означает его высокое качество. Большинство претензий россиян относится к водоснабжению (17,6% негативных оценок) и отоплению (16,1% негативных оценок).

Максимум же неудовольствия наших сограждан саккумулировали на обслуживающих организациях – бывшие ЖЭКи и ДЭЗы, когда при обсуждении качества их работы жильцы поминают «добрым»

словом равнодушие и «вежливость» работников (рис. 2). Бывает ли по-другому? Пока, по данным опроса, качество обслуживания жилья и предоставляемых коммунальных услуг по-прежнему находятся на низком уровне: 44,5% горожан совсем не удовлетворены работой обслуживающих организаций, а приемлемой работу жилищно-коммунальных служб находят 40,8% респондентов. Однако, справедливости ради надо отметить существенную положительную динамику оценок населением работы системы ЖКХ за последние 5 лет: доля удовлетворенных качеством обслуживания выросла почти в два раза за счет перетока голосов от группы, давших в 2005 г. работе служб ЖКХ отрицательные характеристики.

Рис. 2. Удовлетворенность населения качеством работы ЖЭКов/ДЭЗов, управляющих компаний (в % от числа городских жителей)

Чем же конкретно обусловлено преобладание отрицательных оценок населения? Следует заметить, что жильцы очень точно знают, что входит в сферу ответственности обслуживающих организаций. Именно к их компетенциям отнесены техническое обслуживание домов, своевременный ремонт подъездов, вывоз мусора и т.д. Более трети опрошенных оценивают эти виды работ как «плохие» и «скорее плохие» (38,4% негативно оценили качество работ по техническому обслуживанию дома, 40,1% недовольны состоянием подъезда, 44,5% отмечают несвоевременную уборку придомовой территории, вывоз мусора, плохое содержание газонов, неудовлетворительное освещение придомовых территорий).

Таблица 2

Оценка россиянами благоустройства и качества обслуживания своего жилья (в % от общего числа опрошенных)

	Хорошее	Скорее хорошее	Скорее плохое	Плохое	Трудно сказать/нет такой услуги
Общее состояние своей квартиры/частного дома	26,5	51,7	13,7	4,9	3,2
Водоснабжение	31,1	48,8	12,7	4,9	2,5
Газоснабжение	33,4	40,8	5,4	2,9	17,5
Отопление	37,8	42,0	11,6	4,5	4,1
Обеспечение электричеством	42,2	46,0	6,3	2,2	3,3
Техническое обслуживание дома	18,2	31,9	23,2	15,3	11,3
Состояние подъезда	15,2	29,0	23,4	16,7	15,8
Обслуживание и благоустройство прилегающих к дому территорий (вывоз мусора, содержание газонов, освещение)	14,8	30,1	24,9	19,6	10,6

Возможности россиян по улучшению жилищных условий

Неудовлетворенные потребности становятся для человека или мощным стимулом для решения проблемы, или формируют благодатную почву для депрессивных состояний. В случае жилищного вопроса существует много объективных ограничителей для быстрого решения проблемы – прежде всего, цена вопроса. 5 сентября 2005 г. по инициативе Президента РФ В.В. Путина программе по формированию рынка доступного жилья был придан статус национального проекта. В основу национального проекта была положена программа «Жилище» на 2002-2010 гг. В ней ставились конкретные и реальные для строительной отрасли цели и задачи. Действительно, цель, поставленная в ней, – достичь объемов вводимого жилья в 2010 г. 80 млн м² – это то минимально необходимое количество жилья, которое, по мнению правительства, должно было обеспечить примерно 30% нашего населения улучшение жилищных условий. Руководители Федерального собрания РФ выступали с заявлениями о том, что законодательная база строительства жилья создана, ипотека станет главным источником финансирования жилья. К 2010 г. как минимум треть граждан страны должна была иметь возможность приобрести квартиру, отвечающую современным требованиям, за счет своих и заемных средств [2]. Однако сегодня результаты опроса (рис. 3) не подтверждают этих заявлений: на ипотечный кредит рассчитывают всего 8,6% (в 2005 г. – 8,5% респондентов), а 55,5% россиян, нуждающихся в улучшении своего жилища, по-прежнему декларируют невозможность приобрести жилье ни при каких условиях.

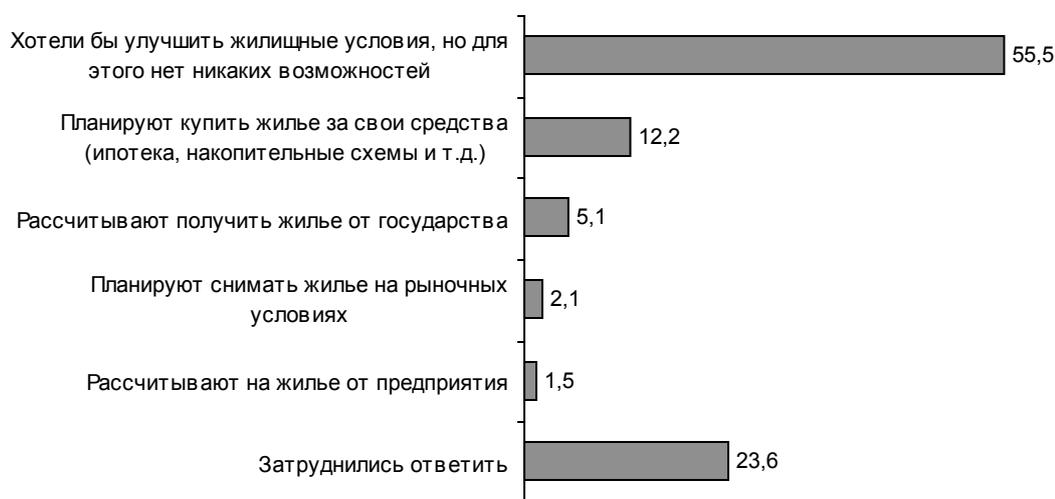

Рис. 3. Планируемые способы улучшения жилищных условий
(в % от числа нуждающихся в улучшении жилищных условий)

Значительное сокращение объемов жилья, предоставляемого гражданам на безвозмездной основе при отсутствии у основной массы населения средств на его самостоятельное приобретение, а также старение и частичное обветшание жилищного фонда привело к тому, что жилищную проблему россияне на протяжении всего после реформенного периода называют одной из самых болезненных и трудных. Среди тех россиян, кто за последние три года смог хоть как то решить квартирный вопрос, основная масса опиралась на собственные силы и поддержку родственников: 28,4% улучшивших жилищные условия сделали это на свои накопления, еще 22,0% решились на использование ипотеки. Ни работодатель (3,3% улучшивших жилищные условия), ни государство (6,0% получили жилье как очередники, 4,3% использовали средства «материнского капитала» и 3,7% получили «жилищный» сертификат) не являются для экономически активного населения гарантом или помощником в столь значимой для человека сфере.

В гипотетической ситуации, когда россиянам было предложено ответить на вопрос о том, как бы они поступили при необходимости купить жилье за свои деньги (см. табл. 3), то о наличии необходимых средств заявляют 2,5% россиян (2,8% в 2005 г.), жилищные стратегии 28,9% респондентов совпадают с планами правительства о развитии ипотечного кредитования (то же значение показателя в 2005 г.). При разумных финансовых условиях эта часть наших сограждан готова обратиться в банк за ипотечным кредитом и это безусловный ресурс развития системы ипотеки в нашей стране. Основной костяк этой группы составляют граждане в возрасте 25-34 лет, идентифицирующие себя как «высокообеспеченные».

Способы изыскания средств в случае приобретения жилья на свои деньги
(в % от общего числа опрошенных)

	Всего	Материальное положение				
		Бедные	Мало-обеспеченные	Средне-обеспеченные	Высоко-обеспеченные	Богатые
У нас уже есть средства для приобретения жилья	2,5	1,6	1,2	2,3	3,0	22,0
Стали бы копить, пока не наберется нужная сумма	14,5	18,9	12,3	14,2	16,0	16,5
Заняли бы денег у близких – родственников, друзей, коллег	4,2	3,4	2,8	4,3	5,5	
Обратились бы в банк за кредитом (ипотечным)	28,9	17,5	22,7	26,5	40,5	33,1
Затрудняюсь ответить	49,9	58,6	61,0	52,7	35,0	28,3

На заработную плату подавляющего большинства россиян при существующем уровне цен при всем желании купить квартиру невозможно. Поэтому, как и следовало ожидать, в *реальной* жизни главным фактором, определяющим выбор способа улучшения жилищных условий, выступает уровень материального положения семьи.

Показательно, что в группе обеспеченных граждан максимален процент тех, кто рассчитывает получить жилье от государства (14,3% при 5,1% в среднем по выборке) среди них же самая большая доля тех, кто планирует приобрести жилье на собственные средства (42,9% при 12,2% в среднем по выборке). В большинстве случаев, это – топ-менеджмент предприятий и предприниматели, имеющие собственный бизнес. Среди пенсионеров, способных купить жилье на свои кровные, оказалось всего 2,6%.

16-кратный разрыв в возможностях самостоятельного улучшения жилищных условий существенно превышает принятое в мировой практике пороговое значение [3], обуславливающее социальную стабильность государства. Пока эти полярные группы еще не достигли предельно-критических величин в общей массе населения, однако в случае их роста увеличивается вероятность обострения социальной напряженности и перерастания ее в открытое противостояние.

Другим фактором, обуславливающим возможности самостоятельного улучшения жилищных условий, коррелирующим с материальным положением человека, является его социально-профессиональный статус. Здесь зависимость повторяется: чем положение на статусной лестнице выше, тем выше финансовая обеспеченность респондентов, а, следовательно, и возможности по улучшению условий проживания.

Таким образом, в ближайшей перспективе улучшить свои жилищные условия смогут немногие россияне, и в совокупности это создает напряженность в обеспеченности граждан нормальными жилищными условиями.

1. Официальный сайт Росстата www.gks.ru
2. <http://www.rost.ru/projects/habitation/hab1/h11/ah11.shtml>.
3. См.: Осипов Г.В. Российская социология в XXI веке. – М., – 2003.

 **СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ПО КРИТЕРИЯМ ДОХОДОВ И ЖИЛИЩНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ**

**Бобков В.Н.
Одинцова Е.В.**

В данной статье представлены результаты анализа уровня и качества жизни населения России на основе нормативной двухкритериальной системы индикаторов. Выявлены уровень доходов и жилищной обеспеченности населения, определена специфика социальной структуры населения по критериям доходов и жилищной обеспеченности в 2008 г., а также динамика по сравнению с 2004 г.

Ключевые слова: уровень и качество жизни населения, социальная структура населения, социально-экономические группы, социальные стандарты, доходы, жилищная обеспеченность.

Разработки ОАО «Всероссийский центр уровня жизни» (ВЦУЖ) по вопросам социально-экономической структуры современного российского общества, известные широкой общественности, проводились сначала только на основе сравнения личных денежных доходов с системой нормативных потребительских бюджетов населения. В 2006 г. во ВЦУЖе были введены стандарты жилищной обеспеченности, чему предшествовали исследования, в которых было доказано, что двухкритериальная система индикаторов материального благосостояния, состоящая из уровня доходов и уровня жилищной обеспеченности, позволяет более полно характеризовать распределение населения по уровню материального достатка. Дополнение доходов как показателя уровня жизни жилищной обеспеченностью позволяет давать комплексную характеристику качеству и уровню жизни и улучшить адекватность их измерения¹. Использование двухкритериальной системы изучения и измерения качества и уровня жизни позволяет более точно определять задачи, требующие практического решения, а также дает возможность уточнить приоритеты и способы реализации государственной социальной политики.

Данная система представляет собой два независимых индикатора – доходы и жилищная обеспеченность, для каждого из которых во ВЦУЖ были разработаны социальные стандарты. **Система социальных стандартов доходов** включает следующие стандарты:

- Первый стандарт: размер доходов ниже бюджета прожиточного минимума (БПМ).
- Второй стандарт: размер доходов соответствует социально приемлемому (восстановительному) потребительскому бюджету (ВПБ) (примерно 3 БПМ).
- Третий стандарт: размер доходов соответствует потребительскому бюджету среднего достатка (ПБСД) (примерно 7 БПМ).
- Четвертый стандарт: размер доходов соответствует потребительскому бюджету высокого достатка (БВД) (примерно 11 БПМ).

Для индикатора **жилищной обеспеченности** применяется следующая **система социальных стандартов:**

- Первый стандарт: размер общей площади жилого помещения на одного члена домохозяйства не менее 7 м², имеются централизованное водоснабжение, центральное отопление, централизованная канализация.
- Второй стандарт: удовлетворяет всем требованиям первого стандарта; размер общей площади жилого помещения на одного члена домохозяйства не менее 18 м², имеется горячее водоснабжение.
- Третий стандарт: удовлетворяет всем требованиям второго стандарта; размер общей площади жилого помещения на одного члена домохозяйства не менее 30 м², имеется телефон, количество комнат, приходящихся на одного члена домохозяйства, – не менее 1.

¹ Результаты исследований опубликованы в монографии: Качество и уровень жизни населения в новой России (1991-1995 гг.) / Бобков В.Н. (руководитель авт. колл.) и др. – М.: ВЦУЖ, – 2007.

➤ Четвертый стандарт: удовлетворяет всем требованиям третьего стандарта; размер общей площади жилого помещения на одного члена домохозяйства не менее 60 м².

Данная двухкритериальная система индикаторов позволяет произвести группировку населения по социально-экономическим группам, соответствующим определенному уровню материальной обеспеченности. Так, на основе системы социальных стандартов доходов население можно дифференцировать на 5 групп:

- 1) со среднедушевыми доходами (СДД) ниже БПМ;
- 2) с СДД выше БПМ, но ниже ВПБ;
- 3) с СДД выше ВПБ, но ниже ПБСД;
- 4) с СДД выше ПБСД, но ниже БВД;
- 5) с СДД выше БВД.

С учетом социальных стандартов по уровню жилищной обеспеченности население может быть распределено по следующим группам:

- 1) жилищные условия (ЖУ) не удовлетворяют требованиям первого стандарта (наиболее плохие ЖУ);
- 2) жилищные условия удовлетворяют требованиям первого стандарта, но не удовлетворяют требованиям второго стандарта (плохие ЖУ);
- 3) жилищные условия удовлетворяют требованиям второго стандарта, но не удовлетворяют требованиям третьего стандарта (ниже средних ЖУ);
- 4) жилищные условия удовлетворяют требованиям третьего стандарта, но не удовлетворяют требованиям четвертого стандарта (средние ЖУ);
- 5) жилищные условия удовлетворяют требованиям четвертого стандарта (хорошие ЖУ).

Таким образом, все население может быть дифференцировано на 25 групп (5 x 5), соответствующих определенному уровню доходов и жилищной обеспеченности. На основе данных о распределении населения по индикаторам материальной обеспеченности может быть определена социально-экономическая структура населения.

В качестве базы данных для проведения соответствующих расчетов была применена база Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), предоставляющая информацию по широкому кругу социально-экономических показателей². В обработку были приняты данные, аккумулирующие информацию по важным для целей данного анализа характеристикам, собранные в рамках 17-й и 13-й волн обследования (2008 и 2004 гг. соответственно). Данные по выборке были распространены на генеральную совокупность (взвешивание производилось с использованием данных Росстата).

Так, на первом этапе были получены распределения населения по уровню доходов и жилищной обеспеченности (см. рис. 1 и 2). В 2008 г. к бедным по доходам можно было отнести 13,5% населения. Почти половину населения (47,7%) составили низко обеспеченные по уровню доходов, которые были выше БПМ, но не превысили ВПБ (1-3 БПМ). С доходами на уровне от ВПБ до ПБСД (3-7 БПМ) второй наиболее масштабной социально-экономической группой стали обеспеченные ниже среднего, составившие почти треть населения (30,1%). Средне обеспеченные, чьи доходы от ПБСД до БВД (7-11 БПМ), составили только 6,1% населения. К высоко обеспеченным можно было отнести лишь 2,6% населения.

Сравнивая данное распределение населения по уровню доходов с аналогичным распределением 2004 г., можно отметить, что представительство бедных и низко обеспеченных групп населения в социально-экономической структуре уменьшилось, в то время как группы с доходами выше ВПБ несколько увеличили свое представительство. Вместе с тем заметим, что низко обеспеченные и обеспеченные ниже среднего остаются наиболее масштабными социально-экономическими группами, а доля бедного населения превышает совокупную долю средне и высоко обеспеченных (см. рис. 1).

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

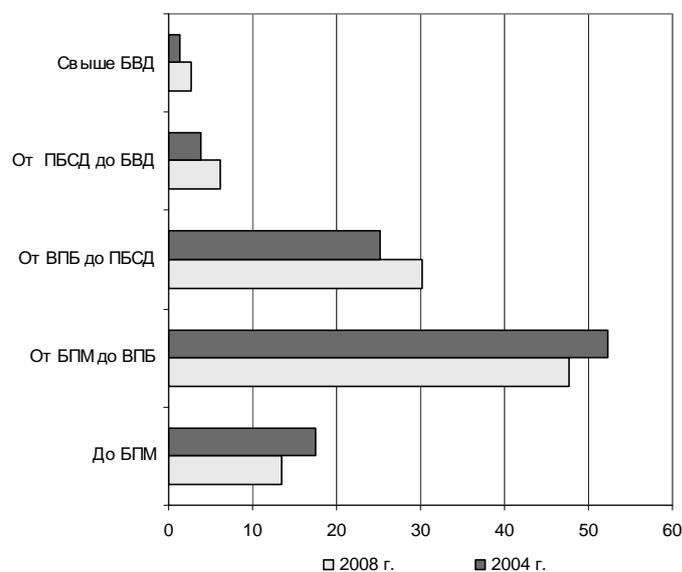

Рис. 1. Распределение населения по уровню доходов в 2004 г. и 2008 г. (в %)

Динамика жилищной обеспеченности показывает аналогичную тенденцию уменьшения доли двух социально-экономических групп с низкой жилищной обеспеченностью и, напротив, увеличение представительства групп, жилищная обеспеченность которых была на уровне ниже средних и выше (см. рис. 2).

Вместе с тем заметим, что данные изменения не были значительными: в частности, наименее существенное изменение численности произошло в группах с наиболее плохими и ниже средних жилищными условиями (0,9 и 0,3 п.п. соответственно).

В 2008 г., так же как и в 2004 г., большинство населения можно было отнести к группам с плохими и ниже средних жилищными условиями (71,5% в 2004 г., 68,6% в 2008 г.). Другими словами, жилищные условия большинства населения соответствовали лишь уровню первого-второго стандартов жилищной обеспеченности.

Средние жилищные условия в 2008 г. были у 16,9% населения, для 10,5% населения были характерны хорошие жилищные условия. В то время как 4,3% имели наиболее низкую жилищную обеспеченность, то есть их жилищные условия не соответствовали даже самому низкому, первому стандарту.

Таким образом, по уровню жилищной обеспеченности, как и по уровню доходов, наиболее масштабными социально-экономическими группами были низко обеспеченные и обеспеченные ниже среднего.

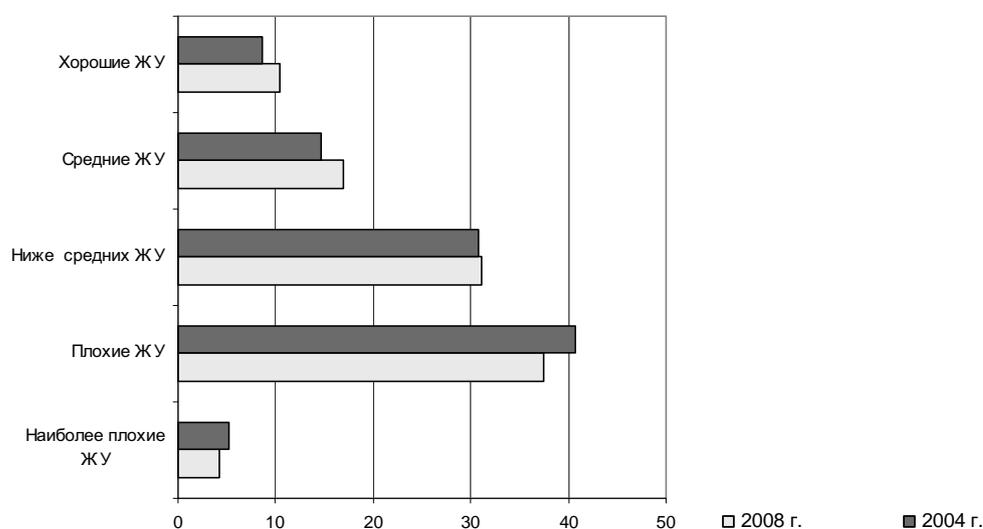

Рис. 2. Распределение населения по уровню жилищной обеспеченности в 2004 г. и 2008 г. (в %)

На следующем этапе с учетом данных о совместном распределении населения по критериям доходов и жилищной обеспеченности была определена социально-экономическая структура российского общества. Было выделено три варианта структуры населения по уровням материального достатка: два пограничных варианта и реальный.

Благоприятный вариант. Принадлежность населения к социальному слою определялась, если хотя бы один из двух признаков (доходов или жилищной обеспеченности) соответствовал требованиям соответствующих социальных стандартов.

Неблагоприятный вариант. Принадлежность населения к тому или иному слою определялась, если оба признака (доходов и жилищной обеспеченности) соответствовали требованиям соответствующих социальных стандартов.

Реальный вариант определялся следующим образом:

а) для бедных – оба признака (доходов и жилищной обеспеченности) принимались соответствующими социальным стандартам (неблагоприятный вариант);

б) для более обеспеченных слоев их нижние группировки составлялись из верхних групп менее обеспеченных слоев неблагоприятного варианта социально-экономической структуры населения. В этих группах доходы, как правило, были ниже стандартов для данной группы, но жилищная обеспеченность им соответствовала.

В таблицах 1-3 представлена структура населения по критериям материальной обеспеченности, определенная для каждого из рассмотренных вариантов по данным за 2008 г.

При благоприятном варианте социально-экономической структуры доля бедного населения составила 1,4% населения (см. таблицу 1). В данный слой попали наиболее нуждающиеся по доходам и жилью – те, кто имел доходы ниже БПМ и чьи жилищные условия характеризовались как наиболее плохие.

Слой низко обеспеченных, составивший 30,1% населения, образовали бедные по жилью, бедные по доходам и верхняя группа, представители которой при доходах от БПМ до ВПБ (1-3 БПМ) имели плохие жилищные условия. При этом данная группа явилась самой многочисленной в данном слое и составила почти 70% низко обеспеченных.

Таблица 1

**Социальная структура российского общества,
полученная по критериям доходов и жилищной обеспеченности.
Благоприятный вариант (2008 г.) (все население – 100%)**

Интегральная характеристика	Компоненты интегральной характеристики	Критерии отнесения по доходам	Критерии отнесения по жилищной обеспеченности	Доля населения (в %)	
Бедные (наиболее нуждающиеся)	<i>Бедные по доходам и жилью</i>	СДД ниже БПМ	Наиболее плохие ЖУ	1,4	
Низко обеспеченные	<i>Бедные по жилью</i>	СДД между БПМ и ВПБ	Наиболее плохие ЖУ	2,4	30,1
	<i>Бедные по доходам</i>	СДД ниже БПМ	Плохие ЖУ	7,1	
	<i>Верхняя группа</i>	СДД между БПМ и ВПБ	Плохие ЖУ	20,6	
Обеспеченные ниже среднего уровня	<i>Нижняя группа</i>	СДД между ВПБ и ПБСД	Наиболее плохие и плохие ЖУ	8,5	37,1
	<i>Средняя группа</i>	СДД ниже ВПБ	Ниже средних ЖУ	18,0	
	<i>Верхняя группа</i>	СДД между ВПБ и ПБСД	Ниже средних ЖУ	10,6	

ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Интегральная характеристика	Компоненты интегральной характеристики	Критерии отнесения по доходам	Критерии отнесения по жилищной обеспеченности	Доля населения (в %)	
Средне обеспеченные	<i>Нижняя группа</i>	СДД между ПБСД и БВД	Наиболее плохие – ниже средних ЖУ	3,0	19,0
	<i>Средняя группа</i>	СДД ниже ПБСД	Средние ЖУ	14,1	
	<i>Верхняя группа</i>	СДД между ПБСД и БВД	Средние ЖУ	1,9	
Высоко обеспеченные	<i>Нижняя группа</i>	СДД выше БВД	Наиболее плохие – средние ЖУ	1,9	12,4
	<i>Средняя группа</i>	СДД ниже БВД	Хорошие ЖУ	9,8	
	<i>Верхняя группа</i>	СДД выше БВД	Хорошие ЖУ	0,7	

Обеспеченные ниже среднего уровня представляли наиболее масштабный слой в данном варианте структуры населения, к которому были отнесены 37,1% населения. Для представителей данного слоя характерны жилищная обеспеченность на уровне наиболее плохих – ниже средних жилищных условий, а также доходы в диапазоне ниже ВПБ-ПБСД (ниже 3-7 БПМ). Данный слой также дифференцируется на три группы, наиболее представительной из которых была средняя группа (48,5% данного слоя).

19% насчитывал слой средне обеспеченных. Для представителей данного слоя были характерны жилищные условия от наиболее плохих до средних, при этом их доходы были на уровне ниже ПБСД-БВД (ниже 7-11 БПМ). Наиболее многочисленной группой данного слоя стала средняя, в которую вошли те, чьи доходы были ниже ПБСД (ниже 7 БПМ), а жилищные условия характеризовались как средние. Данная группа составила 74,2% среднего слоя.

К высоко обеспеченным были отнесены 12,4% населения, доходы которых были в диапазоне ниже/выше БВД (11 БПМ), а жилищная обеспеченность на уровне наиболее плохих – хороших жилищных условий. Наиболее масштабной из групп, образовавших высоко обеспеченный слой, стала средняя, куда вошли те, чьи доходы были ниже БВД (ниже 11 БПМ), а жилищные условия характеризовались как хорошие. Данная группа составила 79% слоя высоко обеспеченных.

При построении социально-экономической структуры населения по критериям материальной обеспеченности по *неблагоприятному варианту* к бедным были отнесены 16,4% населения (см. таблицу 2). При этом в данном слое были выделены три группы в соответствии с уровнем материальной обеспеченности – бедные по доходам, бедные по жилью и бедные по доходам и жилью. Для представителей данного слоя характерны жилищные условия от наиболее плохих до хороших при доходах на уровне ниже/выше БПМ. Наиболее представительной группой слоя бедных стали бедные по доходам, насчитывавшие 73,8% данного слоя.

Более половины населения была отнесена к низко обеспеченным, чья жилищная обеспеченность была на уровне плохих – хороших жилищных условий, а доходы были в диапазоне БПМ-ВПБ и выше (1-3 БПМ и выше). Слой низко обеспеченных был дифференцирован на три группы, из которых две полярные насчитывали более 80% данного слоя, составившего 55,1% населения.

Вторым по численности слоем при данном варианте социально-экономической структуры стали обеспеченные ниже среднего уровня, насчитывавшие 23,8% населения. Данный слой составили те, доходы которых были на уровне ВПБ-ПБСД и выше (3-7 БПМ и выше) притом, что жилищные условия характеризовались как ниже средних и выше. Представители данного слоя также были преимущественно распределены между нижней и верхней группами.

Средне обеспеченные составили 4% населения, чьи жилищные условия можно было охарактеризовать как средние и хорошие, а доходы были в диапазоне ПБСД-БВД и выше (7-11 БПМ и выше). Высоко обеспеченные с доходами выше БВД (выше 11 БПМ) и хорошими жилищными условиями составили 0,7% населения.

**Социальная структура российского общества,
полученная по критериям доходов и жилищной обеспеченности.
Неблагоприятный вариант (2008 г.) (все население – 100%)**

Интегральная характеристика	Компоненты интегральной характеристики	Критерии отнесения по доходам	Критерии отнесения по жилищной обеспеченности	Доля населения (в %)	
Бедные	<i>Бедные по доходам и жилью</i>	СДД ниже БПМ	Наиболее плохие ЖУ	1,4	16,4
	<i>Бедные по доходам</i>	СДД ниже БПМ	Плохие – хорошие ЖУ	12,1	
	<i>Бедные по жилью</i>	СДД выше БПМ	Наиболее плохие ЖУ	2,9	
Низко обеспеченные	<i>Нижняя группа</i>	СДД между БПМ и ВПБ	Плохие ЖУ	20,6	55,1
	<i>Средняя группа</i>	СДД выше ВПБ	Плохие ЖУ	9,8	
	<i>Верхняя группа</i>	СДД между БПМ и ВПБ	Ниже средних, средние и хорошие ЖУ	24,7	
Обеспеченные ниже среднего уровня	<i>Нижняя группа</i>	СДД между ВПБ и ПБСД	Ниже средних ЖУ	10,6	23,8
	<i>Средняя группа</i>	СДД выше ПБСД	Ниже средних ЖУ	2,2	
	<i>Верхняя группа</i>	СДД между ВПБ и ПБСД	Средние и хорошие ЖУ	11,0	
Средне обеспеченные	<i>Нижняя группа</i>	СДД между ПБСД и БВД	Средние ЖУ	1,9	4,0
	<i>Средняя группа</i>	СДД выше БВД	Средние ЖУ	0,9	
	<i>Верхняя группа</i>	СДД между ПБСД и БВД	Хорошие ЖУ	1,2	
Высоко обеспеченные		СДД выше БВД	Хорошие ЖУ	0,7	0,7

В таблице 3 представлена социально-экономическая структура населения по критериям материальной обеспеченности, соответствующая *реальному варианту* структуры. Слой бедных по доходам и жилищной обеспеченности составил 16,4% населения. При этом 8,5% из них были бедными по доходам и жилью, то есть их доходы не превышали прожиточного минимума, а жилищные условия характеризовались как наиболее плохие, несоответствующие самому низкому стандарту жилищной обеспеченности. У 17,7% бедных доходы были выше прожиточного минимума, в то время как жилищные условия являлись наиболее плохими. Они были отнесены к бедным по жилью. Большинство бедных (73,8%) являлись бедными по доходам: при уровне доходов менее прожиточного минимума их жилищные условия варьировали от плохих до хороших.

Таблица 3

**Социальная структура российского общества,
полученная по критериям доходов и жилищной обеспеченности.
Реальный вариант (2008 г.) (все население – 100%)**

Интегральная характеристика	Компоненты интегральной характеристики	Критерии отнесения по доходам	Критерии отнесения по жилищной обеспеченности	Доля населения (в %)	
Бедные	<i>Бедные по доходам и жилью</i>	СДД ниже БПМ	Наиболее плохие ЖУ	1,4	16,4
	<i>Бедные по жилью</i>	СДД выше БПМ	Наиболее плохие ЖУ	2,9	
	<i>Бедные по доходам</i>	СДД ниже БПМ	Плохие – хорошие ЖУ	12,1	
Низко обеспеченные	<i>Нижняя группа</i>	СДД между БПМ и ВПБ	Плохие ЖУ	20,6	30,4
	<i>Верхняя группа</i>	СДД выше ВПБ	Плохие ЖУ	9,8	
Обеспеченные ниже среднего уровня	<i>Нижняя группа</i>	СДД между БПМ и ВПБ	Ниже средних, средние и хорошие ЖУ	24,7	37,5
	<i>Средняя группа</i>	СДД между ВПБ и ПБСД	Ниже средних ЖУ	10,6	
	<i>Верхняя группа</i>	СДД выше ПБСД	Ниже средних ЖУ	2,2	
Средне обеспеченные	<i>Нижняя группа</i>	СДД между ВПБ и ПБСД	Средние и хорошие ЖУ	11,0	13,8
	<i>Средняя группа</i>	СДД между ПБСД и БВД	Средние ЖУ	1,9	
	<i>Верхняя группа</i>	СДД выше БВД	Средние ЖУ	0,9	
Высоко обеспеченные	<i>Нижняя группа</i>	СДД между ПБСД и БВД	Хорошие ЖУ	1,2	1,9
	<i>Верхняя группа</i>	СДД выше БВД	Хорошие ЖУ	0,7	

Низко обеспеченные, представлявшие собой один из наиболее масштабных по численности слоев, насчитывали 30,4% населения. Для представителей данного слоя были характерны плохие жилищные условия и доходы выше прожиточного минимума. При этом 67,8% низко обеспеченных имели доходы от БПМ до ВПБ (1-3 БПМ), у остальных же доходы превышали ВПБ.

Наиболее представительным по численности являлся слой обеспеченных ниже среднего уровня, к которому были отнесены 37,5% населения и представители которого имели доходы выше БПМ, а жилищные условия на уровне ниже средних и выше. Представители данного слоя преимущественно были распределены в нижнюю группу с доходами от БПМ до ВПБ (1-3 БПМ) и жилищными условиями на уровне ниже средних – хороших. Данная группа составила 65,9% обеспеченных ниже среднего уровня.

К средне обеспеченным можно было отнести только 13,8% населения. Составившие данный слой имели доходы выше ВПБ (выше 3 БПМ), а их жилищные условия характеризовались как средние и хорошие. При этом подавляющее большинство представителей данного слоя можно было отнести только к нижней группе, которая составила 79,7% средне обеспеченных. Для нижней группы характерны средние и хорошие жилищные условия при доходах на уровне от ВПБ до ПБСД (3-7 БПМ).

Высоко обеспеченные насчитывали 1,9% населения. К данному слою были отнесены те, кто при хорошей жилищной обеспеченности имел доходы выше ПБСД (выше 7 БПМ).

В целом можно констатировать, что социально-экономическая структура российского общества по критериям материальной обеспеченности представлена преимущественно социально-экономическими группами с уровнем жизни ниже среднего (см. таблицу 4). В 2008 г., как и в 2004 г., самыми представительными группами были низко обеспеченные и обеспеченные ниже среднего уровня, составившие вместе более 60-70% населения (в зависимости от варианта структуры населения).

В таблице 4 представлен также *идеальный вариант* структуры, к которому следовало бы стремиться. Он отвечает стандартам «общества двух третей» с преобладанием средних слоев по уровню материального достатка. В этой модели общества 60% населения представлены средними группами, а по 20% населения располагаются ниже и выше среднего слоя. Нижние по отношению к среднему слою группы населения могут рассматриваться как относительно бедные, а верхние – как высоко обеспеченные. Сравнение реальной и идеальной структур показывает степень приближения реальной социальной структуры российского общества по уровню материального достатка к идеальной структуре. Сравнение показывает, что реальное распределение материальных условий жизни в Российской Федерации неблагоприятно отличается от идеального.

Таблица 4

**Вариантная структура российского общества
по критериям доходов и жилищной обеспеченности
(2008/2004 гг.)**

Социально-экономические группы населения	Благоприятный вариант (соответствие одного из двух критериев), в %		Неблагоприятный вариант (соответствие двух критериев), в %		Реальный вариант, в %		Идеальный вариант, в %
	2008 г.	2004 г.	2008 г.	2004 г.	2008 г.	2004 г.	
Бедные	1,4	2,0	16,4	20,7	16,4	20,7	0
Низко обеспеченные	30,1	35,6	55,1	57,2	30,4	31,1	0
Обеспеченные ниже среднего уровня	37,1	36,6	23,8	19,4	37,5	36,5	20
Средне обеспеченные	19,0	16,1	4,0	2,4	13,8	10,6	60
Высоко обеспеченные	12,4	9,7	0,7	0,3	1,9	1,1	20
Итого	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Сопоставляя данные 2008 г. и 2004 г., можно отметить, что при сохранении отмеченной выше специфики соотношения социально-экономических групп, доли групп с низким уровнем жизни снизились, в то время как в группах обеспеченных ниже среднего и выше наблюдалась обратная динамика. Данные изменения в целом отражают тенденции изменения уровня доходов и жилищной обеспеченности и уже рассмотренную специфику распределения групп, выделенных на основе данных критериев.

Однако эти изменения являются достаточно медленными. При сохранении этих трендов в перспективе нельзя рассчитывать на достижение предусмотренных в Концепции долгосрочного развития до 2020 года (КДР) уровней снижения бедности и доли средне обеспеченного населения 50% от его общей численности.

Для реализации этих задач необходимы более масштабные меры по повышению реальных доходов населения и его жилищной обеспеченности. Так, например, в ближайшей перспективе представляется необходимым и возможным сосредоточить меры социальной политики на преодолении бедности по доходам и жилищу, а также бедности по доходам. За счет этого масштабы бедности могут быть значительно сокращены. В отношении расширения численности средне обеспеченного слоя целесообразно предусмотреть меры по созданию условий для повышения доходов в нижней группе населения с

материальными условиями ниже среднего уровня, поскольку у значительной части из них жилищные условия уже позволяют обеспечивать средний уровень материального достатка.

При проведении конкретных оценок возможностей изменения ситуации с доходами и жилищной обеспеченностью нельзя исключать пересмотра в сторону снижения перспективных ориентиров в актуализированном варианте Концепции долгосрочного развития страны.

Представленный инструментарий выявления социальных структур российского общества по уровню материального достатка и количественные оценки представительства социальных слоев и групп с разными материальными условиями жизни позволяют разностороннее оценить состояние и масштабы экономического неравенства. На этой основе могут быть определены несколько сценариев государственной социальной политики, направленной на снижение бедности и экономического неравенства.

1. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991-1995 гг.). / Бобков В.Н. (руководитель авт. колл.) и др. – М.: ВЦУЖ. – 2007.

2. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

3. В.Н. Бобков. Качество и уровень жизни населения. Обнаружение социально-классовых структур. В кн. Политическая экономия как экономическая философия: учебное пособие для студентов всех специальностей. / Рук. авт. колл. Б.А. Денисов. – М.: ГУУ. – 2009.

4. Бобков В.Н., Канаев И.М. Социальная структура структуры российского общества по критерию доходов и жилищной обеспеченности // Экономист. – 2006, № 9.

5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).

АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ ЖИЛИЩНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ И
ВОЗМОЖНОСТЕЙ УЛУЧШЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ
В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ ¹

**Пузанов А.С.
Косарева Н.Б.
Полиди Т.Д.
Туманов А.А.**

Проанализированы изменения жилищной обеспеченности и возможностей улучшения жилищных условий населения в период перехода к рыночной экономике (1989-2009 гг.). На основе статистических данных и экспертных выводов дается оценка того, привели ли преобразования в жилищной сфере к повышению уровня удовлетворения жилищных потребностей населения, какие группы населения выиграли, а какие проиграли в результате этих преобразований.

Ключевые слова: жилищный сектор, жилищная обеспеченность, рыночные реформы, жилищные условия.

Введение

Развитие жилищной сферы в России начиная с 1991 г. представляет собой уникальный исторический опыт масштабных социально-экономических преобразований при переходе от социалистической системы жилищных отношений к рыночной. В советское время жилищная политика была крайне централизованной:

- преобладала государственная собственность в строительстве, жилищном фонде и управлении коммунальным хозяйством;
- планирование и финансирование жилищного строительства в основном шло из единого центра;
- государственные банки редко давали жилищные кредиты, да и то только на кооперативное и индивидуальное жилищное строительство;
- государственные квартиры распределялись бесплатно среди граждан, признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий (очередников);
- государственное жилье продавать было нельзя, но позволялось обменивать (в большинстве случаев с нелегальной доплатой);
- собственные индивидуальные дома разрешалось строить только в сельской местности и в городах с населением менее 100 тыс. жителей;
- кооперативное жилищное строительство было относительно развито только в самых крупных городах;
- цены на жилищно-коммунальные услуги жестко регулировались.

К 2009 г. в стране были проведены основные реформы в жилищной сфере, включая массовую бесплатную приватизацию жилья, сформирован достаточно развитый рынок жилья, начало развиваться ипотечное жилищное кредитование. Тяжело и мучительно идут реформы в сфере жилищно-коммунального хозяйства, в том числе снижение размеров бюджетного дотирования предоставления жилищно-коммунальных услуг и поддержка лишь семей с наиболее низкими доходами.

В данной статье сделана попытка проанализировать, привели ли указанные преобразования к повышению уровня удовлетворения жилищных потребностей населения, какие группы населения выиграли, а какие проиграли в результате этих преобразований.

1. Методология исследования

Общим методологическим подходом исследования является оценка изменения значений отдельных показателей, характеризующих уровень удовлетворения жилищных потребностей населения, за прошедшие 20 лет. Удовлетворение жилищных потребностей оценивается в данной работе по следующим основным направлениям:

¹ Статья подготовлена на основе доклада «Сравнительный анализ потребления и расходов в жилищной сфере», представленного на XII международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества 5-7 апреля 2011 г.

– фактический уровень потребления жилищных благ, включая уровень жилищной обеспеченности (housing availability);

– возможности улучшения жилищных условий и динамика улучшения жилищных условий (housing accessibility).

Разработка методологии сопоставления отдельных показателей представляет собой самостоятельную задачу, поскольку во многих случаях простое сравнение статистических данных за указанные годы не дает ответа на поставленные вопросы, а иногда необходимые данные и вовсе отсутствуют. Прямое сопоставление показателей часто оказывается невозможным как из-за изменения методологии сбора показателей, так и из-за институциональных изменений.

Особую методологическую сложность представляет собой сравнительная оценка возможностей улучшения жилищных условий, поскольку за рассматриваемых период произошли кардинальные изменения в наборе способов улучшения жилищных условий, которые трудно сопоставимы.

Проведенное исследование основывается, в первую очередь, на статистических данных, сбор и обработку которых осуществляет государственный орган государственной статистики (в 1989 г. – Госкомстат, в 2009 г. – Росстат), результатах переписи населения 1989 и 2002 гг., данных выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств. В случае отсутствия данных, были использованы авторские экспертные оценки на основе определенных гипотез, а также экспертные оценки иных исследователей из публикаций соответствующего периода.

В случаях, когда прямое сопоставление показателей оказывается невозможным из-за отсутствия соответствующих институтов, в рамках данного исследования используются методы построения абстрактного (воображаемого) института с характеристиками действовавшего в 1989 г. или 2009 г.

Для учета изменения покупательной способности денег за прошедшие 20 лет, стоимостные показатели анализировались после их нормировки.

Существует также проблема прямого сопоставления результатов переписи населения 1989 г. и данных за 2002 г. и 2009 г., поскольку в 1989 г. учетной единицей являлась семья, а в 2002 г. и позднее – домохозяйство. Домохозяйство, в отличие от семьи, может включать в себя не только лиц, объединенных родственной связью (то есть семью), но и иных лиц, ведущих совместное хозяйство. Поскольку информация о том, каким в 1989 г. было различие между средним размером семьи и домохозяйством отсутствует, мы будем считать, что данные понятия совпадают, хотя данная гипотеза и требует дальнейшего уточнения.

Источники данных и гипотезы, использованные при расчетах, приводятся рядом с соответствующими результатами расчетов.

2. Оценка изменения фактического уровня потребления жилищных благ

Сопоставление фактического потребления жилищных благ в настоящем исследовании основано на анализе динамики количественных характеристик потребления жилья (обеспеченности жильем), измеряемых общей площадью жилых помещений, приходящейся на одного человека, а также количеством жилых единиц на 1000 человек². Изменения качественных характеристик жилищного фонда в настоящей статье не рассматривается.

За рассматриваемый период произошло существенное увеличение обеспеченности общей площадью жилья, которая увеличилась на 40% в целом по России, в том числе на 44% в городской местности (таблица 1). В результате отставание России по этому показателю от развитых стран сократилось: в 1989 г. обеспеченность общей площадью жилья составляла 26% от обеспеченности в США³ (16,1 и 61,3 м² на человека соответственно), а в 2009 г. – уже 32% (22,5 и 69,7 м² на человека соответственно).

Увеличились показатели не только средней, но и медианной обеспеченности общей площадью жилья. Последняя составляла немногим более 15 м² в 1989 г. и около 20 м² в 2009 г., то есть увеличилась примерно на 30%.

² Данный показатель является основным индикатором жилищной обеспеченности, применяемых в странах Европейского Союза, других странах с развитыми рынками жилья.

³ Данные US Housing Census.

ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

В несколько меньшей степени – на 28%, увеличилась обеспеченность жилыми помещениями (жилимыми единицами) в расчете на 1000 чел., что объясняется существенным увеличением среднего размера вновь построенного жилого помещения – с 57,7 м² в 1989 г.⁴ до 85,3 м² в 2009 г.⁵

Таблица 1

Динамика обеспеченности жильем в Российской Федерации

	1989 г.	2009 г.
Средняя обеспеченность общей площадью жилья, м² на чел.	16,1 ⁶	22,5 ⁷
в том числе в городских поселениях	15,4 ⁸	22,1 ⁹
в сельских поселениях	18,0 ¹⁰	23,1 ¹¹
Обеспеченность жилыми помещениями, жилых единиц на 1000 чел.	328 ¹²	419 ¹³

К сожалению, существующая статистика не позволяет рассчитать обеспеченность жильем в отношении именно занятых жилых помещений. В связи с наличием пустующих жилых помещений, не выведенных из состава жилищного фонда, в том числе ветхих и аварийных, общие статистические данные по жилищному фонду в целом могут не вполне адекватно отражать сложившуюся ситуацию (в большей степени это характерно для сельской местности). Мы также не можем достоверно оценить, увеличилась или уменьшилась за рассматриваемый период доля пустующих жилых помещений, хотя можно предположить, что процедура вывода неиспользуемых жилых помещений из состава жилищного фонда замедлилась. Тем не менее, факт улучшения обеспеченности жильем неоспорим.

Следует отметить, что существенным фактором увеличения обеспеченности жильем в рассматриваемый период явилось уменьшение численности населения Российской Федерации, которая сократилась в рассматриваемый период с 147,7 млн чел. (на 1 января 1990 г.) до 141,9 млн чел. (на 1 января 2010 г.), то есть на 4%. Если бы численность населения осталась неизменной, то при существующем жилищном фонде в 2009 г. средний уровень обеспеченности общей площадью жилья составлял бы в 2009 г. 21,6 м² на чел. и соответственно увеличение обеспеченности по сравнению с 1989 г. составило бы 34%, а не 40%. Таким образом, увеличение обеспеченности общей площадью жилья на 15% определяется фактором снижения численности населения Российской Федерации и на 85% – факторами, определившими рост объема жилищного фонда в России.

Как видно из таблицы 1, среднегодовой прирост обеспеченности общей площадью жилья составил в рассматриваемом периоде 0,32 м² на человека в год, в том числе 0,34 м² на человека в год в городской местности и 0,26 м² на человека в сельской местности. Аналогичные показатели в период 1980-1990 гг. составили соответственно 0,30 м² на человека в год в среднем по России, 0,24 м² и 0,44 м² на человека в год соответственно в городской и сельской местности¹⁴. Таким образом,

⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1990 г., стр. 209.

⁵ Данные Росстата о жилищном строительстве в 2009 г.

⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1990 г., стр. 211.

⁷ Россия в цифрах – 2010 г., табл. 7.15.

⁸ Народное хозяйство РСФСР в 1990 г., стр. 211.

⁹ Российский статистический ежегодник, 2010, табл. 6.37.

¹⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1990 г., стр. 211.

¹¹ «Российский статистический ежегодник», 2010, табл. 6.37.

¹² Рассчитано на основе данных Росстата о численности жилых единиц в 1990 г. (48,8 млн. жилых единиц), количестве жилых единиц построенных в 1990 году и среднем уровне выбытия жилых помещений в 80-е гг. Расчет проведен при предположении, что численность жилых единиц в 1989 г. составляла 48,5 млн.

¹³ Рассчитано по данным Росстата: форма 1 – жилфонд.

¹⁴ Рассчитано по данным Росстата, размещенным на официальном сайте www.gks.ru

несмотря на кардинальные изменения системы институтов обеспечения жильем, произошедшие за последние 20 лет, общая динамика прироста обеспеченности общей площадью жилья практически не изменилась.

Особый интерес представляет динамика обеспеченности общей площадью жилья в Москве в сопоставлении со среднероссийскими показателями. В 2010 г. обеспеченность общей площадью жилья в России составила в 2010 г. 22,6 м² на человека – на 21% выше, чем в Москве, в том числе в городской местности – 22,1 м², на человека, или на 18% выше, чем в Москве¹⁵. В 2000 г. превышение общероссийского показателя обеспеченности общей площадью жилья над соответствующим показателем в Москве составило 9,7% в целом по жилищному фонду и 8% по городскому жилищному фонду. Таким образом, можно констатировать увеличение отставания обеспеченности общей площадью жилья в Москве относительно среднероссийских показателей, обусловленного, в первую очередь, ростом численности населения Москвы на фоне сокращения общей численности населения Российской Федерации.

Однако следует подчеркнуть, что данный вывод нуждается в уточнении в рамках дальнейших исследований как в качественном, так и в количественном аспектах. Причина в том, что следствием особенностей развития субурбанизации в России, и в Московской агломерации в частности, является значительное количество московских семей, имеющих второе жилье на территории Московской области, причем доля благоустроенных жилых помещений, пригодных для постоянного проживания, в последние годы существенно выросла как за счет увеличения числа коттеджных поселков (в настоящее время в собственности москвичей на территории Московской области находится около 100 тыс. объектов индивидуального жилищного строительства), так и за счет превращения домиков, воздвигнутых на садово-огородных участках, в благоустроенные жилые помещения, приобретения москвичами квартир в строящихся многоквартирных домах на территории Московской области.

На основе имеющихся в литературе аналитических расчетов и оценок¹⁶ [4, с. 65-68] можно предположить, что в настоящее время в собственности москвичей на территории Московской области находится около 300 тыс. жилых помещений, пригодных для постоянного проживания и расположенных в зоне потенциально возможных ежедневных трудовых поездок в Москву, которые используются в качестве второго жилища¹⁷.

Площадь таких жилых помещений составляет около 40 млн м². С учетом этого обстоятельства оценка обеспеченности москвичей общей площадью жилья в 2010 г. возрастает до 22,2 м² на человека, то есть практически до средних показателей обеспеченности жильем в городской местности Российской Федерации.

Более низкая обеспеченность общей площадью жилья относительно средних показателей характерна для многих крупнейших городов, где высока доля многоквартирных домов. Так, например, обеспеченность общей площадью жилья во Франции на 14% больше, чем в Париже, в Германии – на 13% больше, чем в Берлине, в Испании – на 10% больше, чем в Мадриде, в Италии – на 4% больше, чем в Риме. Таким образом, если 10 лет назад соотношение «столичной» и средней по стране жилищной обеспеченности в России находилось на «среднеевропейском» уровне, то сегодня можно констатировать, что отставание Москвы от средних по России показателей обеспеченности общей площадью жилья существенно превышает пропорции, складывающиеся в других странах.

Общее увеличение обеспеченности общей площадью жилья сопровождалось изменением дифференциации обеспеченности.

Следует отметить существенное сокращение крайне низкой обеспеченности общей площадью жилья: доля домохозяйств, имеющих менее 9 м² на человека, сократилась более, чем в три раза, с 14,8% до 4,3% (рис.1).

¹⁵ Рассчитано по данным формы 1-жилфонд за 2010 г.

¹⁶ Согласно приведенным расчетам, в 2004 году в собственности москвичей на территории Московской области находилось около 1 млн. владений в коттеджных помелках, садовых некоммерческих товариществах и т.п., в том числе около 100 тыс. объектов индивидуального жилищного строительства.

¹⁷ Нередко, оставаясь формально вторым жилищем в силу нежелания собственника терять статус москвича, они фактически становятся местом постоянного проживания семьи.

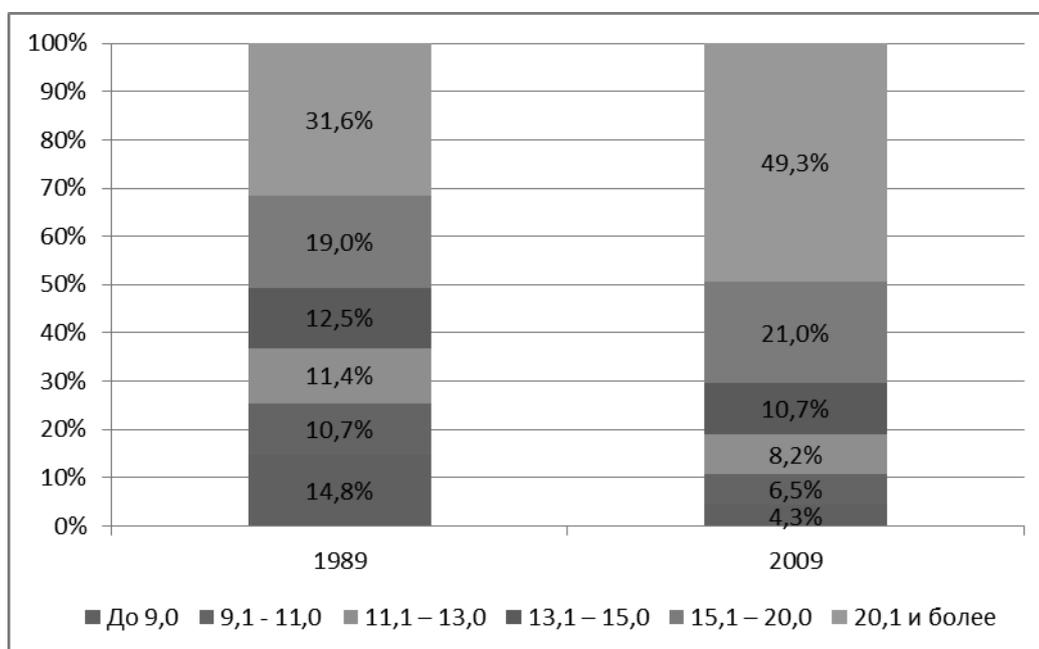

Рис. 1. Распределение домашних хозяйств (семей) по обеспеченности общей площадью жилья¹⁸

Группа с крайне низкой обеспеченностью общей площадью жилья уменьшилась и в относительном выражении: доля домашних хозяйств, чья обеспеченность (в расчете на человека) составляет менее чем 40% от средней обеспеченности за соответствующий год, снизилась с 6,1% до 4,3% всех домашних хозяйств (рис. 2). С другой стороны, доля домашних хозяйств с обеспеченностью общей площадью жилья менее 60% от среднего уровня возросла с 18,4% до 21,7%. Таким образом, при сокращении крайних форм жилищного «недопотребления» увеличивается страта семей с невысоким уровнем обеспеченности общей площадью жилья – от 40% до 60% от среднего уровня.

С другой стороны, доля домашних хозяйств с обеспеченностью общей площадью жилья, превышающей среднюю более, чем на 25%, снизилась за рассматриваемый период с 31,5% до 26,7%.

Одновременно в результате снятия с переходом к рыночной экономике существовавших в советский период ограничений на площадь и количество жилых единиц, которые могут находиться во владении одного лица, а также расширения возможностей приобретения жилья на рыночных условиях возникла небольшая группа населения со сверхвысоким уровнем потребления жилья (более 40 кв. м на чел., что составляет 178% и более от среднероссийского уровня и соответствует среднему европейскому уровню), что и определило более высокий темп роста средней обеспеченности общей площадью жилья по сравнению с медианной. В 2009 г. доля таких «сверхобеспеченных» домохозяйств достигла 10,9% всех домохозяйств, при этом среди домохозяйств верхнего дециля распределения домохозяйств по уровню среднедушевых доходов такую обеспеченность имели 30,4%.

¹⁸ 1989 г. – данные выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; 2009 г. – данные сборника «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2009 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств)».

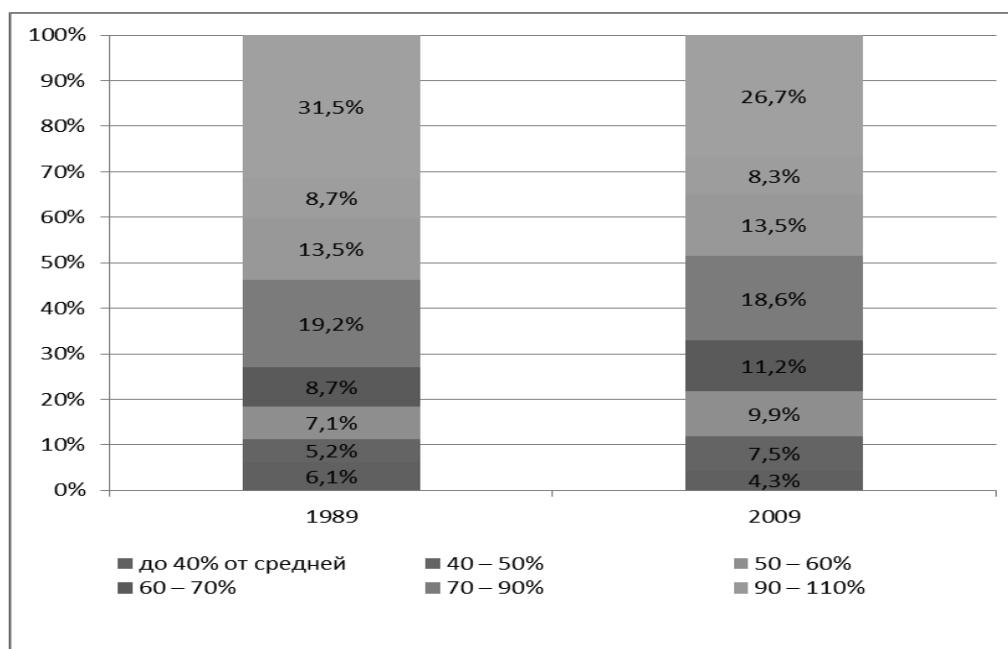

Рис. 2. Распределение домашних хозяйств по относительному уровню обеспеченности общей площадью жилья¹⁹

В целом дифференциация населения по уровню обеспеченности общей площади жилья в 2009 г. была менее значимой, нежели дифференциация по доходам: коэффициент дифференциации по доходам составил 9,4, а по обеспеченности жильем – 7,5.

²⁰Эластичность обеспеченности общей площадью жилья по доходам, рассчитанная по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств 2009 г., составляет 0,27.

Некоторое представление о динамике зависимости объемов потребления жилья и доходов дает информация по Москве за 1992 г. и 2007 г. Если в 1992 г. коэффициент детерминации R^2 в отношении данной зависимости составлял 0,106, то в 2007 г. – 0,188. Разница между первым и пятым квинтилями распределения по среднедушевым доходам между трансформированными индексами потребления жилья по площади²¹ увеличилась в рассматриваемый период с 1,19 до 1,34 [1, с. 89-98].

Оценка изменения возможностей улучшения жилищных условий и динамики улучшения жилищных условий

В конце 80-х гг. основные возможности улучшения жилищных условий были связаны с получением государственного жилья по договору найма. В очередь на получение такого жилья принимались граждане, имеющие жилищную обеспеченность менее 5-7 м² жилой площади на человека (нормы постановки на учет различались в разных регионах и разных очередях: ведомственной, «исполкомовской», и т.п.). Граждане, работавшие на некоторых «богатых» предприятиях и в «номенклатурных» организациях, некоторые льготные категории, могли быть приняты на учет также при уровне жилищной обеспеченности до 9 м² жилой площади.

Граждане, имеющие жилищную обеспеченность даже ненамного превышающую соответству-

¹⁹ Значения во всех диапазонах кроме крайних получены с помощью метода линейного интерполирования. 1989 г. – расчет на основе данных выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, 2009 г. – расчет на основе данных: «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2009 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств)».

²⁰ Рассчитано на основе данных о распределении населения по размеру общей (полезной) площади жилого помещения в среднем на проживающего. «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2009 году», Росстат.

²¹ Описание трансформированных индексов см. в: А. Puzanov, А. Tumanov, V. Ladygin and Ye. Pankova “Housing Consumption in Russia and in Moscow: Transition-Period Trends”, prepared for the ENHR Conference in Prague 2009 www.enhr2009.com.

ющую норму постановки на учет, теряли доступ к бесплатному государственному жилью. По экспертным оценкам, доля граждан, имевших очевидную потребность в улучшении жилищных условий, но не имевших возможности получить жилье от государства, составляла около 40% населения [2, с.81].²²

Для таких граждан оставались следующие возможности улучшения жилищных условий:

- вступление в жилищно-строительный кооператив (что было возможно только для небольшой части граждан, в основном, проживавших в крупных городах, да и то в основном только в порядке очереди и в случае, если обеспеченность жилой площадью жилья на одного человека не превышала 7-9 м²);
- строительство или покупка индивидуального жилого дома (индивидуальное жилищное строительство разрешалось только в сельской местности и городах с населением менее 100 тыс. жителей);
- обмен государственной квартиры, полученной по договору найма, на квартиру большего размера с нелегальной «доплатой». В связи с тем, что расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг составляли небольшую величину, семьи, имеющие «излишки» жилой площади, не были заинтересованы в снижении объемов потребления жилья,²³ в связи с чем размеры такого «квази-рынка» были невелики.

Вступление в жилищно-строительный кооператив и получение земельного участка для индивидуального жилищного строительства открывало доступ к дешевым кредитным ресурсам государственных банков.

К 2009 г. уже были сняты все ограничения на сделки с жилыми помещениями в частном жилищном фонде, доля которого за рассматриваемый период в результате бесплатной приватизации жилья многократно увеличилась и составляла в 2009 г. более 84% всего жилищного фонда (к этому моменту было приватизировано 73% всех жилых помещений, подлежащих приватизации). В результате жилые помещения стали объектами легального рыночного оборота.

Сняты также ограничения доступа к банковскому жилищному кредитованию, однако стоимость кредитных ресурсов стала рыночной и достаточно высокой.

В 2009 г. институт постановки граждан на учет в целях предоставления им жилых помещений по договору социального найма сохранился, хотя количество предоставляемых жилых помещений резко сократилось, при этом:

- жилые помещения предоставлялись, в основном, органами местного самоуправления из муниципального жилищного фонда;
- нормы постановки на учет (учетные нормы) устанавливались в квадратных метрах общей площади жилого помещения в диапазоне от 9 до 13 м²,²⁴ что примерно соответствует учетным нормам в квадратных метрах жилой площади, действовавшим в конце 80-х гг.;
- срок ожидания предоставления указанных жилых помещений существенно увеличился (см. табл. 4).

Помимо этого, в настоящее время существует институт субсидирования приобретения жилья отдельными категориями граждан. В ряде случаев размер субсидии может покрывать до 100% нормативной стоимости приобретаемого жилого помещения (государственные жилищные сертификаты для определенных категорий граждан, перед которыми есть законодательно установленные обязательства Российской Федерации по обеспечению жильем), а в ряде случаев предоставляются частичные субсидии (например, молодым семьям).

Оценка изменения возможностей улучшения жилищных условий

Оценка изменения возможностей улучшения жилищных условий в 2009 г. по сравнению с 1989 г. проведена в разрезе сопоставимых по уровню обеспеченности общей площадью жилья групп населения. В таблице 2 приведены оценки численности и анализ возможностей улучшения жилищных условий в разрезе четырех таких групп домохозяйств.

Некоторую сложность представляет унификация порогов уровня обеспеченности общей площадью жилья, дающих основания претендовать на получение государственного или муниципального жилья (в 1989 г. нормы постановки на учет исчислялись в квадратных метрах жилой площади, а в 2009 г. – в квадратных метрах общей площади жилья). Таблица 2 построена, исходя из некоторого типичного соотношения жилой площади и общей площади.

²² Оценка относится в целом к СССР.

²³ Даже с учетом повышенных ставок и тарифов на оплату «сверхнормативной» площади занимаемого жилого помещения.

²⁴ Описание трансформированных индексов см. в: А. Puzanov, А. Tumanov, V. Ladygin and Ye. Pankova "Housing Consumption in Russia and in Moscow: Transition-Period Trends", prepared for the ENHR Conference in Prague 2009 www.enhr2009.com.

ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Необходимо также отметить, что в 2009 г. возможности улучшения жилищных условий в каждой из выделенных групп в значительной степени определялись уровнем доходов домохозяйств в каждой группе. Информация о распределении обеспеченности общей площадью жилья в разрезе децильных доходных групп была использована для оценки размера групп домохозяйств, возможности улучшения жилищных условий которых улучшились либо ухудшились²⁵.

Таблица 2

Изменение возможностей улучшения жилищных условий домохозяйств по группам домохозяйств в зависимости от уровня обеспеченности площадью жилья

Характеристика группы	Доля в 1989 г.	Доля в 2009 г.	Характеристика изменений возможностей улучшения жилищных условий
Домохозяйства, имеющие обеспеченность до 7 м² жилой площади/10 м² общей площади.	20,2%	7,6%	<p>Доля домохозяйств данной группы существенно снизилась, в том числе за счет использования рыночных возможностей улучшения жилищных условий в период после 1991 г.</p> <p>При этом возможности улучшения жилищных условий для оставшихся в данной группе домохозяйств существенно ухудшились.</p> <p>Домохозяйства данной группы как в 1989 г., так и в 2009 г. с большой долей вероятности могли претендовать на постановку в очередь на получение государственного (муниципального) жилья. Но если в 1989 г. средний срок нахождения в очереди составлял 7,1 года, то в 2009 г. – 19,3 года (таблица 4).</p> <p>При этом в 2009 г. в числе данной группы, скорее всего, в основном, остались домохозяйства, которые не в состоянии решать жилищную проблему на рынке, даже с частичной поддержкой государства.</p> <p>Поэтому домохозяйства данной группы скорее проиграли от изменения возможностей улучшения жилищных условий.</p>
Домохозяйства, имеющие обеспеченность от 7 до 9 м² жилой площади/от 10 до 13 м² общей площади.	16,7%	11,4%	<p>Доля домохозяйств данной группы несколько снизилась, в том числе за счет использования рыночных возможностей улучшения жилищных условий в период 1991-2008 гг.</p> <p>При этом домохозяйства, оставшиеся в данной группе к 2009 г., не являются однородными. Проигравшими являются те, кто в 1989 г. имел возможность получить государственное жилье по месту работы на предприятиях и в организациях, где действовали большие нормы постановки на учет. Поскольку всего в 1989 г. на учет состояло 25% семей (включая одиночек), можно заключить, что в очереди на предприятиях состояло 4,8% всех домохозяйств (25-20,2% домохозяйств, составляющих первую группу в 1989 г.), или 29% домохозяйств данной группы.</p> <p>Кроме того, домохозяйства данной группы имели в 1989 г. возможность вступления в жилищно-строительные кооперативы. Однако возможности вступления в кооператив были ограничены – в 1986 г. в очереди стояло 1,3 млн семей [3, с.95] – 3,3% всех семей, или 19,8% данной группы.</p> <p>К числу проигравших в данной группе можно отнести также домохозяйства, проживавшие в 1989 г. на территориях, где было разрешено индивидуальное жилищное строительство (в основном, в сельской местности и небольших городах). Такие домохозяйства имели возможность брать кредит на строительство на достаточно выгодных условиях. Однако доступ к такому кредитованию и земельным участкам для строительства был ограничен – в 1989 г. только 84 тыс. семей (0,2% всех семей) улучшили жилищные условия путем индивидуального жилищного строительства (таблица 3.2.).</p> <p>К выигравшим можно отнести семьи данной группы, относящиеся к верхнему доходному квинтилю²⁵, которые в настоящее время имеют возможность приобрести жилье на рынке. К таким семьям в 2009 г. относилось 0,75% всех семей, или 6,6% всех семей данной группы в 2009 г.</p>

²⁵ Доля населения, с доходами, достаточными для приобретения жилья на текущих условиях кредитования составляет при расчете исходя из среднероссийских показателей 19% (таблица 4.3.), однако при агрегировании результатов расчетов по субъектам Российской Федерации соответствующий средневзвешенный показатель оказывается равным 22%. Для дальнейших расчетов принято предположение, что приобрести жилье на указанных условиях могут все домохозяйства верхнего квинтиля.

ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Домохозяйства, имеющие уровень обеспеченности выше 13 кв. м общей площади, но ниже среднего уровня жилищной обеспеченности в соответствующем году (16,1 м² в 1989 г. и 22,5 м² в 2009 г.).	16,3%	39%	Доля домохозяйств данной группы существенно повысилась, в том числе за счет использования рыночных возможностей улучшения жилищных условий в период 1991-2008 гг. Проигравших в данной группе практически нет, поскольку в 1989 г. данные домохозяйства практически не имели возможностей улучшения жилищных условий (кроме обмена жилья с доплатой). Домохозяйства с данным уровнем жилищной обеспеченности не имели доступа к дешевым кредитам на индивидуальное жилищное строительство и на вступление в ЖСК. К выигравшим можно отнести все домохозяйства верхнего квинтиля распределения по доходам. Такие домохозяйства составляли в 2009 г. около 6% всех домохозяйств, или 16% домохозяйств данной группы.
Домохозяйства, имеющие уровень обеспеченности выше среднего уровня на соответствующий год.	46,8%	42%	Доля домохозяйств данной группы существенно не изменилась. Все домохозяйства данной группы, имеющие возможности приобрести жилье за счет собственных и заемных средств (домохозяйства верхнего квинтиля распределения по доходам), можно отнести к выигравшим. Таких домохозяйств в 2009 г. – около 13% от всех домохозяйств или около 31% от числа домохозяйств данной группы.

Как видно из таблицы 2, долю домохозяйств, для которых возможности улучшения жилищных условий в условиях 2009 г. ухудшились по сравнению с 1989 г., можно оценить на уровне 17,5%. В их числе 7,6% домохозяйств, обеспеченные жильем ниже 10 м² общей площади на человека, которые практически лишились возможности получить государственное или муниципальное жилье, а также 9,9% домохозяйств, имеющих обеспеченность в диапазоне 10-13 м² общей площади на человека, которые потеряли хотя бы потенциальную возможность получить жилье на предприятии или стать членом ЖСК, но по уровню своего дохода не могут приобрести жилье на рынке (см. пояснения в таблице 2). Для таких домохозяйств исключение ранее существовавших возможностей улучшения жилищных условий не было замещено возможностью решить жилищную проблему на рынке. Оценка доли домохозяйств, которые получили возможность улучшения своих жилищных условий на рынке, тогда как ранее они не имели никакой возможности (кроме обмена с доплатой) – около 20%, в том числе около 7% домохозяйств, которые имели в 2009 г. уровень обеспеченности общей площадью жилья ниже среднего.

Таким образом, доли домохозяйств от всех домохозяйств в 2009 г., которые выиграли (20%) или проиграли (17,5%) от изменения возможностей улучшения жилищных условий по сравнению с 1989 г., по нашим оценкам, примерно одинаковые. При этом, однако, необходимо сделать достаточно очевидный вывод, что в числе проигравших, в основном, оказались домохозяйства с низким уровнем обеспеченности общей площадью жилья и низкими доходами, а в числе выигравших – домохозяйства с более высоким уровнем обеспеченности и более высокими доходами.

Следует отметить, что исходя из приведенных оценок, для почти 60% домохозяйств перспективы улучшения жилищных условий не изменились: ни в 1989 г., ни в 2009 г. для таких домохозяйств не существовало возможностей улучшения жилищных условий.

Оценка изменения динамики улучшения жилищных условий

Оценка изменения динамики улучшения жилищных условий проводилась на основе проведенных расчетов, результаты которые представлены таблице 3. Данная таблица построена, исходя из предположения, что строительство новой жилой единицы связано с улучшением жилищных условий одной семьей, которая в это жилое помещение вселяется. Кроме того, за счет освобождения жилых единиц, у семей, въезжающим во вновь построенное жилье, а также за счет оптимизации использования существующего жилищного фонда, происходит улучшение жилищных условий при приобретении жилья на

ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

вторичном рынке, а также при обмене или мене жилых помещений. Предполагается, что каждая такая сделка ведет к улучшению жилищных условий одной семьи.

Таблица 3

Распределение домохозяйств, улучшивших жилищные условия

	1989			2009		
	тыс. семей	% от всех семей	% от семей, улучшивших жилищные условия	тыс. семей	% от всех семей	% от семей, улучшивших жилищные условия
Общее количество семей, улучшивших жилищные условия, в том числе:	1 812	4,5	100	1 991	3,8	100
индивидуальное жилищное строительство	84 ²⁶	0,2	4,6	207 ²⁷	0,4	10,4
участие в ЖСК	66 ²⁸	0,2	3,6	7 ²⁹	0,01	0,4
приобретение или наем жилых помещений в домах, построенных государственными предприятиями и организациями	1016 ³⁰	2,6	56,1	9 ³¹	0,02	0,5
приобретение или наем жилых помещений в домах, построенных колхозами	55 ³²	0,1	3,0	—	—	—
приобретение или наем жилых помещений в домах, построенных организациями другой формы собственности	—	—	—	479 ³³	0,9	24,1
приобретение жилья на вторичном рынке, мена и обмен жилых помещений	591 ³⁴	1,5	32,6	1 289 ³⁵	2,5	64,7

Как видно из таблицы 3, общее число «улучшений жилищных условий» в 2009 г., по нашим оценкам, превысило уровень 1989 г. почти на 10% – с 1812 тыс. до 1991 тыс. Однако вследствие уменьшения среднего размера семьи и сокращения числа совместно проживавших домохозяйств, доля домохозяйств, улучшивших жилищные условия³³ в течение³⁵ года, снизилась за рассматриваемый период с 4,5% до 3,8%. В целом уровень жилищной мобильности, связанной с улучшением жилищных условий, следует признать сопоставимым.

Однако существенно изменилась структура «улучшений жилищных условий» и качество этих «улучшений».

²⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1990 г., стр. 209.

²⁷ Данные Росстата о жилищном строительстве в 2009 г.

²⁸ Рассчитано по данным о вводе жилья «Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.», стр. 209, и данным о средней площади квартиры «Народное хозяйство СССР в 1989 г.», стр. 157.

²⁹ Рассчитано по данным Росстата о жилищном строительстве в 2009 г.

³⁰ Рассчитано по данным о вводе жилья «Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.», стр. 209, и данным о средней площади квартиры «Народное хозяйство СССР в 1989 г.», стр. 157.

³¹ Рассчитано по данным Росстата о жилищном строительстве государственных и муниципальных организаций в 2009 г.

³² Народное хозяйство РСФСР в 1990 г., стр. 209.

³³ Рассчитано по данным Росстата о жилищном строительстве в 2009 г.

³⁴ Рассчитано на основе данных о соотношении сделок по обмену жилой площади в г. Москве в 1989 г. к общему числу жилых помещений в г. Москве, на основе информации, представленной руководителем Департамента жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы Н.В.Федосеевым. Мы распространяем данную оценку на весь жилищный фонд Российской Федерации, хотя, по-видимому, в других населенных пунктах активность квази-рынка обмена жилых помещений была несколько ниже.

³⁵ Рассчитано по данным ФРС о числе зарегистрированных договоров купли-продажи и мена жилья и данных об объеме ввода жилья.

Если в 1989 г. основным «ресурсом» улучшения жилищных условий семей было жилищное строительство организациями государственной и муниципальной формы собственности (с этим было связано 56,1% всех «улучшений», в том числе, 68% всех «улучшений», связанных с вселением во вновь построенное жилье), то в 2009 г. – строительство жилья организациями негосударственной формы собственности (24,1% всех «улучшений», в том числе 83% всех «улучшений», связанных с вселением во вновь построенное жилье).

При этом доля жилья, строительство которого было профинансировано населением за счет собственных и заемных средств, увеличилась с 13,5% в 1989 г.³⁶ до не менее 76% в 2009 г.³⁶.

Кардинально изменилась роль первичного и вторичного рынков жилья. Если в 1989 г. со вторичным рынком жилья, который в тот период был, в основном, представлен квази-рынком обмена жилья, было связано 33% всех «улучшений жилищных условий», то в 2009 г. развитие вторичного рынка купли-продажи жилых помещений в сочетании с уменьшением объемов жилищного строительства привело к увеличению доли «улучшений», связанных с использованием вторичного рынка, до 65%.

Если в 1989 г. доля «очередников» среди всех семей, улучшивших жилищные условия, составила 73% (1379 тыс. семей из 1812 тыс. семей), то в 2009 г. – только 6,6% (131 тыс. семей из 1991 тыс. семей).³⁷

Таким образом, доля улучшивших жилищные условия «рыночными» способами составило в 1989 г. 27%, а в 2009 г. – 93,4%.

Доля очередников (семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях) сократилась в рассматриваемом периоде в 5 раз (табл. 4) и составила в 2009 г. 2,8 млн. семей. Такое резкое сокращение связано с действием следующих факторов:

- при увеличении общего уровня обеспеченности общей площадью жилья нормы постановки на учет остались, в основном, на прежнем уровне;
- длительные сроки ожидания предоставления жилья и появление новых возможностей улучшения жилищных условий, связанных с развитием рынка жилья, вынудили семьи, имеющие материальные возможности, использовать рыночные механизмы, что привело к их «снятию с очереди»;
- длительные сроки ожидания предоставления жилья, по-видимому, приводят к тому, что многие семьи, имеющие формальные основания быть принятыми на учет, не видят в этом необходимости;
- в рассматриваемый период смертность населения превышала рождаемость, в результате чего многие семьи перестали быть нуждающимися в связи с уменьшением количества членов семьи;
- с 2005 г. обеспеченность общей площадью жилья не является единственным критерием признания нуждающимися в предоставлении жилого помещения по договору социального найма; в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации, на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях ставятся, преимущественно³⁸ малоимущие семьи³⁸.

Семьи, остающиеся в очереди, в сегодняшних условиях не имеют, как правило, иных возможностей улучшения жилищных условий. В связи с отмеченным увеличением сроков ожидания предоставления жилья положение таких семей ухудшилось наиболее сильно. В частности, доля семей и одиночек, стоящих на учете более 10 лет, увеличилась с 0,4% до 47,8%, в некоторых субъектах Российской Федерации эта доля приближается к 80% всех очередников.

Таким образом, резкое сокращение участия государства в содействии гражданам в улучшении жилищных условий было в значительной степени компенсировано использованием возможностей, предоставляемых рынком жилья, включая вторичный рынок, что привело к более эффективному потреблению существующего жилищного фонда. Количество построенных индивидуальных жилых домов увеличилось более, чем в два с половиной раза. Высокие транзакционные издержки, связанные с обменом жилых помещений (включая обмен с доплатой), позволяли использовать этот механизм улучшения жилищных условий не более чем 1,5% семей ежегодно. Рыночные механизмы купли-продажи жилья позволили увеличить этот показатель до 2,9% ежегодно.

³⁶ Рассчитано по данным: Народное хозяйство РСФСР в 1990 г., М.: Финансы и статистика, 1990. Стр. 156-158.

³⁷ Рассчитано по данным Росстата и Агентства по ипотечному жилищному кредитованию как сумма долей ввода жилья в рамках индивидуального жилищного строительства за счет собственных и заемных средств и в рамках долевого строительства. Данная оценка является минимальной, поскольку не учитывает ввод жилья за счет средств граждан, привлеченных по иным схемам.

³⁸ Рассчитано по данным таблиц 2 и 3.

**Динамика улучшения жилищных условий семей,
принятых на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях**

	1989	2009
Доля семей (включая одиночек), состоявших на учете в качестве нуждающихся в получении жилья, на конец года	25% ⁴¹	5% ⁴²
Доля семей (включая одиночек), улучшивших жилищные условия в соответствующем году, % от состоявших на учете	14% ⁴³	5% ⁴⁴
Доля семей (включая одиночек), стоящих на учете более 10 лет	0,4% ⁴⁵	47,8% ⁴⁶
Средний срок ожидания жилья, лет	7,1 ⁴⁷	19,3 ⁴⁸

Заключение

Несмотря на кардинальные изменения системы институтов жилищной сферы, включая институты обеспечения жильем населения, произошедшие за последние 20 лет, а также резкое уменьшение масштабов участия государства в жилищной сфере, включая сферу финансирования жилищного строительства и жилищно-коммунального хозяйства, многие сопоставимые ключевые параметры, характеризующие функционирование жилищной сферы и потребления жилья населением, изменились незначительно. В частности:

- сохранилась тенденция увеличения обеспеченности населения общей площадью жилья, при этом динамика прироста такой обеспеченности практически не изменилась;
- общее количество семей, ежегодно улучшающих жилищные условия и их доля остаются на сопоставимом уровне: 1,8-1,9 млн, или около 4% семей ежегодно.

Развитие рынка жилья и снятие с переходом к рыночной экономике существовавших в советский период ограничений обеспечило большее количество возможных стратегий улучшения жилищных условий, возможность лучшего учета потребностей и предпочтений семей при таких улучшениях.

Расширение возможности выбора, безусловно, в первую очередь, связано с увеличением количества собственников жилых помещений (в первую очередь, в результате бесплатной приватизации жилья), имеющих полный набор прав по распоряжению своим имуществом. Однако следует учитывать, что ранее наниматели жилья в государственном и муниципальном жилищном фонде обладали (и, в значительной степени, продолжают обладать) весьма широким набором прав, в ряде случаев приближающихся к характеристикам прав собственности.

Резкое падение объемов жилищного строительства (к началу 2000-х гг. объемы упали более чем в два раза, по сравнению с 1989 г. и до настоящего времени не восстановились) было компенсировано лучшим использованием возможностей, предоставляемых вторичным рынком жилья, резкий толчок

³⁹ Жилищный кодекс Российской Федерации допускает возможность предоставления жилого помещения по договору социального найма иным установленным федеральным законом, Указом Президента Российской Федерации или законом субъекта Российской Федерации категориям граждан (статья 49).

⁴⁰ На практике в 2009 г. малоимущие граждане составили только 31% всех принятых на учет (данные формы 4-жилфонд, см. также предыдущую сноску).

⁴¹ Народное хозяйство РСФСР в 1990 г., стр. 213.

⁴² Российский статистический ежегодник 2010, табл. 6.37.

⁴³ Народное хозяйство РСФСР в 1990 г., стр. 213.

⁴⁴ Российский статистический ежегодник 2010, табл. 6.37.

⁴⁵ Данные из [1, стр. 124].

⁴⁶ Данные формы Росстата «4-жилфонд».

⁴⁷ Расчет по данным «Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.», стр. 213.

⁴⁸ Расчет по данным «Российский статистический ежегодник 2010», табл. 6.37.

развитию которому дало снятие всех ограничений на количество жилых единиц в собственности. Это привело к более эффективному потреблению существующего жилищного фонда. Если в 1989 г. со вторичным рынком жилья, который в тот период был, в основном, представлен квази-рынком обмена жилья, было связано 33% всех «улучшений» жилищных условий, то в 2009 г. – уже 65%.

Кроме того, снятие ограничений на приобретение земельных участков в собственность и на индивидуальное жилищное строительство создало условия для резкого увеличения такого строительства, а для многих семей – для изменения самого образа жизни.

Не менее важным фактором существенного расширения возможностей выбора при реализации жилищных стратегий является переход от квази-рыночных к полноценным рыночным отношениям: жилье стало предметом легального рыночного оборота. Если в 1989 г. будущий наниматель жилого помещения мог выбирать между 3-4 «смотровыми ордерами» либо несколькими вариантами «цепочек» обмена/обмена с доплатой, то сегодня для собственника практически нет ограничений по выбору жилья, выставленного на продажу на первичном или вторичном рынке (а также по участию в проектах долевого строительства жилья).

Кроме того, реальный выбор жилого помещения собственником оказал влияние на качество предложения на первичном рынке жилья, которое в большей степени учитывает предпочтения потребителей (при всех сохраняющихся проблемах в данной сфере).

Переход к рыночным процентным ставкам жилищного кредитования был «компенсирован» расширением доступа к жилищному кредитованию для всех категорий семей (а не только получивших земельный участок для индивидуального жилищного строительства либо вступивших в жилищно-строительный кооператив), а также возможностью использовать продажу занимаемого жилого помещения для оплаты первоначального взноса по кредиту.

Средний срок ожидания предоставления жилого помещения для семей, состоящих сегодня на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, увеличился более, чем в 2,5 раза и достиг 19,3 года. Однако доля семей, состоящих на таком учете, сократилась в рассматриваемом периоде в 5 раз, что означает, что большинство семей данной категории нашли возможность улучшить жилищные условия без помощи государства.

В то же время, переход к рыночным отношениям не привел пока к качественному улучшению ситуации в жилищной сфере. Перспективы улучшения жилищных условий не изменились для почти 60% домохозяйств: ни в 1989 г., ни в 2009 г. для таких домохозяйств не существовало реальных возможностей улучшения жилищных условий; при этом количество выигравших и проигравших в результате перехода к рыночным отношениям пока, по нашим оценкам, оказалось примерно равным. Также развитие рыночных отношений не привело пока к увеличению жилищной мобильности населения.

1. Пузанов А.С. Качество жилья в Москве и его связь с ресурсами семей // Вопросы экономики, – 1993, № 8.

2. Косарева Н.Б., Пчелинцев О.С., Ронкин Г.С. На пути к жилищной реформе: анализ и прогноз // Вопросы экономики, – 1990, № 8.

3. Бессонова О.Э. Жилье: Рынок и раздача. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, – 1993.

4. Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, – 2008.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЕЙШИХ АСПЕКТОВ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Нехаев В.В.

В статье рассмотрены жилищные условия населения Тульской области. Проанализирована обеспеченность жильем в свете концепции повышения качества жизни населения, с учетом следующих количественных и качественных характеристик: состояние жилищного фонда, жилищного строительства, обеспеченность жильем, соотношение доходов и цен на жилье, доступность жилья.

Ключевые слова: анализ жилищных условий Тульской области.

Важнейшая потребность человека – потребность в жилье. С этой точки зрения достижение высокого уровня обеспеченности жильем является одной из целей человеческого развития. Вместе с тем обеспеченность жильем является необходимым элементом развития человеческого потенциала. Человек, не имеющий нормальных условий существования, не может плодотворно работать, достигать успехов в своей деятельности. Без нормальных жилищных условий нельзя достичь таких целей человеческого развития, как долголетие, здоровье, образование. Кроме того, человек должен иметь и возможность выбора условий для проживания: месторасположение, форма владения, характеристики жилья.

В проведенном исследовании рассмотрены жилищные условия населения Тульской области. Анализируя обеспеченность жильем в свете концепции повышения качества жизни населения, учитывались следующие количественные и качественные характеристики: состояние жилищного фонда, жилищного строительства, обеспеченность жильем, соотношение доходов и цен на жилье, доступность жилья.

Уровень состояния и развития жилищного фонда является приоритетной задачей социального обеспечения населения в регионе. В Тульской области на конец 2010 г. эксплуатируемый жилищный фонд области составлял около 40 млн м² общей площади жилых помещений, из которой около трети находилось в г. Туле и почти четверть – в сельской местности.

Проведенная в нашей стране приватизация жилья существенно изменила структуру жилищного фонда по формам собственности. Доля муниципального и государственного жилья уменьшилась до 18%, значительно увеличилась доля частного сектора, и к 2011 г. составила 82% (рис. 1).

За период с 2000 по 2010 гг. произошло существенное увеличение общей площади жилых помещений в расчете на одного человека (почти на 20% в целом по области). Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя Тульской области, на конец 2010 г. составила 25,3 м² – 9 место в ЦФО (по России – 22,6 м²) [1, с. 62].

В Тульской области на конец 2010 г. учтено 790 тыс. жилых квартир, в которых проживает 660 тыс. домохозяйств. Почти две трети всех квартир составляют одно и двухкомнатные.

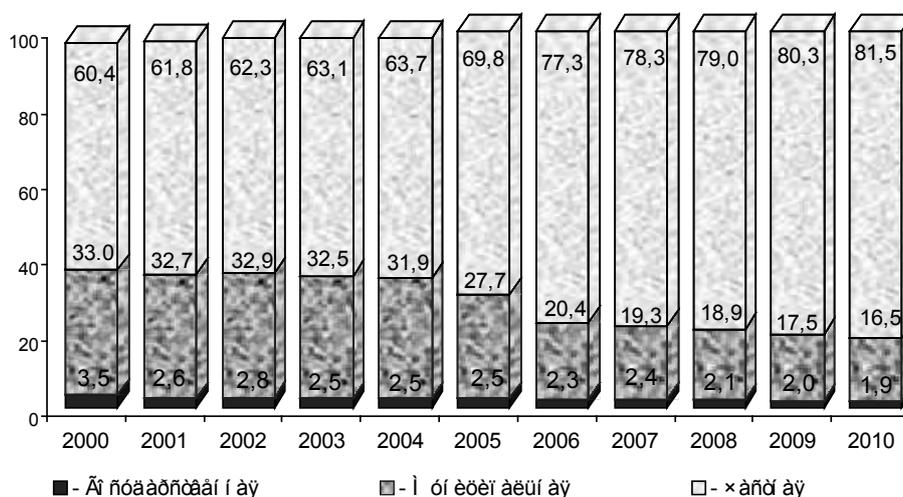

Рис. 1. Распределение жилищного фонда по формам собственности (на конец года, проценты)

По данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, в 2010 г. в среднем на одно домохозяйство Тульской области приходилось 50 м² общей площади жилых помещений, при этом в одной комнате проживало 19% обследуемых домохозяйств, в двух – 41%, в трех и более комнатах – 40% обследуемых домохозяйств. Около 30% обследуемых домохозяйств имели среднедушевой размер общей площади занимаемого жилья от 20 до 30 м² (на уровне 2000 г.), 30% домохозяйств – от 30 м² и более (в 2000 г. – 23%). При этом среднедушевой размер общей площади занимаемого жилья от 20 до 30 м² имели 30% обследуемых домохозяйств, состоящих из 1-го человека, от 30 м² и более – 70%, в то же время все домохозяйства с 3-мя детьми до 16 лет имели на человека от 9 до 13 м² общей площади жилья.

В настоящее время в Тульской области половину жилищного фонда составляют дома, построенные более 40 лет назад и имеющие высокий (свыше 30%) износ. Наиболее проблемным является ветхое и аварийное жилье, доля которого за период 2000-2010 гг. увеличилась с 2% до 6% и составила 2,3 млн м². Сложнейшая задача по его ликвидации потребует продолжительного периода времени. Несмотря на то, что за последние два года темпы сноса непригодного для проживания жилья значительно выросли, доля его ликвидации в общей площади ветхого и аварийного жилья за 2000-2010 гг. составила 8%. Это свидетельствует о том, что для сноса всего проблемного жилья при существующих темпах потребуется не менее 100 лет [2, с. 13].

Комфортность жилищ и техническую доступность коммунальных услуг для потребителей обеспечивает уровень благоустройства жилищного фонда. Часть жилищного фонда Тульской области, особенно построенного до середины 1960-х гг., на сегодняшний день не удовлетворяет население не только размерами, но и своими качественными характеристиками. В городских поселениях всеми видами благоустройства оборудовано 80% жилищного фонда, в сельской местности – в 2 раза меньше (40%). Доля населения, проживающего в жилых помещениях без водоснабжения, составляет, по оценке, 15%, без водоотведения (канализации) – 18% и без горячего водоснабжения – 28% всего населения [2, с. 60].

По данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств на конец 2010 г. 53% обследуемых домохозяйств оценивали свои жилищные условия как отличные и хорошие, 43% – как удовлетворительные и 4% – как плохие и очень плохие [5, с. 17].

Возможность улучшить жилищные условия является сложной категорией, в которой тесно переплетаются социально-экономические, демографические характеристики, текущий уровень благосостояния населения, а также ценовая и тарифная политика в сфере жилищного строительства. При построении двухфакторной эконометрической модели зависимости изменения обеспеченности жильем от факторов объема жилищного строительства и изменения численности населения было выявлено, что наибольшую корреляцию с обеспеченностью жилья демонстрирует фактор увеличения объема жилищного фонда, а наименьшую – фактор снижения численности населения. Расчет коэффициента общей детерминации свидетельствует о том, что рост обеспеченности общей площадью жилых помещений на 20% определяется фактором снижения численности населения и на 80% – фактором увеличения объема жилищного фонда Тульской области.

В 2010 г., как и в предыдущем году, в Тульской области организациями всех форм собственности и населением было построено почти 5 тыс. благоустроенных квартир общей площадью около 400 тыс. м², что в 1,6 раза выше уровня 2000 г. В то же время, несмотря на предпринимаемые усилия, достичь уровня 1990 г. так и не удастся, а по сравнению с 1987 г. (годом максимального ввода жилья за последние три десятка лет) объемы домостроения сократились вдвое. По вводу жилья среди субъектов Центрального федерального округа Тульская область занимает 11-е место, по темпам жилищного строительства – 9-е [4, с. 32].

Россия строит в среднем по стране от 0,3 до 0,4 м² на человека в год, в то время как в большинстве стран мира ежегодно возводится от 0,9 до 1,4 м², то есть в 3-4 раза больше. В Тульской области позицию лидера по этому показателю последнее тридцатилетие удерживает все тот же 1987 г., когда объем ввода на одного жителя области составил 0,42 м². В конце 90-х – начале 2000-х гг. значение данного показателя не поднималось выше 0,16 м² (минимальным оно оказалось в 2001 г. – 0,08 м²). Последние два года в среднем на одного человека в регионе вводится четверть квадратного метра [6, с. 6].

С начала переходного периода в экономике произошли существенные изменения в инвестировании жилищного строительства. Основными источниками финансирования жилищного строительства

стали средства граждан и организаций в сочетании с различными формами государственной поддержки в финансировании строительства жилья. За анализируемый период доля бюджетных средств в строительстве жилья сократилась в 3 раза и составила в 2010 г. 12%, в том числе доля средств федерального бюджета – 8% [6, с. 14].

Развитие индивидуального жилищного строительства один из важнейших путей решения жилищной проблемы. Доля жилых домов, построенных населением, в общем объеме областного ввода (не превышавшая в начале 90-х гг. 5%) сейчас настолько значительна, что любые колебания темпов ввода индивидуальных жилых домов существенно влияют на общую картину жилищного строительства. С начала нового тысячелетия удельный вес индивидуального домостроения в жилищном строительстве не опускался ниже 40%, достигая в отдельные годы 55-57% (рис. 2) [4, с. 37].

В структуре квартир, введенных в многоэтажных домах, в Тульской области традиционно преобладают однокомнатные и двухкомнатные квартиры (более 80%). Иная картина в индивидуальных домах, построенных населением, здесь две трети квартир – трех и более комнатные. Средняя площадь квартиры в частных жилых домах в 2,5 раза превосходит среднюю площадь квартиры в домах обобщественных.

Основной возможностью улучшения своих жилищных условий в Тульской области является не только строительство жилья, но и покупка квартир на рынке жилья. Рынок жилья формируется из первичного рынка, который характеризуется появлением новой недвижимости (как товара на рынке), и недвижимости уже функционирующей в течение некоторого времени и обладающей определенной степенью износа (вторичный рынок). За 2000-2010 гг. средняя стоимость одного квадратного метра общей площади квартир на первичном рынке (с учетом жилья без отделки) возросла в 7 раз, на вторичном рынке – в 8 раз.

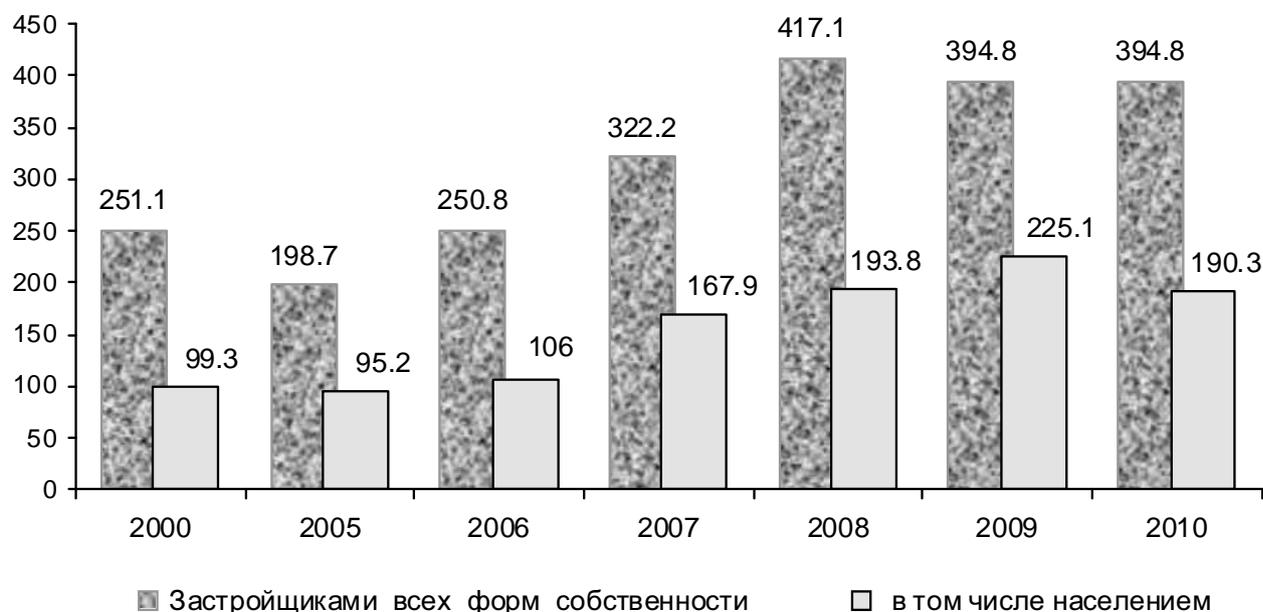

Рис. 2. Ввод в действие жилых домов
(тысяч квадратных метров общей площади)

Чтобы приобрести новую однокомнатную квартиру общей площадью сорок квадратных метров, при условии сохранения соотношения величины средней зарплаты и стоимости жилья, сложившихся на конец 2010 г., исключая все другие расходы, среднестатистическому жителю Тульской области, по расчетам, необходимо работать около 9 лет, а двухкомнатную квартиру площадью 54 квадратных метра – 12 лет.

Существенное влияние на среднюю стоимость жилья оказывает структура продаж, то есть доля продаж квартир различных категорий. Существенная дифференциация цен на жилье наблюдается в зависимости от престижности местонахождения, технического состояния, этажности и других характеристик (таблица 1).

Динамика средних цен на квартиры по типам домов в 2000-2010 гг.
(на конец года; рублей за 1 квадратный метр общей площади)

	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Первичный рынок							
Жилые помещения – всего	5645	19507	25885	32107	42720	44161	41216
типовые квартиры	5645	17552	23913	28301	34251	34640	–
квартиры улучшенной планировки	–	19025	25676	32067	34992	35318	36979
элитные квартиры	–	22264	31125	36664	58722	57683	62400
Вторичный рынок							
Жилые помещения – всего	4963	17647	22294	30261	38574	37269	40116
квартиры низкого качества	4767	17416	20908	28671	37309	35036	34220
типовые квартиры	4890	17685	22251	30799	38423	37816	37879
квартиры улучшенной планировки	5424	18105	24733	31644	40454	3175	40982
элитные квартиры	–	–	–	32382	41029	45352	43749

Покупка или строительство жилья – не единственный способ изменения жилищных условий. Дополнительные меры государственной поддержки направлены определенным социальным группам населения, прежде всего, малоимущим гражданам, молодым и многодетным семьям, военнослужащим, вынужденным переселенцам, гражданам, пострадавшим от аварий и стихийных бедствий и некоторым другим. За последние 10 лет ежегодно улучшали свои жилищные условия в среднем 2% от состоящих на учете в качестве нуждающихся в получении жилья семей.

По данным департамента строительства и жилищно-коммунального хозяйства Тульской области, в рамках реализации региональной программы развития ипотечного жилищного кредитования за последние два года улучшили свои жилищные условия только 200 семей и около 300 семей получают возможность их улучшить в 2011-2012 гг. Государственную поддержку в приобретении жилья получили более 1000 молодых семей и около 500 – ветеранов Великой Отечественной войны.

Говоря о доступности жилья, необходимо учитывать определенные затраты на содержание и обслуживание жилья. Плата за содержание жилья и коммунальные услуги в условиях роста тарифов являются дополнительной составляющей, влияющей на жилищные условия населения. За период с 2000 г. наблюдалась устойчивая тенденция опережающего роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги относительно других видов административно регулируемых тарифов. Так, только за 2010 г. цены на коммунальные услуги повысились на 14%, жилищные – на 4%, с 2000 г. – в 14 раз и в 11 раз соответственно. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата (без выплат социального характера) за 2010 г. увеличилась по сравнению с 2009 г. на 9%, по сравнению с 2000 г. – почти в 10 раз, а в реальном исчислении – менее чем в 3 раза [5, с. 6].

По данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Тульской области, в 2010 г. в структуре расходов на оплату услуг основную долю занимали расходы на жилищно-коммунальные услуги, которые составляли 45%. Расходы населения с наибольшим и наименьшим уровнем располагаемых ресурсов (10% группы) существенно различаются, так наименее обеспеченные домохозяйства в 2010 г. расходовали на жилищно-коммунальные услуги 71% всех затрат на услуги, наиболее обеспеченные – 42% (в 2000 г. – 70% и 20%) [3, с.19].

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что показатель средней обеспеченности жильем населения Тульской области является удовлетворительным, по отношению к 2000 г. он вырос почти на 20%, однако рост его вызван не только объемами ввода жилья, но и сокращением численности населения на 10%.

В то же время качество жилья – изношенность, недостаточный уровень благоустройства не отвечает современным требованиям: в городах и поселках городского типа 10% жилищного фонда не обо-

рудовано водопроводом, 12% – канализацией, 20% – ваннами и горячим водоснабжением, а на селе 36-60% жилищного фонда не имеет этих видов инженерного обеспечения. В области 76% сельских населенных пунктов не имеют центральной системы водоснабжения и 97% – не оснащены канализационными системами.

Рост тарифов на коммунальные услуги опережает рост заработной платы. За последние 10 лет расходы на ЖКУ выросли в структуре денежных расходов населения на оплату услуг на 7 процентных пунктов.

Целый ряд причин делает недоступным приобретение жилья для большинства жителей области:

- невысокие доходы населения (доля населения, имеющая доходы ниже среднедушевого в целом по области, остается за последние 10 лет практически неизменной (60-63%);
- недостаточные темпы строительства жилья (для дальнейшего роста средней обеспеченности жильем объема строительства жилья необходимо приблизить к уровню конца 1980-х – начала 1990-х гг.);
- высокая рыночная стоимость жилья (средняя стоимость 1 м² общей площади в 2010 г. превышала среднемесячный уровень заработной платы почти в 3 раза);
- незначительный уровень господдержки (менее 1% семей, из проживавших в ветхом и аварийном жилфонде, улучшили свои жилищные условия за 2010 г.);
- высокие ставки по ипотечному кредитованию (лишь 60 семей из 50 тысяч, состоящих на учете, улучшили свои жилищные условия с помощью ипотеки в 2010 г.).

Удовлетворение потребностей граждан в жилье является исключительно сложной и дорогостоящей проблемой, но это – одна из главнейших задач, которую необходимо решить в ближайшей перспективе.

1. Жилищное хозяйство и бытовое обслуживание населения в России. 2010: Стат. сб. / Росстат – М., – 2010.
2. Жилищное хозяйство Тульской области: Стат. сб. / Туластат. – Тула, – 2010.
3. Уровень жизни населения Тульской области: Стат. сб. / Туластат. – Тула, – 2010.
4. Строительство в Тульской области: Стат. сб. / Туластат. – Тула, – 2010.
5. Качество жизни населения. Статистический аспект: Аналит. записка. / Туластат. – Тула, – 2010.
6. О жилищном строительстве в Тульской области в условиях экономического кризиса: Аналит. записка. / Туластат. – Тула, – 2010.

ОЦЕНКА ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ
НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Барашкова А.С.

В статье представлена характеристика основных показателей жилищной обеспеченности жителей Республики Саха (Якутия). Показана динамика уровня обеспеченности населения жилищем, в том числе разного типа, выявившая заметные территориальные различия. Отмечено, что шкала оценок жилищных условий семьями увязана с представлениями жителей об образе квартиры (в городах) и индивидуального дома (в селах), а качество жилья является признаком достатка (бедности). Подчеркнуто, что сохранение очередности на жилье говорит о накоплении неудовлетворенного спроса на благоустроенное жилище.

Ключевые слова: население, семья, жилище, обеспеченность, качество.

Одну из важнейших характеристик материального и социального уровня благосостояния населения составляют жилищные условия. Жилище – это пространство для уединения членов семьи, организации домашнего хозяйства. Не подлежит сомнению значение жилища для воспроизводства населения и устойчивости семьи. В условиях рыночных отношений возрастает значимость жилища, находящегося в частной собственности, как гарантии, признака экономической свободы, качественно иного социального статуса человека [1, с. 15].

В Республике Саха (Якутия) в середине 1990-х гг. основной акцент в жилищном строительстве был сделан на строительство индивидуальных домов в сельской местности [2, с. 54-59]. В результате принятого направления показатель ввода жилья на 1000 человек в Якутии на фоне обвального снижения темпов жилищного строительства по России был выше среднефедерального показателя более чем в 2 раза [3, с. 73]. В последующем условиями достаточно стабильных объемов жилищного строительства (в 2000 г. введено 247,2 тыс. м², в 2009 г. – 293,4 тыс. м² общей площади жилья) явились улучшение макроэкономической обстановки, позитивные тенденции в строительном комплексе республики.

Вместе с тем доля государства и возможность участия населения в жилищном строительстве еще весьма динамичны, что видно из соотношения основных застройщиков по введенной в действие общей жилой площади (рис. 1). В 2000 г. удельный вес предприятий и организаций в общем вводе жилья составил 34,5%, в 2005 г. достиг 48,1%, а в 2009 г. – 55,7%, соответственно населения – 65,5, 51,9 и 44,%. При сохраняющемся высоком спросе на жилье, снижение активности населения не в последнюю очередь обусловлено доступностью жилищных кредитов, что для сельского населения республики, основного застройщика индивидуального жилища, не столь реальна.

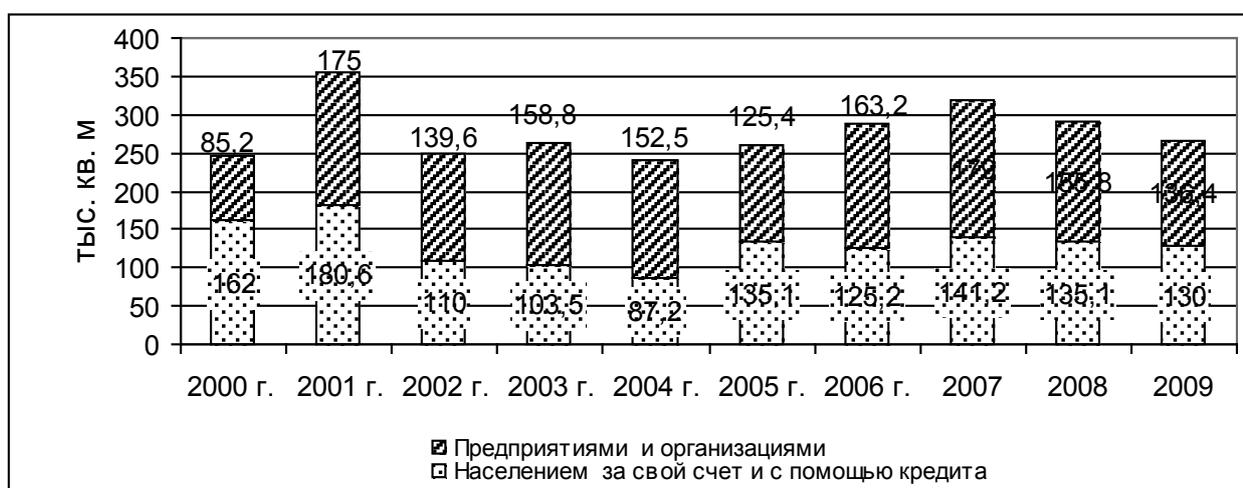

Рис. 1. Динамика введенной общей жилой площади в РС (Я) за 2000-2006 гг., тыс. м²*

*Источник: Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия), 2010, с. 161.

ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Отмеченные выше позитивные явления обеспечили некоторый рост показателя обеспеченности населения общей площадью жилья, приходящейся на одного жителя (18,8, 19,5 и 20,2) [4, с. 161]. Однако его уровень ниже среднего показателя по стране и характеризуется существенным территориальным разбросом. Наибольшее отставание жилищной обеспеченности населения от среднего показателя по республике как в 2000 г., так и в 2009 г. наблюдалось в Анабарском, Оймяконском, Оленекском районах (табл. 1). Ниже среднего показателя обеспеченность жителей столицы республики, а также Эвено-Бытантайского национального района, что говорит о несоответствии имеющихся жилых площадей санитарно-гигиеническим требованиям семей к жилищу.

Таблица 1

Группировка районов Республики Саха (Якутия) по отклонению показателя жилищной обеспеченности на одного жителя района в 2000 и 2009 гг. (\pm м²/чел.)*

Отклонение показателя, \pm м ² /чел.	2000 год	2009 год
-4,5 и менее		Анабарский, Оленекский
-3,1 – -4,5		Эвено-Бытантайский, Якутск
-1,5 – -3,0	Анабарский	Оймяконский, Жиганский, Булунский, Верхневиллюйский
0 – -1,5	Оймяконский	Намский, Вилюйский, Хангаласский, Горный, Мирнинский
0 – +1,5	Оленекский, Якутск, Ленский, Эвено-Бытантайский	Усть-Майский, Томпонский, Среднеколымский, Момский, Сунтарский, Аллаиховский, Чурапчинский
+1,5 – +3,0	Хангаласский, Усть-Янский, Верхневиллюйский, Мирнинский, Вилюйский, Аллаиховский, Булунский	Кобяйский, Нерюнгри, Амгинский, Олекминский, Ленский
+3,1 – +4,5	Амгинский, Алданский, Горный, Среднеколымский, Жиганский, Намский, Сунтарский	Нижнеколымский, Нюрбинский, Мегино-Кангаласский, Верхоянский, Абыйский
+4,5 – +6,0	Олекминский, Чурапчинский, Абыйский, Момский, Нюрбинский, Нерюнгри, Мегино-Кангаласский	Усть-Алданский, Усть-Янский, Таттинский, Верхнеколымский
+6,0 и более	Кобяйский, Томпонский, Таттинский, Усть-Алданский, Верхоянский, Нижнеколымский, Усть-Майский, Верхнеколымский	Алданский

*Источник: Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия), 2010, с. 169.

Улучшение жилищных условий семей наблюдается по такому качественному признаку, как изолированность занимаемых жилых помещений. Так, за период между переписями населения 1989 и 2002 гг. значительно увеличилась доля семей, проживающих в индивидуальных домах (с 24,1% до 31,7%) и в отдельных квартирах (с 52,6% до 61,6%). Абсолютное большинство (89,5%) городского жилого фонда представлено отдельными квартирами, 10,3% составляют индивидуальные дома и 0,2% – коммунальные квартиры [5, с. 6]. В этой ситуации закономерно сокращение проживающих в коммунальных квартирах (с 4,4% до 0,7%) и общежитиях (с 9,1% до 4,2%) вне зависимости от динамики числа жителей в районе.

Районы республики по характеру изменения численности населения за 1989–2002 гг. были подразделены на три группы. В первую группу вошли районы с положительной динамикой числа жителей,

ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

во вторую – районы умеренной убыли, в третью – районы резкого снижения числа жителей преимущественно в результате интенсивного оттока. Из данных табл. 2 видно, что во второй и третьей группах произошло достаточно активное высвобождение отдельных квартир и индивидуальных домов и, соответственно, рост числа домохозяйств, получивших изолированное жилище на вторичном рынке жилья. В условиях жилищной реформы обособленность жилища для домохозяйства является главным фактором приватизации жилья.

Таблица 2

Максимальные значения роста (убыли) доли проживающих в жилых помещениях разного типа в зависимости от характера динамики числа жителей района, 2002 г. к 1989 г., %*

Группа района по характеру динамики числа жителей	Тип занимаемого жилого помещения				Районы
	Индивидуальный дом	Отдельная квартира	Коммунальная квартира	Общежитие	
(I) Рост	+18,9	-14,0	+19,5	-7,5	Якутск, Амгинский, Анабарский, Верхневилуйский, Чурапчинский, Мегино-Кангаласский, Таттинский, Усть-Алданский, Оленекский, Намский, Хангаласский, Горный
(II) Снижение	+16,4	+35,8	-7,2	+17,0	Нерюнгри, Абыйский, Алданский, Вилуйский, Жиганский, Момский Мирнинский, Нюрбинский, Олекминский, Среднеколымский, Сунтарский
(III) Резкое снижение	+22,7	+31,0	-14,7	-10,5	Аллаиховский, Булунский, Верхнеколымский, Верхоянский, Кобяйский, Ленский, Томпонский, Нижнеколымский, Оймяконский, Усть-Майский, Усть-Янский

*Источник: Жилищные условия населения Республики Саха (Якутия) 2006, с. 9.

По текущим данным государственной статистики, в 2009 г. 76,9% жилищного фонда республики имеет форму частной собственности, из которой 74,0% находится в собственности граждан, 20,3% – в муниципальной и всего 2,8% – в государственной собственности. В ряде районов (Булунском, Нижнеколымском, Усть-Янском) доля жилья, находящегося в собственности граждан, более чем в два раза уступает среднему показателю по республике. Возможное объяснение этого факта – миграционное настроение населения. Кроме того, в северных районах, в отличие от центральных районов и районов вилуйской группы, ограничены или вообще отсутствуют возможности индивидуального строительства, что в совокупности определяет заниженную долю жилья, находящегося в собственности граждан.

Наибольшие территориальные различия фиксируются по уровню благоустройства жилища. Так, всеми видами благоустройства оснащено выше 75% жилых помещений в городских поселениях Нерюнгринского и Мирнинского административных районов. От 50,1% до 75% жилого фонда в Нижнеколымском, Анабарском, Томпонском, Усть-Янском районах и г. Якутске также оснащено всеми видами благоустройства. В то же время полностью благоустроенный жилой фонд абсолютно всех сельских районов не превышает 5,0%.

Отсюда, не вызывает удивления шкала оценок жилищных условий домохозяйствами республики. Так, в 2009 г., по данным выборочного обследования бюджетов домохозяйств, проводимого Росстатом, признали свои жилищные условия как «отличные» всего 0,6% опрошенных, в том числе 0,7% городских и 0,3% сельских домохозяйств. Оценку «хорошие» дали соответственно 36,0%, 41,1% и 23,9%. Почти 4/5 сельских домохозяйств считают свои жилищные условия удовлетворительными. Таковых среди город-

ских домохозяйств – 44,9%. Городские домохозяйства чаще, чем сельские оценивают свои жилищные условия как «плохие»: 7,5% против 0,9%, а оценка «очень плохие» характерна только для них: 2,2% [4, с. 166]. В этих градациях исподволь выражены представления жителей об образе квартиры (в городских домохозяйствах) и дома (в сельских домохозяйствах). «Отличные» жилищные условия горожан не всегда совпадают с аналогичной оценкой сельских жителей, для которых важными являются размеры жилища, наличие придомовых построек, дворовое пространство, «близость к земле», материал стен, газификация.

«Очень плохие» и «плохие» жилищные условия чаще всего характерны для домохозяйств с наименьшими доходами (23,8% от общего числа домохозяйств соответствующей категории). По мере роста обеспеченности, за исключением группы домохозяйств с наибольшими доходами, растет удовлетворенность домохозяйств своими жилищными условиями. Так, 46,0% домохозяйств, по уровню доходов отнесенных к четвертой группе, считают свои условия «хорошими».

По той же информационной базе возможно определение достаточно тесной связи между числом детей в домохозяйствах и оценкой последних своих жилищных условий (рис. 2). Так, 40,9% многодетных домохозяйств в 2006 г. оценивали свои жилищные условия как «очень плохие», в то время как среди домохозяйств с одним-двумя детьми таковых единицы. Домохозяйства с двумя детьми чаще всего были лишь удовлетворены своими условиями [6, с. 166]. Домохозяйства с тремя детьми проявляли, видимо, даже в отличие от однодетных, большую толерантность к своим жилищным условиям.

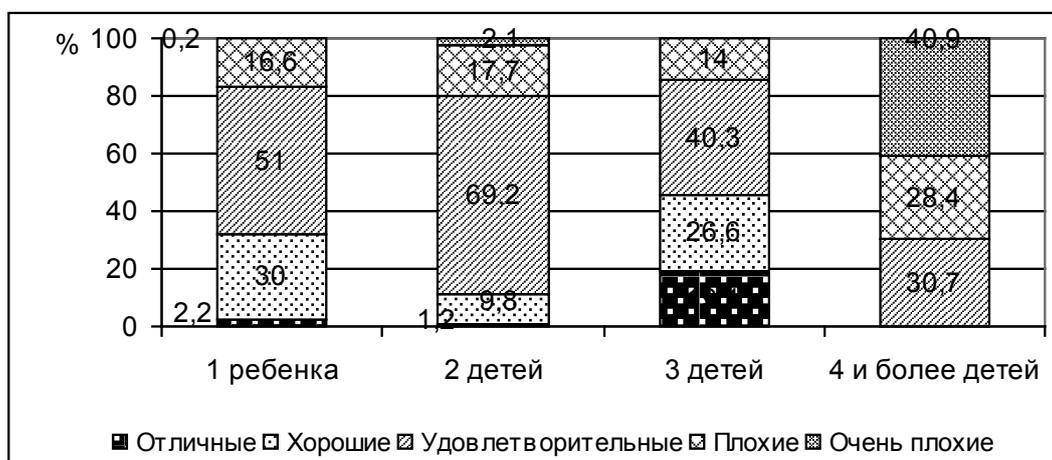

Рис. 2. Оценка семьями жилищных условий в зависимости от числа детей в семье*

*Источник: Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия), 2007, с. 162.

Весьма ценные наблюдения можно сделать по материалам Национального обследования благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах (НОБУС), проведенного Госкомстатом Российской Федерации и Республики Саха (Якутия).¹ Согласно этим данным, для большинства опрошенных качество жилья является важным признаком достатка. На тесноту своего жилища указали 13,7% домохозяйств, на ветхость жилья – 22%. По признаку благоустроенности санитарного узла домохозяйства разделились примерно поровну: ванна или душ отсутствуют в 49% домохозяйств, туалет со сливом внутри жилища – в 50,2% домохозяйств [7, с. 45].

Практически все показатели, предложенные экспертами для обследования перечня признаков бедности в отношении лишений, связанных с жильем, как отмечают авторы, были признаны респондентами признаком бедности (рис. 3). В перечне признаков бедности основными являются финансовые проблемы семей, связанные с оплатой жилья и коммунальных услуг (в срок и в полном

¹ В 2003 г. Комитетом государственной статистики Республики Саха (Якутия) в рамках программы НОБУС было опрошено 2745 человек, проживавших в 870 домохозяйствах в 58 населенных пунктах республики. В городской местности опрошено 600 домохозяйств (69% от общего числа домохозяйств) или 1655 человек (60,3% от общего числа членов обследованных домохозяйств), в сельской – 270 домохозяйств (31%) или 1090 человек (39,7%), проживавших в 29 населенных пунктах. Наибольшее количество опрошенных проживали в г. Якутске (180 домохозяйств).

ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

объеме), подключением к магистральному газу, проведением экстренного ремонта. Семьи сетуют на нехватку средств для покупки топлива в достаточном количестве в случае отсутствия центрального отопления. Характеристики технического оснащения жилища как признаки бедности также присутствуют: например, отсутствие ванны или душа, санитарного узла внутри жилища.

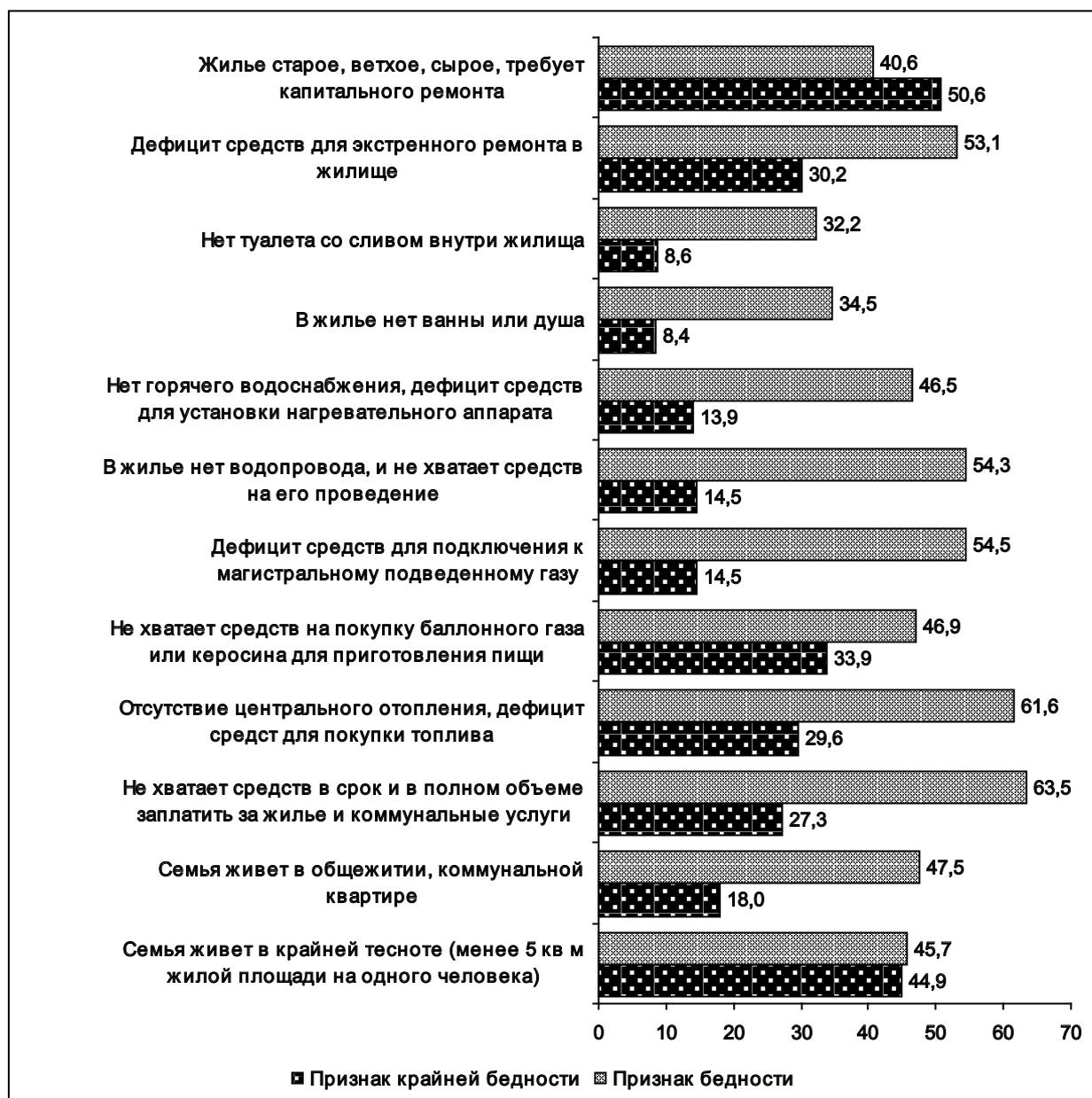

Рис. 3. Распределение мнений опрошенных в рамках Программы НОБУС по характеристикам жилища как признаков бедности и крайней бедности*

*Источник: Торговкина, Батожергалова, с. 45.

Среди признаков крайней бедности более 50% опрошенных отметили ветхость жилья. Чуть меньшее число опрошенных (44,9%) признаком крайней бедности считают проживание семьи в крайней тесноте (менее 5 м² жилой площади на одного человека). Нехватку средств для проведения экстренного ремонта в жилище (починить сантехнику, вставить стекла, ликвидировать протечки крыши), для покупки баллонного газа каждый третий респондент также относит к признакам крайней бедности. Актуальными также оказались отсутствие центрального отопления, ограниченные финансовые возможности семьи оплатить услуги за жилье и ЖКХ.

Как следует из материалов данного обследования, в зависимости от места проживания респондента резко различаются причины неудовлетворенности жилищными условиями. Городские семьи, прежде всего, ссылаются на тесноту жилого помещения, сельские – на ветхость дома. Сельские семьи, в отличие от городских семей, меньше обеспокоены шумом от улицы. Для них не актуальны перебои с подачей воды, шум от соседей, вандализм или преступность в районе и другие проблемы городской жизни.

Различные возможности решения жилищных проблем по-разному влияют и на планы респондентов в данном вопросе. Среди вариантов решения жилищного вопроса у городских семей такие, как купля, обмен, долевое участие, строительство дома или пристройки. Городские семьи также рассчитывают на получение жилья в наследство. Сельские семьи почти в 90 случаях из 100 ориентируются лишь на самостоятельное решение своих жилищных проблем – строительство нового дома или пристройки к дому, покупка дополнительного жилья, поскольку их надежды на улучшение жилищных условий за счет государственных программ не оправдываются годами.

Показателем потребности семей в жилище является очередь на получение жилья, в которой на начало 1991 г. числилось 105,8 тыс. семей и одиночек [8, с. 134]. В последующие годы число очередников упало, и в 2009 г. составило 21,9 тыс., что, прежде всего, объясняется изменением порядка постановки семей на учет на получение жилья, вызванного, в свою очередь, реформой ранее существовавшей на государственном уровне распределительной системы жилья. В какой-то степени резкое уменьшение численности очередников на жилье обусловлено сокращением числа жителей республики, но не снижением спроса на благоустроенное жилище. Даже на этом весьма секвестрированном фоне ничтожно мала доля молодых и многодетных семей – очередников на получение жилья. Еще более удручающе их положение среди семей, улучшивших свои жилищные условия (табл. 3).

Таблица 3

Динамика удельного веса семей, получивших жилье, %*

Группы семей	2000 г.	2002 г.	2005 г.	2009 г.
	Доля семей, получивших жилье			
От общего числа семей, состоящих на учете				
Все	21,6	14,9	10,9	10
Многодетные	1,6	0,8	7,2	7,5
Молодые	2	2	7,6	9,7
От общего числа семей получивших жилье				
Многодетные	7,5	5,4	0,1	6,3
Молодые	9,4	13,5	9,1	12,6
От числа семей своей группы – очередников				
Многодетные	14,8	7,1	0,1	8,0
Молодые	21,7	21,7	13,5	12,4

*Источник: Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия), 2010, с. 163.

Итак, хотя в 1990-х гг. в жилищном строительстве Республики Саха (Якутия) были выбраны верные акценты, темпы ввода жилья недостаточны с точки зрения санитарно-гигиенических требований семьи к жилищу и для удовлетворения спроса населения на жилье необходимого качества. Используемые в статье материалы переписей населения, отдельных обследований жилищных условий населения, данных текущей статистической отчетности показывают, что городское население Якутии имеет преимущественно благоустроенное, но не всегда приватизированное жилище. Достоинства собственного жилья сельского населения – размеры площади в ущерб их технической оснащенности и благоустройства, хотя признается, что современное благоустроенное жилище – право и первоочередная потребность каждой семьи. А потребности семей республики не столь высоки и находятся на социально приемлемом уровне.

1. Римашевская Н.М. Семья в странах с переходной экономикой // Народонаселение, – 2004, № 4.
2. Нормативные документы по вопросам семьи, женщин и детей. Сборник. 1994. Якутск, 1995.
3. Социально-экономическое положение Республики Саха (Якутия) январь-декабрь 2003 г. – Якутск: Госкомстат РС (Я), – 2004.
4. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия) в 2009 году. Статистический сборник /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия)-. Якутск, – 2010.
5. Жилищные условия населения Республики Саха (Якутия). Итоги всероссийской переписи населения 2002 г., Том 12., Стат. сб. / Саха (Якутия) стат. – Якутск, – 2006.
6. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия) // Стат. сб. /Госкомстат РС (Я). Якутск, – 2007.
7. Торговкина Т.А., Батожергалова И.И. О проведении выборочных обследований домашних хозяйств Республики Саха (Якутия) с целью исследования различных вопросов социальной направленности //Вопросы статистики. – 2004, № 10.
8. Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): Стат. сб. – Якутск, Сахаполиграфиздат, – 2002.

УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ НА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ**Иванова А.Е.**

В статье по материалам всероссийского опроса 1000 молодых людей проводится анализ спроса на долголетие и его мотивации. Приведены характеристики социальной дифференциации желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, выявившие вектор социального статуса и оптимизма в повышении спроса на долголетие. Установлена структура мотивов длительной жизни, среди которых преобладают семейные и личностные мотивы. Исследованы «помехи», мешающие достижению желаемой длительности жизни. Показано, что нет ни одной проблемы личностного характера, или из области государственной политики, или касающейся положения и имиджа стариков в обществе, которые служили бы серьезной помехой для того, чтобы прожить желаемое число лет подавляющему большинству респондентов.

Ключевые слова: желаемая продолжительность жизни, ожидаемая продолжительность жизни, мотивация долголетия, помехи в достижении желаемой продолжительности жизни.

За последние годы предпринимается немало усилий на всех уровнях власти для того, чтобы изменить ситуацию с российской смертностью, уровень которой не отвечает амбициям страны ни на внешнеполитической, ни на внутривнутриполитической сцене. С 2005 г. смертность устойчиво снижается, но перспективы лежат отнюдь не только в сфере здравоохранения, хотя именно это направление выбрано в качестве приоритетного, по крайней мере, на ближайшие годы.

Летом 2010 г. в 18 регионах России по заказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации был проведен опрос молодых людей в возрасте 18-35 лет (всего было опрошено 1000 человек) об их установках на длительность жизни, характере самосохранительного поведения и отношении к мерам демографической политики в области снижения смертности.

Показатель «желаемая продолжительность жизни» отражает установки опрошенных на число лет, которое они предпочли бы прожить при самых благоприятных условиях. В среднем по всей выборке показатель равен 88,1 года, при этом для мужчин он равен 88,6 года, для женщин 87,6 года. Иными словами, у молодых мужчин и женщин оказалась практически одинаковая желаемая продолжительность жизни, что существенно отличается от фактических показателей. Сами оценки желаемой длительности жизни лишь незначительно превышают фактические уровни, достигнутые в наиболее успешных странах мира, прежде всего для женщин (Норвегии, Франции, Японии). Надо сказать, что близкие оценки желаемой продолжительности жизни были получены в самых разных исследованиях, начиная с середины 1980-х гг. тогда еще в СССР [3], и заканчивая современными исследованиями в разных регионах России [2, 4].

Социальная дифференциация желаемой длительности жизни оказалась мало существенной, но ее направленность дает некоторый повод для размышления.

Дифференциация, связанная с уровнем образования респондентов, показала, что по мере роста образовательного статуса увеличивается желаемая продолжительность жизни. Так у мужчин с неполным средним образованием она составила 83,8 года, со средним общим или специальным – 85,7 года, с высшим и послевузовским – 92,6 года. У женщин в целом отмечены те же закономерности: для респонденток, не имеющих даже среднего образования, желаемая длительность жизни составила 87,5 года, для тех, кто имеет среднее общее или специальное образование – 85,6 года, для женщин с высшим образованием – 89,0 года. Группа женщин, не имеющих даже среднего образования, несколько выпадает из общей закономерности в силу ее крайней малочисленности и статистической неустойчивости результатов.

Дифференциация, связанная с характером занятий выявила вектор, определяемый самим фактом занятости. Так, среди безработных («работали, но сейчас не работают, ищут работу») показатели желаемой продолжительности жизни минимальны: 83,9 лет у мужчин и 81,6 года у женщин. У мужчин к этой категории примыкают также частично безработные («нет постоянной работы, но есть случайные нерегулярные заработки»), для которых желаемая длительность жизни составляет в среднем 84,1 года. На другом полюсе находятся работающие. Существенно, что имеет значение сам факт занятости, а не место работы, косвенно определяющее уровень доходов. Так, для мужчин максимальный показатель желаемой продолжительности жизни зафиксирован у работающих в бюджетной сфере (89,3 года), тогда как у занятых во внебюджетных организациях, и особенно у индивидуальных предпринимателей, он несколько ниже (87,5 года и 85,1 года соответственно).

У женщин разницы в желаемой продолжительности жизни в связи с местом работы не обнаруживается (89,7 года у работающих в бюджетных, 89,3 года – во внебюджетных организациях и 90,2 года – у индивидуальных предпринимательниц).

В заключении рассмотрим вариацию желаемой продолжительности жизни в зависимости от уровня социального и личного оптимизма. Источником личного оптимизма мы сочли реализацию планов в течение ближайшего года, исходя из того, что в сложившихся условиях воплощение планов в большей степени зависит от усилий самого человека. Долгосрочные планы также, несомненно, требуют личных усилий, но в ситуации быстрых перемен, в которой живет наше общество, решающим фактором при их реализации могут быть не зависящие от человека обстоятельства.

Результаты исследования показали следующее. Среди тех, кто уверен, что в течение ближайшего года их планы осуществляются, желаемая продолжительность жизни оказалась максимальной (90,5 года у мужчин и 87,9 года у женщин). Респонденты, которые только надеются на исполнение планов, или не уверены в этом, назвали более низкие цифры, причем у мужчин оценки этих двух категорий практически идентичны (87,3-87,4 года), а у женщин неуверенность в реализации даже ближайших планов ассоциируется с более низкими показателями желаемой продолжительности жизни в сравнении с теми, кто лелеет надежду на их реализацию (84,4 года и 88,4 года соответственно). Что касается более долгосрочных планов, то прослеживаются те же тенденции: чем выше уверенность в реализации планов, тем выше оценки желаемой длительности жизни.

Анализируя описанные зависимости трудно сказать, что является причиной, а что следствием – социальный и личный оптимизм, или желаемая продолжительность жизни. Скорее всего, можно говорить о взаимосвязи и взаимообусловленности этих процессов, об их положительной ассоциации.

Таким образом, более высокий уровень образования, наличие работы и уверенность в реализации своих планов ассоциируются с более высокой желаемой продолжительностью жизни.

Респонденты отвечали на вопрос о мотивах дожития до желаемой продолжительности жизни, оценивая предложенный перечень мотивов по шкале от единицы до пяти, в которой единице придавалась минимальная, пятерке максимальная значимость. Средние оценки представлены в таблице в порядке убывания значимости (табл. 1).

Наибольшее значение для того, чтобы прожить желаемое число лет, имеет желание увидеть внуков, причем этот мотив занимает первые позиции и для мужчин, и для женщин, хотя у женщин значимость этого фактора все же выше, чем у мужчин (4,4 и 4,1 балла соответственно). Второе-третье по значимости место занимает потребность пожить для себя, не работая, и нежелание оставлять супругу (а) одну (одного) без помощи и поддержки (3,9 и 3,8 баллов соответственно и для мужчин, и для женщин). Желание помогать взрослым детям у женщин является столь же важным мотивом длительной жизни, как и забота о супруге (3,9 и 3,8 балла соответственно), тогда как для мужчин этот фактор менее значим (3,5 и 3,8 балла соответственно).

Социально значимые факторы оказывают существенно меньшее влияние на мотивацию длительной жизни. Потребность поработать подольше и в пенсионном возрасте, или ощущение уважения со стороны окружающих, которым, по мнению опрошенных, пользуются пожилые, – эти факторы набрали лишь 2,5-2,6 балла, то есть их значимость оказалась ниже средней.

Таблица 1

Мотивы дожития до желаемой продолжительности жизни

	мужчины	женщины	ИТОГО
Хотят долго жить, чтобы увидеть внуков	4,1	4,4	4,2
Хотелось бы еще пожить и для себя, не работая	3,9	3,9	3,9
Не хотят оставить супругу (а) одну (одного) без помощи и поддержки	3,8	3,8	3,8
Хотят помогать взрослым детям	3,5	3,9	3,7
Не хотят терять свои пенсионные накопления, хотят полностью их использовать	2,8	3,0	2,9
Пожилые люди пользуются уважением в обществе	2,5	2,6	2,6
Хотят подольше поработать и в пенсионном возрасте	2,5	2,6	2,5

Своеобразную роль играет мотив, связанный с нежеланием терять свои пенсионные накопления, а полностью их использовать. Скорее всего, содержание этого мотива совпадает с потребностью помогать взрослым детям. Но поскольку значимость этого мотива существенно ниже, чем желание помочь (2,9 и 3,7 балла в среднем для мужчин и женщин), очевидно, что помощь заключается не только, а возможно и не столько в материальных формах, что вполне понятно, исходя из современных величин пенсии в России.

Таким образом, среди мотивов длительной жизни преобладают семейные (увидеть внуков, помогать детям, не оставляя одиноким супругу (а)), а также личные ценности и интересы (пожить для себя, не работая). Ведущую роль семейных мотивов в сохранении здоровья и достижении большей продолжительности жизни обнаруживали и другие авторы [1].

Помимо вопроса о желаемой продолжительности жизни респондентам был задан вопрос о планируемой длительности жизни, то есть, о том, до какого возраста, по их мнению, им удастся дожить, учитывая реальное положение дел со здоровьем, условиями и образом жизни. Для мужчин этот показатель составил в среднем 69,7 года, для женщин – 72,0 года, таким образом, для мужчин он оказался выше, чем средняя ожидаемая продолжительность жизни, для женщин даже несколько ниже. Существенно, что как и в отношении желаемой продолжительности жизни, оценки планируемой длительности жизни оказались очень близки для мужчин и женщин, что принципиально отличается от реального положения дел. Такая ситуация складывается за счет более оптимистичных оценок мужчин в сравнении с их фактической продолжительностью жизни.

В целом разрыв между желаемой длительностью жизни и планируемой оказался очень существенным и составил для мужчин почти 19 лет, для женщин 15,6 лет.

Также как и в отношении желаемой продолжительности жизни, присутствует некоторая социальная дифференциация оценок планируемой длительности жизни: у мужчин очень существенная, у женщин практически не значимая.

Так, мужчины с начальным и неполным средним образованием планируют дожить до 61,9 года, со средним общим или специальным – до 68,5 лет, с высшим и послевузовским – до 71,8 года; у женщин с образованием ниже среднего планируемая длительность жизни составила 71,5 года, со средним общим и специальным – 70,6 года, с высшим – 73,0 года. Таким образом, между планами респондентов со средним и высшим образованием разница сравнительно невелика, что довольно хорошо коррелирует с их поведенческими особенностями, также не имеющими принципиальных различий между этими образовательными категориями, особенно в отношении алкогольного поведения и табакокурения [5].

Что касается характера занятости, то минимальные показатели планируемой продолжительности жизни указали не имеющие постоянной работы или безработные (63,5 года у мужчин, 69,4 года у женщин), максимальные – работающие, причем у мужчин независимо от места работы (70,4-72,2 года), у женщин – работающие во внебюджетной сфере и индивидуальные предприниматели (72,6-73,0 года).

Далее рассмотрим оценки планируемой продолжительности жизни в зависимости от уровня социального и личного оптимизма. Также как и в отношении желаемой продолжительности жизни, максимальные уровни были отмечены респондентами, уверенными, что их планы, как ближайшие, так и долгосрочные, реализуются. Несколько менее оптимистичные оценки высказали респонденты, которые только надеются на воплощение своих замыслов, и минимальные показатели оказались характерны для респондентов, не уверенных в реализации своих планов, причем не только долгосрочных, но даже на ближайший год.

В заключение рассмотрим оценку респондентами тех проблем, которые мешают им прожить столько, сколько они хотели бы. Напомним, что суммарные резервы оказались очень существенными – 15-20 лет для женщин и мужчин соответственно. Все вероятные проблемы можно разделить на три группы: вопросы, связанные с состоянием здоровья, условиями жизни и труда самого респондента; темы, определяющиеся политикой государства в отношении условий для ведения здорового образа жизни, и, наконец, вопросы, касающиеся положения в обществе пожилых людей. Рассмотрим последовательно эти аспекты. В анализе будем обращать внимание на крайние позиции – респондентов, которым рассматриваемая проблема очень мешает, то есть оценивается как серьезное препятствие, и тех, кому данная проблема не мешает прожить желаемое число лет.

Неудовлетворительное состояние здоровья, несомненно, является серьезным препятствием для

ДЕМОГРАФИЯ И КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ

длительной жизни. Судя по результатам опроса, примерно для десятой части молодых людей, проблема здоровья существенно ограничивает вероятность прожить желаемое число лет (11,5-10,2% мужчин и женщин). При этом около половины респондентов заметили, что состояние здоровья не мешает им достичь желаемой длительности жизни (51,4-49,5% соответственно). Десятая часть респондентов молодого возраста, имеющих проблемы со здоровьем, ограничивающие надежды на длительную жизнь, – это серьезная проблема для системы здравоохранения. Но среди других проблем, мешающих, по мнению респондентов, прожить желаемое число лет, этот вопрос выступает как наименее значимый.

Материальные и жилищные трудности примерно для четверти опрошенных выступают серьезным ограничителем в достижении желаемой длительности жизни (25,9-26,4%), и только примерно для трети респондентов (37,7-34,4%) они препятствием не являются (табл. 2). Полученные результаты нельзя оценивать таким образом, что четверть опрошенных живет в неблагоприятных, а треть в благополучных условиях, мы имеем дело с самооценкой условий жизни, которая может не полностью соответствовать действительности, но именно она влияет на величины желаемой и планируемой длительности жизни.

Аналогичные пропорции складываются в отношении факторов, характеризующих режим жизни и условия труда. Так, примерно пятая часть респондентов сослалась на большую занятость, отсутствие времени для заботы о здоровье (21,2% мужчин и 19,8% женщин), при этом немногим более трети респондентов (38,2-37,6%) отметили, что этот фактор не мешает им прожить желаемое число лет. Ненормированный рабочий день, напряженный режим труда отметили в качестве проблем, которые «очень мешают» прожить желаемое число 25,1-20,0% опрошенных и примерно столько же (24,2-18,5%) сослались на тяжелые, вредные условия труда, профессиональные вредности. При этом от 36 до 48% в этих категориях опрошенных сообщили, что эти факторы не имеют значения для достижения желаемой длительности жизни.

Таблица 2

Оценка респондентами проблем, которые им мешают прожить желаемое число лет, %

	мужчины				женщины			
	Очень мешает	Мешает	Не мешает	Итого	Очень мешает	Мешает	Не мешает	Итого
Неудовлетворительное состояние здоровья	11,5	37,1	51,4	100,0	10,2	40,3	49,5	100,0
Материальные и жилищные трудности	25,9	36,4	37,7	100,0	26,4	39,1	34,4	100,0
Желание жить в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая	12,2	29,3	58,6	100,0	11,1	30,1	58,8	100,0
Неуверенность в завтрашнем дне	26,4	37,7	35,8	100,0	29,0	41,3	29,7	100,0
Заботы по воспитанию детей	7,2	19,4	73,4	100,0	8,6	22,4	68,9	100,0
Опасение одиночества в старости	13,2	31,6	55,2	100,0	17,0	34,4	48,7	100,0
Опасение бедности в старости	27,2	35,0	37,8	100,0	31,7	39,9	28,4	100,0
Неудовлетворительная медицинская помощь	31,3	42,6	26,1	100,0	38,4	41,5	20,0	100,0

ДЕМОГРАФИЯ И КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ

	мужчины				женщины			
	Очень мешает	Мешает	Не мешает	Итого	Очень мешает	Мешает	Не мешает	Итого
Недостаточная социальная поддержка в старости	36,2	37,8	26,0	100,0	36,7	42,2	21,1	100,0
Неразвита инфраструктура для занятий физкультурой, оздоровлением	19,9	36,5	43,6	100,0	19,8	34,4	45,8	100,0
Большая занятость, отсутствие времени для заботы о здоровье	21,2	40,7	38,2	100,0	19,8	42,5	37,6	100,0
Ненормированный рабочий день, напряженный режим труда	25,1	38,7	36,2	100,0	20,0	39,1	40,9	100,0
Тяжелые, вредные условия труда, профессиональные вредности	24,2	33,0	42,9	100,0	18,5	33,1	48,5	100,0
Ухудшение окружающей среды, загрязненность воздуха, воды	44,8	34,9	20,3	100,0	44,9	40,2	14,9	100,0

Особое место занимают факторы, связанные с семейным образом жизни и воспитанием детей. Лишь незначительное число респондентов (7,2% мужчин и 8,6% женщин) отметили, что эта проблема мешает им дожить до желаемого числа лет, при этом почти для трех четвертей опрошенных заботы по воспитанию детей не мешают достижению желаемой длительности жизни. Это соотношение вполне соответствует известным закономерностям, в соответствии с которыми лица, ведущие семейный образ жизни в целом живут дольше, чем одинокие (холостяки, разведенные и вдовы).

В заключение анализа личностных факторов рассмотрим особенности поведения. Немногим более десятой части респондентов (12,2-11,1% соответственно мужчин и женщин) заметили, что желание жить в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая, является серьезным ограничением для достижения желаемой длительности жизни. Иными словами респонденты сознают, что их поведение вряд ли можно определить как здоровое, и тем более как самосохранительное. Характерно, что почти две трети респондентов не рассматривают особенности своего поведения как препятствие для того, чтобы жить долго. Если судить по распространенности поведенческих факторов риска, подобное соотношение может свидетельствовать лишь об одном – значительная часть респондентов ведет нездоровый образ жизни, но не рассматривает его как препятствие для продолжительной жизни.

Если оценивать факторы, относящиеся к самому респонденту, то среди всех препятствий для достижения желаемой длительности жизни опрошенные считают наиболее значимыми те, которые непосредственно не зависят от самого человека: жилищные и материальные трудности, режим и условия труда, большая занятость (до четверти респондентов воспринимают их как серьезное препятствие, и лишь трети респондентам эти обстоятельства не мешают в достижении цели). При этом собственное поведение, а именно желание жить в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая, значительно реже рассматривается как препятствие для того, чтобы прожить долго, а две трети респондентов не видят своей ответственности за сохранение здоровья и достижение длительной жизни.

Среди факторов, во многом определяемых политикой государства, первенство респонденты отдали ухудшению качества окружающей среды, загрязнению воды, воздуха и т.д. Почти 45% опрошенных рассматривают эту проблему как серьезную помеху в достижении желаемой длительности жизни, и только 20,3% мужчин и 14,9% женщин не считают вопросы загрязнения среды значимыми для продолжительной жизни.

Следующая по значимости проблема – это неудовлетворительная медицинская помощь. По мнению трети респондентов (31,3% среди мужчин, 38,4% среди женщин) этот фактор является серьезным препятствием для того, чтобы прожить желаемое число лет. Лишь четвертая часть опрошенных мужчин и пятая часть женщин не считает проблемы медицинской помощи существенными для достижения длительной жизни.

Среди факторов, определяемых политикой государства, особое место занимает уверенность в будущем. Как показал проведенный выше анализ, уверенность в реализации жизненных планов у респондентов ассоциируется с более продолжительной и желаемой, и планируемой жизнью. Анализ распределения ответов респондентов свидетельствует, что у женщин практически поровну тех, для кого неуверенность в завтрашнем дне является препятствием для того, чтобы прожить желаемое число лет, и тех, кому эта проблема не мешает достичь желаемой длительности жизни (29,0-29,7%). У мужчин несколько больше оптимистов (26,4% и 35,8% соответственно).

И, наконец, наименее значимой проблемой в этой группе является неразвитость инфраструктуры для занятий физкультурой, оздоровлением. Около пятой части всех опрошенных и мужчин, и женщин отмечают, что эта проблема мешает им прожить желаемое число лет, при этом около 45% отметили, что этот фактор препятствием не является.

Далее рассмотрим вопросы, касающиеся положения стариков в обществе. Действительно, называя желаемую длительность жизни в среднем около 88 лет, респонденты не могут не задумываться о том, что ждет их по достижении такого солидного возраста.

Среди проблем, связанных с образом старости и положением стариков в обществе, наибольшее значение, по мнению респондентов, имеет недостаточная социальная поддержка и опасение бедности в старости, наименьшую роль играет опасение одиночества. Оценивая эти аспекты молодые люди, участвовавшие в опросе, скорее всего, проецируют в будущее ситуацию со своими родителями. С учетом этого, достаточно выразительными представляются результаты, в соответствие с которыми более чем для трети молодых людей (36,2-36,7% соответственно мужчин и женщин) недостаточная социальная поддержка в старости является серьезным препятствием для достижения длительной жизни, а для четверти (27,2-31,7%) таким препятствием является опасение бедности. При этом опрос показал, что лишь небольшая часть респондентов опасается одиночества в старости, причем мужчин несколько меньше, чем женщин (13,2% и 17,0%). Гендерная специфика была бы ожидаема, если бы речь шла о фактическом положении дел или хотя бы о планируемой длительности жизни, поскольку продолжительность жизни женщин выше, но при оценке желаемой продолжительности жизни эта специфика означает, что респонденты невольно учитывают сегодняшний опыт.

Подводя итоги проведенного анализа можно отметить, что нет ни одной проблемы личностного характера, или из области государственной политики, или касающейся положения и имиджа стариков в обществе, которые служили бы серьезной помехой для того, чтобы прожить желаемое число лет подавляющему большинству респондентов. Все рассмотренные проблемы имеют значение, но лишь для ограниченного круга опрошенных, наиболее часто от пятой до третьей части респондентов. Иными словами, нет нескольких ключевых универсальных проблем, решив которые, можно было бы добиться существенного роста продолжительности жизни. Действовать необходимо по широкому кругу направлений, что позволит получить заметный синергетический эффект.

1. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. – М. – 2006.
2. Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Зверева Н.В., Иванова Л.Ю. Демографическое поведение и его детерминация. – М. – 2005.
3. Бабин Е.Б. Использование статистики мнений в изучении продолжительности жизни // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. – М. – 1986.
4. Иванова Л.Ю. Самоохранительное поведение // Демографическая ситуация и демографическая политика в Липецкой области. – Липецк. – 2006.
5. Краткие итоги выборочного обследования «Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения» http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/zdr08.htm.

3 ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЕМ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В РОССИИ

Немцов А.В.

В статье исследована зависимость смертности населения России как мужчин, так и женщин от злоупотребления алкоголем. Предложен ряд мер для снижения алкогольной зависимости россиян.

Ключевые слова: смертность населения, алкогольная зависимость, профилактика злоупотребления алкоголем.

Алкогольную ситуацию в России может отразить связанная с алкоголем смертность как интегральный показатель качества жизни и потребления спиртных напитков населением. Это особенно показательно при сравнении общей смертности мужчин в сравнении со смертностью при отравлении алкоголем. При этом выявляется четкая корреляция этих двух явлений, отражающая общность их факторов, что свидетельствует о тесной связи смертности населения со злоупотреблением алкоголем.

Вторая особенность нашей алкогольной ситуации – значительные колебания, как общей смертности, так и при отравлении алкоголем. Начиная с 2004 г. и вплоть до 2009 г., идет снижение почти всех видов зависимой от алкоголя смертности, а значит, снижение потребления, которое составляет приблизительно 12-13 литров на человека в год. Однако в 2010 и первой половине 2011 гг. это снижение приостановилось, что никак не хотят замечать наши чиновники, и Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации продолжают трубить об успехе своих здравоохраненческих программ.

Конечно, следует учитывать, что возможности здравоохранения в профилактике злоупотребления алкоголем ограничены. Во-первых, антиалкогольный потенциал нашего населения невысок: только 68% поддержали запрет на ночную торговлю спиртными напитками (Фонд общественного мнения, 2010 г.). Во-вторых, бедность значительной части населения страны, которое потребляет алкоголь в больших количествах, чем люди среднего достатка. Так, люди с наименьшим доходом потребляют 37 г этанола в день, тогда как со средним – 19-20 г. [3, 2002 г.]. В-третьих, низкое образование и культура большинства пьющих людей. Информанты в Ижевске с неполным средним образованием в сравнении с людьми, имеющими высшее образование, употребляли суррогаты 11 раз чаще, имели запои в 6 раз чаще, они потребляют в 4 раза больше алкоголя и в 8 раз чаще состоят на учете в наркологическом диспансере [2]. Важным фактором алкогольной ситуации является значительная доля нелегального алкоголя в производстве и потреблении спиртных напитков (от 30% до 50%). И тут здравоохранение ничего не может сделать. А что оно может?

Прежде всего, здравоохранению необходимо обратить внимание на пьянство, которое в десятки раз превышает алкоголизм. Пьяницы, а не алкоголики составляют основную часть алкогольной смертности. Вот почему врачи первичного звена должны не отмахиваться от болезней пьющих людей, а доказать им связь соматической патологии со злоупотреблением алкоголем.

Необходимо также перестроить отношение медицинского персонала к пьяницам, как к «бросовому материалу». К сожалению, такое отношение еще более глубоко зарыто в психологии населения из-за низкой цены человеческой жизни. Здравоохранение может и должно заняться перевоспитанием, как населения, так и медицинских работников.

У нас нет ясного представления об алкогольной ситуации в стране. Необходимо:

- 1) разработать показатели состояния и динамики алкогольной ситуации, но для этого потребуются наладить достоверный сбор соответствующей информации,
- 2) выявить географические области с наиболее тяжелыми алкогольными проблемами и региональную специфику этих проблем,
- 3) выявить когорты населения, наиболее подверженные пьянству с привязкой этих данных к отдельным регионам, к возрастным, гендерным и профессиональным группам. Теоретически это посильные задачи для здравоохранения при очень небольших дополнительных затратах.

Особо следует остановиться на повышении точности диагностики медицинских и демографических явлений, зависимых от алкоголя. Вся эта статистика формируется службами здравоохранения, и

она крайне неблагоприятна. Например, соотношение соматической патологии, связанной с алкоголем, и алкогольных отравлений очень различается в разных регионах, в некоторых – в сто раз, чего быть не может – это жестко взаимосвязанные явления.

Еще более важна диагностика алкогольной заболеваемости. Поликлиника – это та часть государственной службы, куда чаще всего обращаются пьяницы по поводу соматических осложнений алкоголизации. При этом врачи должны не только оказать помощь по поводу непосредственного обращения, но также фиксировать алкогольную природу этой патологии, объяснить больному зависимость его патологии от злоупотребления алкоголем и взять его под особое наблюдение. Но для этого необходимо, чтобы участковый врач получил, во-первых, соответствующую подготовку для распознавания алкогольной патологии и, во-вторых, какой-то вид поощрения за дополнительную нагрузку.

Поддержку общества не следует рассматривать как само собой разумеющееся. Для ее мобилизации врачи могут оказать существенную помощь в виде распространения достоверных и сбалансированных фактических данных о пагубном влиянии алкоголя на здоровье людей. Но для этого следует сначала убедить врачей в эффективности и пользе такой просветительской деятельности. Необходимо также «выдавить» из лечебных учреждений пьющий медицинский персонал.

Смерти в России в значительной части обусловлены алкоголизацией: общая смертность мужчин – на 24%, женщин – на 15%. Наибольший вклад в алкогольную смертность вносят диагнозы системы кровообращения, а значит, и в заболеваемость по этой причине. И тут широкое поле деятельности для врачей.

Расчеты связанной с алкоголем смертности составили в России 522,2 для мужчин и 175,0 для женщин на 100 тысяч соответствующего населения (среднее для 1980-2007 гг.). Однако официальная статистика алкогольной смертности остается в 6 раз меньше для мужчин и в 7 раз меньше для женщин. Требуется привести официальную статистику в соответствие с реалиями нашей жизни и смерти. Если трансформировать алкогольную смертность на 100 000 в абсолютные величины, то годовые потери в связи с алкоголем составили 352 тысячи для мужчин и 135 тысяч для женщин (всего 486,8 тысяч в год).

В 2005 г. руководство страны осознало пагубность злоупотребления алкоголем. Но пока что законодательная активность носит локальный характер и касается частных проблем. Здравоохранение может и должно играть в этом существенную роль, особенно объединивши свои усилия, создав, например, ассоциацию врачей за отрезвление населения.

1. ФОМ (Фонд общественного мнения), www.fom.ru, Алкоголь и россияне. – 2010.
2. Leon D., Saburova L., Tomkins S., Andreev E., Kiryanov N., McKee M., Shkolnikov V. (2007) *Lancet*. 369. – 2001-2009.
3. RLMS – <http://www.cpc.unc.edu/rlms>.

ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР: МЕДИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Колчин А.А.

Порутчикова Ю.А.

Статья посвящена медицинскому и педагогическому аспектам проблематики формирования здорового образа жизни, который рассматривается авторами в качестве важнейшего демографического фактора. Рассмотрены социальные действия, направленные на формирование положительного отношения личности к своему здоровью как условию его полноценной, то есть счастливой и успешной жизни. Также дан психолого-педагогический анализ сложной ситуации, сложившейся в нашей стране со здоровьем учащейся молодежи, и предложены концептуальные положения по формированию здорового образа жизни учащихся и педагогов, как субъектов образовательного процесса в системе современного общего образования в России.

Ключевые слова: центры здоровья; комплексная оценка состояния здоровья детей; медико-педагогическая концепция здорового образа жизни; здоровьесберегающее образование.

Ведущая роль в формировании здорового образа жизни, повышении ответственности за свое здоровье, как известно, возложена на здравоохранение и образование. Врач и учитель – две профессии, близкие по духу и специфике работы. Именно они – врачи и учителя, как никто другой, издавна пользуются авторитетом людей, к их мнению прислушиваются, с ними советуются, им доверяют сокровенное, к ним приходят со своей проблемой и болью, они берут на себя ответственность за жизнь и судьбу других людей.

Принято считать, что здоровье человека определяется, по крайней мере, четырьмя факторами:

- 1) генетической конституцией человека;
- 2) состоянием окружающей его природной и социальной среды, в том числе уровнем материально-го благополучия общества;
- 3) образом жизни, в том числе уровнем культуры и образованности человека;
- 4) уровнем развития медицинской науки и практики.

Данный тезис позволяет обозначить ряд проблем.

Во-первых, большое поколение не может воспроизвести здоровое потомство; во-вторых, людям следует пользоваться благами природы, помня о своей принадлежности к ней, в-третьих, людям, а особенно детям, можно и нужно учить быть здоровыми через формирование соответствующего поведения и целенаправленной установки на активное поддержание своего здоровья в течение всей жизни. Решение данной глобальной задачи возможно при наличии специального общественного института. Считается, что таким институтом для человека в первую очередь является семья, условия проживания в которой обеспечивают ему воспитание навыков поддержания здоровья. Однако содержание этих навыков, согласно данным опросов учащихся общеобразовательных школ и студентов средних специальных и высших учебных заведений, ограничивается, как правило, выполнением общепринятых гигиенических процедур, обеспечивающих уход за телом. Только 7,8% опрошенных молодых людей в качестве оздоровительных мероприятий, практикуемых в их семье, назвали утреннюю зарядку и занятия спортом. Отсюда можно заключить, что современная семья в малой степени готова к решению проблемы здоровья детей. Причины этого видятся в следующем:

- недостаточная, чаще всего, ограниченная только медицинскими аспектами, компетентность родителей в вопросах здоровья;
- отсутствие в обществе, и в том числе в семье, среды, которая бы обуславливала именно здоровый образ жизни;
- отсутствие в обществе механизмов, обеспечивающих гарантированное формирование у индивидов потребности в здоровом образе жизни.

Очевидно социальное противоречие между общественной значимостью индивидуального здоровья каждого человека как определяющего условия развития общества и недостаточной деятельностной активностью личности в укреплении своего здоровья, что является фактором, тормозящим это развитие.

Согласно статистическим данным, за последние десятилетия численность населения России ежегодно сокращается на 0,3%. В «Стратегии развития России: роль приоритетных национальных проектов» отмечено: «Самая катастрофическая ситуация сложилась в демографии и здравоохранении. По существу, мы ежегодно теряем сотни тысяч наших сограждан, в том числе из-за отсутствия качественной медицинской помощи». С учетом сложившейся ситуации, создание условий для сохранения и укрепления здоровья, в том числе подрастающего поколения, роста численности населения, увеличения продолжительности жизни – приоритет государственной политики. Согласно принятым за последнее время нормативно-правовым документам, в стране реализуются меры по преодолению демографического кризиса.¹ Среди них – повышение рождаемости, укрепление института семьи, увеличение средней продолжительности жизни за счет обеспечения качества и доступности оказания медицинской помощи, сохранения и укрепления здоровья населения, создание системы мотивирования граждан к ведению здорового образа жизни и участию в профилактических мероприятиях.

По данным академика Ю. Лисицына, состояние здоровья человека на 55% зависит от факторов образа жизни, а по выражению академика Н.М. Амосова, «чтобы быть здоровым, нужны собственные усилия, постоянные и значительные, заменить их ничем нельзя». К сожалению, большинство людей не рассматривают здоровье как некую ценность и начинают проявлять внимание к своему самочувствию только тогда, когда уже наступает болезнь. Многие не готовы прилагать собственные усилия для prolongирования активной жизни. Не секрет, что в последние десятилетия среди детей, особенно школьного возраста, растет заболеваемость органов пищеварения, эндокринной, репродуктивной систем, увеличивается число детей, неспособных справиться со школьной нагрузкой. Нельзя исключить экологические и социальные аспекты этой проблемы. Но существуют и те факторы, которые зависят непосредственно от человека. Большинство родителей имеют вредные привычки, и поэтому быть примером для своих детей по привитию навыков здорового образа жизни не могут. В решении этой медико-социальной проблемы большую роль играет создание на базе медицинских учреждений «Центров Здоровья». Задача этих Центров – скрининг-оценка здоровья и резервов организма, назначение индивидуальных профилактических программ.

Рассмотрим обозначенный вопрос на примере конкретного российского региона. С января 2011 г. при Муниципальном бюджетном учреждении здравоохранения «Детская городская поликлиника № 17 города Ростова-на-Дону» на функциональной основе организован Центр Здоровья для детей. Работает он в две смены, все дни недели, кроме воскресенья. Обследование детей до 18 лет производится при наличии добровольного информированного согласия родителей. В штате Центра здоровья – врачи-педиатры, детский стоматолог, врач по лечебной физкультуре. Специалисты Центра прошли тематическое повышение квалификации по формированию здорового образа жизни, имеют квалификационные категории по специальности «педиатрия», «лечебная физкультура» (высшую – 3 чел., первую – 1 чел.).

Обследование ребенка в «Центре здоровья для детей» занимает в среднем 60 минут. За это время проводится тестирование на аппаратно-программном комплексе, которое включает: антропометрию, оценку функций дыхательной, сердечно-сосудистой, мышечной, костной систем, определение слуха, зрения; анализ процентного состава внутренних сред организма (процентное соотношение воды, мышечной и жировой ткани), экспресс-тестирование для определения холестерина и глюкозы в крови, котинина в моче. Поистине уникальное обследование – биоимпедансметрия – определение процентного состава тела ребенка. Нередко масса тела соответствует возрасту и росту, а в процентном составе – содержит большое количество воды (в результате неправильного питания в организме удерживается жидкость), или масса тела средняя, а в процентном соотношении жировой ткани больше, чем мышечной. Только это обследование позволяет правильно подобрать диету, скорректировать рацион питания и дать рекомендации по физической нагрузке. Данные, полученные при обследовании, заносятся в карту Центра здоровья ребенка и Карту здорового образа жизни. Учитывая данные анамнеза проведенных исследований, данные осмотра ребенка, врач-педиатр составляет индивидуальную программу по здоровому образу жизни. Она включает в себя рекомендации по режиму дня, питанию, гигиене полости

¹ «Концепция развития здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года»; Национальный проект «Здоровье»; Приказ Минздравсоцразвития России от 19.08.2009 № 597-Н «Об организации деятельности центров здоровья по формированию здорового образа жизни у граждан Российской Федерации»; Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 16.03.2010 г. № 152-н «О мерах, направленных на формирование здорового образа жизни у граждан Российской Федерации, включая сокращение потребления алкоголя и табака».

рта, двигательной активности. Кроме того, специалист центра здоровья проводит беседу по здоровому образу жизни. При обнаружении функциональных отклонений, дети направляются на консультации к врачам-специалистам детской поликлиники, а также на массаж, лечебную физкультуру. Еженедельно, по графику, работают «Школы здоровья» по нарушению осанки, по плоскостопию, по ожирению. Цикл занятий состоит из двух уроков. На первом – теоретическом – врач-специалист (ортопед, эндокринолог, врач по лечебной физкультуре) в своей лекции знакомит детей и их родителей с причинами и последствиями возникших функциональных нарушений, демонстрирует фильм о пропаганде здорового образа жизни. На втором – практическом – пациенты обучаются технике гимнастических упражнений, а также контролю над их выполнением, получают индивидуальные рекомендации по коррекции выявленных нарушений.

По имеющимся данным, за 11 месяцев 2011 г. в Центре Здоровья обследовано 3324 ребенка, из них 32% здоровы, 78% имеют функциональные нарушения. При этом в структуре выявленных функциональных нарушений занимают:

- 1 место – превышение индекса массы тела – 19,5%
- 2 место – плоскостопие и нарушение осанки – 18,2%.
- 3 место – снижение остроты зрения – 16%.
- 4 место – изменения на ЭКГ – 13,8%.

Роль Центров здоровья для раннего выявления функциональных отклонений очевидна, ведь сюда приходят здоровые (имеющие 1-2 группу здоровья) дети.

Следующий этап работы Центра здоровья – выездной. В зимний период обследование детей проводится в медицинских кабинетах образовательных учреждений района. С этой целью составлен график осмотра школьников 1-2 группы здоровья, который согласован с администрацией образовательных учреждений и районным отделом образования.

В ближайшее время планируется расширить функции «Центров здоровья». Они будут нацелены не только на выявление факторов риска развития заболеваний, но и на помощь пациенту в их преодолении.

Медработники детской поликлиники осуществляют медицинское обеспечение обучающихся в образовательных учреждениях в районах обслуживания, проводят мониторинг состояния здоровья детей, посещающих образовательные учреждения в соответствии с приказами МЗ РФ № 186/272 от 30.06.92 «О совершенствовании системы медицинского обеспечения детей в образовательных учреждениях»; № 60 от 14.03.95 «Об утверждении инструкции по проведению профилактических осмотров детей дошкольного и школьного возрастов на основе медико-экономических нормативов»; № 151 от 07.05.98 «О временных отраслевых стандартах объема медицинской помощи детям»; № 154 от 05.05.99 «О совершенствовании медицинской помощи детям подросткового возраста»; № 621 от 30.12.2003 «О комплексной оценке состояния здоровья детей»; и Постановлением Администрации Ростовской области № 194 от 14.04.2011 «О порядке реализации мероприятий ведомственной целевой программы «Модернизация здравоохранения Ростовской области на 2011-2012 годы», а также приказа РОФОМС и МЗ РО от 19.04.2011 № 569/04-176 «О проведении дополнительной диспансеризации 14-летних подростков в Ростовской области в 2011-2012 годах».

Наблюдение за состоянием здоровья детей и подростков осуществляется на основе результатов массовых профилактических осмотров детей и подростков в дошкольных и общеобразовательных учреждениях.

Массовыми профилактическими осмотрами охвачены дети в возрасте от 3 до 18 лет.

Осмотры проводятся:

- в 3 года (при поступлении в дошкольное учреждение);
- в 5-6 лет, за год до поступления в школу;
- в 6-7 лет (перед поступлением в школу);
- в 7-8 лет (в конце первого класса);
- в 9-10 лет (предпубертатный период);
- в 11-12 лет (начало пубертатного периода);
- в 13-14 лет;
- в 15-16 лет;

– в 16-17 лет;

– в 17-18 лет.

В остальные возрастные периоды проводится обязательный профилактический осмотр детей врачом-педиатром, работающим в образовательном учреждении.

Профилактические осмотры проводятся в 3 этапа и включают:

– 1 этап, доврачебный. Проводится медицинской сестрой (анкетный тест заполняют родители), антропометрия, лабораторное обследование, функциональное обследование (ЭКГ, топография).

– 2 этап. Врачебный. Осмотр врачом-педиатром и специалистами (детским хирургом, ортопедом, отоларингологом, офтальмологом, неврологом, эндокринологом, детским урологом-андрологом, стоматологом, логопедом).

– 3 этап. Специализированный. По соответствующим показаниям углубленное обследование врачами-специалистами в условиях детской поликлиники или стационара).

В заключении выставляется окончательный диагноз (основного и сопутствующего заболевания), дается оценка физического развития, оценка нервно-психического развития, определяется группа здоровья, даются рекомендации по режиму дня и питанию, дальнейшему наблюдению и лечению ребенка.

Перед проведением комплексных профилактических осмотров в детской поликлинике составляется график осмотров детей в образовательных учреждениях, который согласовывается с руководителями этих учреждений; организуются бригады специалистов. После осмотров проводится анализ статистических данных, полученных в ходе комплексного осмотра, определяются оздоровительные мероприятия.

В зону обслуживания детской поликлиники № 17 города Ростова-на-Дону входят 15 общеобразовательных школ (МОУ СОШ). Во всех образовательных учреждениях имеются медицинские кабинеты, оснащенные необходимым оборудованием и медикаментами. В них по графику осуществляют работу врачи-педиатры и медицинские сестры.

Кроме того, в образовательных учреждениях медработниками проводятся:

– мероприятия по предупреждению заболеваний опорно-двигательного аппарата;

– профилактические мероприятия по предупреждению заболеваний органов зрения, пищеварения, болезней эндокринной системы, нарушений обмена веществ и расстройства питания;

– иммунизация в рамках национального календаря профилактических прививок и по эпидемическим показаниям;

– мероприятия по гигиеническому обучению и воспитанию в рамках формирования здорового образа жизни;

– осуществляют контроль организации образовательного процесса, физического воспитания, трудового обучения, организации питания.

По результатам проведенных осмотров в 2011 г. в структуре диспансерной группы у школьников:

– на 1-м месте – болезни нервной системы и органов чувств – 18,3%;

– на 2-м месте – болезни органов пищеварения – 9,5%.

Эффективность диспансеризации в 2011 г. составила 100%. Охват детей, подлежащих иммунизации, профилактическими прививками составил 98,9%.

Благодаря оснащенности детских поликлиник современным диагностическим и лечебным оборудованием и аппаратурой (УЗ, многоканальными ЭКГ с автоматическим обсчетом параметров, анализаторов активности мозга с компьютерной обработкой, урофлоуметрами, фиброгастроуденоскопами, автоматическими гематологическими и биохимическими анализаторами, компьютерным оптическим топографом), своевременно выявляется патология у детей.

Результатом эффективности лечения и оздоровления детей с выявленной патологией является рост числа детей первой группы здоровья. Так, на 1-м году жизни здоровых – 32,1%, а к 18-ти годам – 35,6%.

Приведенные развернутые примеры убедительно демонстрируют, что сегодня необходимы действия, направленные на формирование положительного отношения личности к своему здоровью как условию его полноценной, то есть счастливой и успешной жизни, а также важна целесообразная система обучения человека, и, в первую очередь, растущего, здоровому образу жизни. В современных условиях такая система обучения может быть обеспечена в рамках общеобразовательной школы, через которую проходит преобладающее большинство детей. Кроме того, со школой связан практически и

каждый взрослый, если он является родителем (или прародителем). Причем длительность этой связи определяется временем обучения в школе его детей и внуков. Данный факт позволяет школе ставить и решать задачи аналогичного обучения и по отношению к родителям, дети которых являются ее учащимися. Согласно ст. 51 Закона «Об образовании» в образовательных учреждениях должны быть созданы условия, гарантирующие охрану и укрепление здоровья учащихся. Однако результаты медицинских осмотров школьников и анализ школьного образования в части его содержания и организации свидетельствуют о том, что школа не только не обеспечивает здоровья учащихся, но, более того, является серьезным фактором его разрушения. И это несмотря на четко разработанные санитарно-гигиенические требования к организации образовательного процесса, за соблюдением которых санэпидстанция каждого региона ведет достаточно строгий контроль.

О сложной ситуации, сложившейся в нашей стране со здоровьем учащейся молодежи, свидетельствует и социальная обстановка. Так, не требует особого доказательства очевидный факт, что последнее десятилетие проходит под знаком социальной дезадаптации молодежи, свидетельством чему является рост числа правонарушений, уровня алкоголизации, наркотизации и количества суицидов среди молодежи. При этом «печальной приметой настоящего момента» является неуклонное снижение «возраста» названных проблем, то есть их возникновение уже у школьников. Констатация этого дает основание говорить об определенной причастности массовой школы к возникновению данной ситуации.

Важнейшей стратегической задачей, намеченной к реализации системой образования, в ближайшее десятилетие является «сохранение и укрепление здоровья детей и подростков». Более того, проблема сохранения здоровья подрастающего поколения в настоящее время осознается как медико-педагогическая. На рубеже XX-XXI вв. появились исследования, направленные на поиски путей и способов сохранения, сбережения здоровья учащихся в условиях педагогического процесса и педагогическими средствами. Среди них можно назвать работы Н.П. Абаскаловой, В.Ф. Базарного, Т.М. Балбековой, Т.А. Берсеновой, В.Н. Волкова, С.П. Гайдуковой, А.А. Грошевой, Г.К. Зайцева, В.В. Ильющенкова, В.П. Казначеева, В.В. Колбанова, Л.Г. Татарниковой, З.И. Тюмасевой, Н.Н. Шаровой и др.

При этом каждый исследователь ведет поиски в своем направлении. Так, некоторые видят решение проблемы сохранения здоровья учащихся в создании на базе школ кабинетов лечебной физкультуры (ЛФК) и даже школьных поликлиник, в которых за здоровьем детей будут наблюдать специалисты. Другие считают, что сохранение и укрепление здоровья детей – это прерогатива системы физического воспитания, и предлагают различные способы ее модернизации, а также усиление контроля за соблюдением санитарно-гигиенических требований к организации учебного процесса. Третьим представляется целесообразным усилить работу по диагностике и коррекции физического и психического здоровья школьников.

Исследования во всех обозначенных направлениях, несомненно, полезны благодаря их ориентированности на сохранение и укрепление физического здоровья учащихся в условиях школьного обучения. Однако кардинального изменения положения дел со здоровьем школьников, как показывает практика, предлагаемые в них подходы не обеспечивают. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что здоровье человека – это достаточно сложное явление в силу сложности его носителя – человека. Именно поэтому появляются работы, авторы которых делают попытки подойти к исследованию здоровья человека с позиции других гуманитарных наук, и, прежде всего, психологии (В.А. Ананьев, О.С. Васильева, Н.Е. Водопьянова, И.Н. Гурвич, И.В. Ежов, Г.С. Никифоров, Ф.Р. Филатов и др.), а также, что наиболее важно для нас, с позиции педагогики как науки, для которой воспитание человека во всех отношениях (в том числе и в плане здоровья) является и целью, и результатом (М.В. Адамова, М.В. Артюхов, Г.К. Зайцев, Э.М. Казин и др.).

Осознание педагогами связи между здоровьем учащихся и процессом их образования стало причиной появления достаточно большого количества исследований, в которых предлагаются подходы к решению проблемы здоровья детей при помощи сугубо педагогических средств. Так, М.Ю. Кондратьев, Н.Н. Хасанова, С.М. Чечельницкая, А.В. Шаханова, А.И. Щетинская и др. считают необходимым реализовывать в общеобразовательных школах образовательные программы укрепления здоровья школьников. Большое количество исследований посвящено разработке здоровьесберегающих технологий и диагностики их эффективности (Т.В. Ахутина, Р.А. Лайшев, В.И. Ковалько, А.В. Родионов, Н.К. Смирнов и др.). Важно отметить также исследования, посвященные разработке способов использования средств

физического воспитания в оздоровлении учащихся (В.С. Быков, М.Я. Виленский, Л.И. Лубышева, В.Ф. Неретин и др.) и обеспечения их оптимальной двигательной активности в процессе образования (Э.М. Казин, Л.Г. Лушпа, А.И. Федоров и др.).

В последнее время все больше появляется исследований, посвященных разработке способов сохранения и укрепления здоровья учащихся средствами самого образования (Т.А. Берсенева, В.В. Ильющенко, А.М. Куликов, Е.Е. Чепурных и др.). С разработкой подходов к становлению здоровья учащихся образовательных учреждений различных уровней связаны исследования, в которых здоровье рассматривается как категория валеологии (Г.К. Зайцев, В.П. Казначеев, М.Л. Кузнецова, В.В. Колбанов, Л.Г. Татарникова и др.). Следует также отметить работы, направленные на исследование здоровья педагогов (Т.А. Берсенева, Л.Б. Дыхан, Г.К. Зайцев, С.Ю. Лебедченко, И.И. Новоселова и др.).

Анализ данных исследований показывает, что коррекции с позиции здоровья подвергаются практически все компоненты педагогического процесса и все составляющие системы образования. Многие из предлагаемых в выше обозначенных исследованиях подходов и технологий достаточно затратны в материально-финансовом плане, что является, на наш взгляд, серьезным препятствием для их повсеместного внедрения в педагогическую практику, а некоторые из них «привязаны» к экологическим условиям того или иного региона, что также затрудняет широкое распространение их результатов и поэтому кардинально не влияет на ситуацию со здоровьем подростков и молодежи.

Все выше изложенные рассуждения указывают еще на два противоречия:

– противоречие между потребностью общества в высоком уровне здоровья подрастающего поколения как условия дальнейшего развития общества и недостаточной результативностью существующих образовательных концепций и медико-педагогических средств, направленных на сохранение и укрепление здоровья учащихся в условиях образовательного процесса;

– противоречие между определяющей значимостью для здоровья личности здорового образа жизни и недостаточной эффективностью воспитательных мер, предусматривающих формирование у растущего человека готовности к поведению в соответствии с требованиями здорового образа жизни.

Мы считаем, что эффективных результатов в решении проблемы здоровья школьников можно достичь, если направить усилия на создание в образовательном учреждении соответствующей среды, обуславливающей здоровый образ жизни субъектов образовательного процесса, который, как принято считать, и является основой для сохранения и укрепления их здоровья. Формированием здорового образа жизни учащихся и учителей как субъектов образовательного процесса должны теперь заняться создаваемые во всех регионах России «Центры здоровья».

Ключевой идеей современной медико-педагогической концепции должно стать положение о возможности и необходимости такой организации целостного образовательного процесса современной школы, при которой обеспечивались бы условия формирования здорового образа жизни учащихся и педагогов как взаимодействующих субъектов. В качестве основы для реализации данной идеи выступает моделирование здоровьесберегающего образования, которое представляет собой не отдельный образовательный процесс, а специфическую функцию целостного педагогического процесса, его качественную, характеристику, определяющую направленность всех структурных компонентов образовательных учреждений на формирование здоровьесберегающих установок. Основным условием, обеспечивающим достижение данной цели, является содержательно и структурно организованное взаимодействие учащихся и педагогов в направлении сознательной, систематической и долговременной деятельности по сохранению и укреплению своего здоровья как компонента культуры личности.

Среди концептуальных положений по формированию здорового образа жизни учащихся и педагогов, как субъектов образовательного процесса в системе современного общего образования, следует выделить:

1. Здоровьесберегающее образование выступает в наше время сущностной характеристикой целостного образовательного процесса, ориентированного на здоровье его субъектов, и наряду с тремя его основными функциями – обучающей, воспитывающей и развивающей – представляет собой еще одну – оздоровительную функцию;

2. Здоровьесберегающее образование обеспечивается в результате организации содержательно и структурно соотнесенного взаимодействия учащихся и педагогов, выступающих в качестве субъектов образовательного процесса, при этом здоровый образ жизни педагогов выступает принципиально

важным основанием и решающим фактором в сохранении и укреплении здоровья учащихся.

В практическом отношении необходимо обеспечить соблюдение комплекса следующих организационно-педагогических условий:

а) построение образовательного процесса на основе принципов здоровьесберегающего образования, органично сочетающихся с принципами обучения и воспитания;

б) применение педагогических технологий, обеспечивающих одновременное решение общеобразовательных задач и формирование у учащихся и педагогов готовности к здоровому образу их жизни;

в) присвоение каждому элементу образовательного процесса (цели, содержанию, методам и организационным формам) здоровьесберегающей функции, что позволит создать в рамках этого процесса информационно-образовательную среду, отвечающую требованиям здорового образа жизни.

Из всего сказанного следует, что школа остается наиболее эффективной системой, позволяющей формировать развитие личностных ресурсов и позитивных поведенческих навыков у детей и подростков. Однако подобная задача может быть реализована лишь при достижении тесного взаимодействия между педагогическими коллективами образовательных учреждений, медицинскими работниками и родительской общественностью, цель которых – сохранение и укрепление здоровья подрастающего поколения.

1. Баль Л.В., Барканов С.В. Формирования здорового образа жизни российских подростков. – М., – 2003.

2. Жданова Л.А., Рунова О.С., Шишова А.В., Салова М.Н., Бобошко И.Е. Актуальные аспекты совершенствования профилактической работы детской поликлиники: организационные формы, методическое обеспечение // Заместитель главного врача. – 2011, № 7(62).

3. Кучма В.Р., Сухарева М.Л. Состояние здоровья школьников и роль школ, содействующих его укреплению.// Школа здоровья. РОО «Образование и здоровье», 2008, № 3.

4. Орлова Н.В., Чукаева И.И. Организация и функционирование центров здоровья. Учебное пособие. – М.: ГОУ ВПО РГМУ Росздрава, – 2010.

5. Решетников И.С. Центр здоровья: функции, структура, организация работы кабинетов инструментальных исследований // Функциональная диагностика. – 2010, № 3.

6. Розов Н.Х. Инновации в общеобразовательной школе и педагогическом образовании.// Вузовский вестник. – 2008, № 22.

7. Руководство по школьной медицине. Клинические основы./ Под ред. проф. Панкова Д.Д., чл.-корр. РАМН, проф. Румянцев А.Г.– М.: Гэотар-Медиа, – 2011.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
ЭФФЕКТИВНОСТИ: К НОВОЙ ТЕОРИИ

Сухарев О.С.

В статье рассматриваются критерии социальной эффективности, предлагается ряд моделей, которые расширяют трактовку социальной эффективности, помогают учесть институциональные особенности и эффекты организации отдельных социальных систем, в частности, образования и т.д. Проблемы социального развития рассматриваются с общетеоретических аспектов, причем автор отмечает те позиции, которые в рамках известных критериев учитываются слабо.

Ключевые слова: социальная система, эффективность, образование, инновации.

Критерии социальной эффективности

Социально-экономическое развитие весьма противоречиво, его результаты предсказать довольно сложно, однако можно уверенно говорить о том, что, как минимум, три важнейшие детерминанты определяют направление вектора общественного развития или, по крайней мере, дают довольно определенную характеристику этому развитию. Во-первых, изменения в технологии, приводящие к смене технико-экономической парадигмы развития, замещению основных производственных фондов, интеллекта и знаний. Во-вторых, эффекты концентрации различных видов власти, особенно экономической власти над рынком. В-третьих, социальные структуры накопления и распределения созданных благ, включая и интеллектуальный продукт, связанные с соответствующими изменениями на рынках труда.

Накопление богатства любыми способами, эгоистичное поведение, получение удовольствий здесь и сейчас – вот обыденные модели поведения современной жизни, которые признаны большинством ныне живущих людей правильными. Это и атрибут социальности настоящего, который формирует стереотипы хозяйственного поведения. Уважение к старшим, семейным отношениям, поклонение другим неформальным нормам отошло на второй план. Исчезновение представлений о ценностях, подрыв веры, общепринятых ранее устоев и представлений – есть выражение резкого кризиса «социальности» современного хозяйства, исчерпания социальных факторов развития, замещения их рынком и бизнес-культурой, которая становится ярким выражением «электронной культуры». Происходит замещение сложившихся в предшествующую социальную эпоху обычаев и традиций новыми ценностями, никак не связанными с духовной жизнью и общинным устройством. Похожую точку зрения высказали в книге «Голос Азии» Махатхир Мохамад и Синтара Исихара [1, р. 80].

В этом случае неограниченный экономический рост, как отмечает первый президент Сингапура Ли Куан Ю, становится чрезвычайно опасен для развития общественных структур [2, с. 205]. Растить может и раковая опухоль в организме человека, но этот рост в конечном итоге приводит к разрушению всей биологической системы. Кроме того, мозг человека не сигнализирует ему самому о наличии этого роста до того момента, пока не возникают болевые ощущения, а на этой стадии роста оказать спасительную помощь обычно уже невозможно. Удастся только лишь немного продлить время функционирования такого организма. Данная аналогия весьма полезна. Действительно, появление новых ценностей и отношений меняет социальную структуру и содержание «социального вопроса», но это вовсе не означает, что новые ценности не связаны с духовной жизнью. Они просто представляют собой новую духовность, новую основу «социальности» – в этом состоит, если угодно смена социальных укладов развития экономики.

Если действующая система институтов делает жизнь затратной, не позволяет обеспечивать совокупность полезных функций, тогда можно говорить о том, что рост экономики не решает проблему удовлетворенности социальной жизнью. При этом, конечно нужно учитывать, что отсутствие роста могло бы усиливать эту неудовлетворенность. Вместе с тем, проблема состоит в чем-то другом, а именно – нужна ли обществу новая духовность, новая культура, насколько она продуктивна, можно ли так ставить вопрос вообще, и каким образом изменение в базовых институтах воспроизводится экономическим ростом, техническими и технологическими изменениями. Последние более скоротечны и рельефнее обнаруживают кумулятивный эффект, нежели изменения в обычаях и традициях.

В этих условиях «без современной научной этики знание может обернуться злом». Поэтому первым условием научного успеха является принятие «современных ценностей», включающих в себя истину, доверие, честность и право на несогласие. В обществе, где такими ценностями пренебрегают, установление их выступает главной задачей, иначе система воспроизводства и диффузии знаний не сможет функционировать [2, с. 232]. Как видим, проблема сводится к отысканию критерия оценки эффективности социального развития.

Например, в качестве критерия эффективности развития фирмы помимо показателей рентабельности, финансовых показателей, используется понятие мотивационной или организационной эффективности. Если фактические издержки фирмы для данного объема производства больше, чем минимально возможные средние издержки, то возникает так называемая X-неэффективность, которая отражает «внутреннюю» неэффективность, то есть плохое управление функционирующей системой. Эта величина может быть характеристикой относительного уровня организации управляемой системы и указывать на узкие места в управлении, подлежащие устранению или модификации. При этом она может быть своеобразным критерием эффективности любой социальной структуры.

В качестве критерия социальной эффективности могут выступать принципы, вытекающие из обнаруживаемых исследователем экономических эффектов и подлежащие количественному измерению, в частности, из эффектов сопоставления уровней благосостояния или доходов различных слоев населения. Это довольно мощный инструментальный для оценки социальной эффективности, поскольку понятие «социальная эффективность» существует в относительном, то есть сравнительном контексте. Например, так называемый «демонстрационный эффект» (предложен Р. Нерксе), использован Дж. Дьюзенберри при исследовании потребительского поведения. В 1948 г. он разработал одну из первых теорий потребительского поведения, базирующуюся на гипотезе относительного дохода, согласно которой текущее потребление зависит от потребления в предыдущие периоды и относительного дохода. Таким образом, уровень потребления, согласно этому подходу, определялся двумя основными факторами: соревнованием внутри социальной группы и эффектом «демонстрации», который состоял в подражании одной группы уровню жизни, включая конечно качество потребления, другой, и, одновременно, общему стремлению к более высокому уровню жизни. В итоге, индивидуальное потребление становилось функцией относительного дохода потребителя, то есть положения его на шкале доходов. Негативное значение «демонстрационного эффекта» можно рассматривать в отношении стран догоняющей модернизации. Разница в производительности, проистекающая из научно-технологического отставания, относительно стран пионерной модернизации предопределяет пропасть в доходах и, соответственно, потреблении. Но желание жить как богатые страны, своеобразным образом фиксирует порочную социально-экономическую структуру, потому что попытка предпринять серьезные меры по преодолению status quo, кроме прочих, наталкивается на эту причину. Массовый когнитивный диссонанс разрешается неспособностью отказаться от эффекта подражания и, последний, оказывается психологической детерминантой порочного круга бедности, фиксируя сложившуюся социальную структуру, не позволяющую повысить хозяйственную эффективность.

Экономические системы западного типа долгое время развивались на базе представлений о желательности экономического роста и указанная парадигма, распространяющая свое влияние и на систему управления хозяйством, являлась доминирующей. Происходила подмена целей социального развития целями увеличения каких-то макроэкономических параметров, в частности, валового продукта и национального дохода на душу населения. Появился даже специальный термин «культ валового национального продукта», введенный в научный оборот с легкой руки Джона Кеннета Гэлбрейта [3]. В основе этого явления лежат два важнейших социальных эффекта, имеющих первостепенное значение с точки зрения характеристики развития современной экономики.

Во-первых, происходит изменение конкурентного процесса в силу того, что хозяйствующие субъекты и потребители не решают задачу максимизации прибыли и полезности соответственно. Определяющими становятся эффекты, вытекающие из проявления власти над рынком. Крупный бизнес посредством методов психологического воздействия, например, рекламы, программирует индивидуальные потребности и фактически создает спрос на предполагаемые к выпуску блага. При этом «общество изобилия» становится фригидным по отношению к социальным потребностям и общественным благам.

Во-вторых, технологический прогресс исполняет роль генератора социальных изменений, углубляя разделение собственности и управления. Хозяйственные решения принимаются технотектурой, которая в качестве базисной выбирает уже не цель максимизации прибыли, а систему целей. Реализация этих

целей определяет качество экономической системы. К ним могут быть отнесены следующие: обеспечение выживания, безопасности, страхования риска от какого-то вида деятельности, достижение определенного жизненного стандарта и др. Чтобы обеспечить прогресс в части продвижения к целевым ориентирам, требуется непрерывающееся наращивание объема ВВП. В противном случае ресурсная основа достижения целевой установки резко сокращается, и цель становится недостижимой. Этот сформировавшийся стереотип и получил воплощение в моральных общественных максимах – «культе валового национального продукта». Указанное понятие можно использовать как критерий низкого уровня развития социальной экономики, то есть, чем выше величина культа ВВП, чем отчетливее провозглашается цель обеспечить устойчивый экономический рост, тем увереннее можно утверждать, что данный процесс будет происходить со значительным ущербом по отношению к текущей социальной структуре. Идеальный вариант подобного развертывания событий сосредоточен в эффекте Кузнеця, согласно которому экономический рост в странах с развитой рыночной экономикой происходит за счет существенного, а иногда и резкого возрастания социального расслоения, устанавливаемого по коэффициенту Джини.

2. Оценка социальной эффективности

Понятия экономической и социальной эффективности – по сути разные в экономической науке, причем «социальная эффективность» гораздо слабее объяснена в теории. С точки зрения ортодоксальной науки, эффективность означает то, насколько хорошо использованы ограниченные ресурсы, с какой отдачей. Измеряя отдачу на единицу затраченного ресурса, получается показатель, характеризующий эффективность системы. Социальная эффективность не поддается такому относительно простому определению. Ее можно считать параметром, описывающим степень разрешимости «социального вопроса», стоящего на повестке дня. Однако в таком случае «социальная эффективность» как показатель будет не только динамическим, но и с постоянно изменяющимся содержанием в связи с тем, что с историческим развитием хозяйства изменяется содержание «социального вопроса». Поэтому лучше всего социальную эффективность измерять в соответствии с критерием, отражающим изменение в реальном социальном параметре или нескольких параметрах. Таким показателем выступает «индекс человеческого развития», представляющий интегральный показатель, оценивающий валовой внутренний продукт на душу населения, ожидаемую продолжительность жизни и образовательный уровень общества. Считается, что этот показатель дает значительно более точные представления о развитии экономики по сравнению с ВВП, так как оценивается расширенный набор наиболее существенных социальных функций, формирующих качество жизни и обеспечивающих социальную стабильность. Доход на душу населения определяет уровень экономического благополучия, продолжительность жизни является показателем развития здравоохранения, системы защиты окружающей среды, а также отражает общий уровень жизни. Образовательный уровень отражает то, как в экономике налажены процессы воспроизводства и передачи знаний, как происходит замещение поколений людей и каково, в конечном счете, качество человеческого капитала. Индекс человеческого развития определяется как средняя арифметическая трех указанных показателей-индексов: средней продолжительности жизни, дохода на душу населения, уровня образования. Каждый из указанных трех индексов рассчитывается на основе имеющихся статистических данных по соответствующим формулам. Приведем зависимости для каждого индекса отдельно и для индекса человеческого развития:

$$K_h = (K_d + K_g + K_o) / 3,$$

$$K_d = (K^* - K_{min}) / (K_{max} - K_{min}),$$

$$K_g = (L^* - L_{min}) / (L_{max} - L_{min}),$$

$$K_o = (2 \times (Q - Q_{min}) / (Q_{max} - Q_{min}) + d) / 3.$$

где:

K_h – индекс человеческого развития,

K_d – доход на душу населения,

K_g – индекс продолжительности жизни,

K_o – индекс, оценивающий уровень образования.

K^* – реальный фактический доход на душу населения (по паритету покупательной способности),

K_{min} , K_{max} – минимальный и максимальный реальные доходы на душу населения,

L^* – ожидаемая продолжительность жизни при рождении,

L_{min} , L_{max} – минимальная и максимальная продолжительность жизни при рождении,

Q – грамотность среди взрослого населения,

Q_{min} , Q_{max} – минимальная и максимальная грамотность среди взрослого населения,

d – общая доля учащихся в возрасте от 6 до 24 лет в совокупном населении страны данного возраста [4].

Важным, на мой взгляд, показателем уровня социального развития является доля живущих за чертой бедности, определяемая отношением числа агентов, ведущих нищенский образ жизни к общему населению данной экономической системы. Кроме этого, можно использовать показатель степени нищеты, определяемый разрывом между доходом живущих за чертой бедности агентов и доходом, определяющим саму черту бедности к общему создаваемому в стране доходу. Понимается, первый и второй показатель являются по существу институциональными, поскольку черта бедности устанавливается законодательно. Вместе с тем, этот показатель имеет и объективную основу, которая связана с возможностью потребления определенного числа благ (продуктов питания) в сутки за определенную величину дохода. Когда доход не позволяет потреблять элементарную величину благ, необходимых для нормальной работоспособности, а только поддерживающих жизнеспособность агента, тогда и говорят о жизни за чертой бедности.

Качество социального развития оценивается по качественным параметрам состояния секторов образования и здравоохранения и другим показателям, учитывающим динамические изменения в развитии человеческого капитала.

В рамках деятельности Программы развития ООН разрабатываются отчеты по человеческому развитию в условиях глобализации экономики. Общепринято, что если значение индекса человеческого развития составляет 0,8, то страна относится к экономически развитой, если индекс колеблется в пределах от 0,5 до 0,8, то это страна со средним уровнем человеческого развития. Для слаборазвитых стран значение индекса составляет менее 0,5.

Однако у приведенной системы показателей оценки эффективности социального развития имеются следующие недостатки.

Во-первых, интегральный показатель включает три принципиально разнородных индекса, описывающих разные экономические подсистемы и процессы, то есть он выстроен по принципу математического агрегирования и приспособлен для оценки социальной системы в целом. Внутренние распределительные эффекты, мотивационная эффективность в явном виде не учитываются в рамках данного индекса, не говоря уже о качественной оценке образования, здравоохранения и системы социальной защиты.

Во-вторых, в основу индекса человеческого развития заложен показатель валового продукта/дохода с присущими этому показателю серьезными недостатками. В частности, в нем не отражены экологические последствия социального развития, динамика нематериальных активов и добавленная стоимость, создаваемая с их помощью. Кроме того, существуют статистические погрешности учета ВВП и национального дохода, когда часть доходов на учитывается, а другая часть учитывается дважды. Сильные искажающие эффекты в подсчет ВВП может вносить налоговая система.

В-третьих, имеется определенная ограниченность в расчете составляющих индекс человеческого развития показателей продолжительности жизни и уровня образования, и она состоит в том, что нельзя уверенно констатировать корреляцию между качеством социального развития и продолжительностью жизни, а также уровнем образования. Дело в том, что высокое значение индекса «уровень образования» не означает высокого качества образования на всех ступенях образовательной лестницы. Специалисты в области образования утверждают, и с этим необходимо согласиться, что непрерывность и всеохватность образования выступают важнейшими условиями его эффективности. Уровень образованности может быть относительно высок за счет общего образования, а система высшего образования при этом может не обеспечивать в нужном объеме подготовку высококвалифицированных кадров, вносящих самый существенный вклад в развитие информационной экономики, основанной на знаниях и «высоких технологиях». То же относится к индексу «уровень продолжительности жизни», который может быть относительно высок, например, при значительной детской смертности или очень низких показателях рождаемости. Именно по-

добные закономерности и создают проблему старения многих экономически высокоразвитых государств, которые по существу вымирают. Тогда как же можно говорить об эффективном социальном развитии, если создаваемые блага и уровень жизни достаются сокращающейся национально-культурной совокупности.

В-четвертых, крупнейшим недостатком представленных показателей является то, что они не учитывают, в какой степени функции социальных структур доступны широким слоям населения, и какую долю личного дохода эти функции требуют, чтобы быть исполненными.

В-пятых, состояние социальной сферы и соответствующих структур определяется общей развитостью социальной инфраструктуры, особенностями кредитования ее объектов, а также уровнем государственных и частных расходов, необходимых для развития социальной сферы. При сокращении уровня монетарного обеспечения конкретной социальной системы происходит закономерное снижение ее качественных параметров. Вот почему, даже не обладая специальными теоретическими знаниями о возникающей дисфункциональности управляемой системы вследствие абсолютного или относительного снижения ее монетарного обеспечения, политики устанавливают нормативы на уровень расходов «социальных сфер» и отраслей, создающих общественные блага. Это касается обороны, здравоохранения, науки, образования, культуры. Рост относительной доли этих расходов становится символом не только расширения государственного сектора, но и успешного инновационно-технологического развития страны, ее доминирующей роли на рынке высокотехнологичной продукции, залогом конкурентоспособности на мировом рынке.

Таким образом, индекс человеческого развития представляет собой корректирующий ВВП показатель, позволяющий, в некотором смысле, учесть взнос нематериальных факторов в создание национального богатства. Этот критерий социальной эффективности есть своеобразный «ВВП социального развития», то есть очень грубая и общая оценка социальной результативности.

«Главный порок» показателя ВВП и индекса человеческого развития состоит в том, что высокая аварийность хозяйства, борьба с массовыми заболеваниями, вырубка лесов, ремонт вышедших из строя фондов, соперничество адвокатов, компенсация за какие-то потери, например, от наводнений, землетрясений – все это будет работать в сторону увеличения ВВП, а, следовательно, и индекса человеческого развития через параметр дохода на душу населения, так как индекс продолжительности жизни и уровень образованности при этом существенно не изменятся.

Интересное определение эффективности дают в своем докладе Римскому клубу «Фактор «четыре». В два раза больше богатства из половины ресурсов» в 1997 г. Э. Вайцзеккер, Э.Ловинс и Л. Ловинс. Под эффективностью понимается стратегия развития, не вызывающая сожалений [5, с. 596-625]. С этой точки зрения экономический рост и ассоциируемая с ним экономическая эффективность являются давно устаревшей стратегией, поскольку устойчивое общество, показывающее долгосрочную жизнеспособность, заинтересовано не в физической и материальной экспансии, а в обеспечении качества развития. Утверждая цели экономической политики в виде обеспечения роста, необходимо, прежде всего, выяснить, зачем этот рост нужен и какие цели он преследует, к каким результатам приведет и сколько будет длиться [5, с. 628].

С этой точки зрения экономическая эффективность является средством, а не целью, поскольку эффективность рынков и распределения благ – это лишь часть общей эффективности социального развития, причем часть довольно небольшая. Экономическая эффективность является средством, а целью становится эффективность социального развития. Конечно, с позиций научной логики для ее измерения требуется критерий или критерии, предполагающие использование количественных показателей и индикаторов. Поскольку социальное развитие многоаспектно, постольку общая эффективность социального развития будет поддерживаться на высоком уровне, если будут ставиться и решаться следующие задачи: повышения качества жизни, уменьшения загрязнения окружающей среды и истощения ресурсов, экономии финансовых ресурсов, контроля над рынком, активизации бизнеса, обеспечения безопасности, равенства и занятости, многоконтурного использования имеющихся ресурсов и др.

Однако многие из указанных задач, нашедших отражение в докладе «Фактор «четыре»», взаимно противоречивы в силу того, что текущая структура экономических институтов и модели экономической политики как раз ориентированы на фальсифицированную цель обеспечения экономической эффективности за счет роста, а не на цели социального развития. Так, количественная логика преобладает над качественной с вытекающей невозможностью реализации обозначенных целей в полном объеме.

Для того чтобы научиться измерять социальное развитие и заменить в экономическом анализе довольно узкое понятие «экономическая эффективность» другим понятием «социальная эффективность»

требуется ввести критерий, который бы определял эту «новую эффективность». Такой критерий был предложен Клиффордом Коббом и Стокгольмским экологическим институтом и получил название «индекса устойчивого экономического благосостояния» – ISEW – Index of Sustainable Economic Welfare. Этот критерий составляет альтернативу ВВП, так как измеряет реальное богатство, а не результаты экономической деятельности, фиксируемые по величине расходов в экономике. Экологическая нагрузка на хозяйство отражается ростом ВВП, а ISEW – сокращением. Аналогично отреагирует данный показатель и на рост преступности, на увеличение неформального сектора, увеличение неравенства, истощение ресурсов, передаваемых будущим поколениям [5]. Различие между ВВП и ISEW в системе учета богатства, являющейся производной назначения указанных показателей. Однако очень важно отметить расхождение их динамики. Если по ВВП наблюдается рост экономики, то индекс устойчивого экономического благосостояния показывает рост разочарования социальными условиями жизни, несмотря на то, что на длинном историческом тренде успехи в социальном развитии, особенно в развитых странах просто ошеломляющие. Этот парадокс возникает в связи с тем, что увеличилась скорость развития, которая делает время и доступ к благам важными лимитирующими параметрами существования конкретного индивида, определяя его потребности и предпочтения.

Социальную эффективность можно представить через эффективность конкретных социальных секторов: образования, здравоохранения, а также секторов инфраструктурного назначения – информационного, социальной защиты и трудовых отношений. Кстати, уровень бюрократизма и «теневой» экономики будет также влиять на общее значение социальной эффективности. Здесь представим метод оценки эффективности системы здравоохранения. Системе образования будет посвящен отдельный параграф. Для того, чтобы оценить эффективность такой системы как здравоохранение, необходимо задаться вопросом: зачем эта система нужна, то есть какую функцию она выполняет? Изменение эффективности системы – это изменение функции с позиций качественного и количественного ее исполнения. Другими словами, динамика эффективности – это расширение или сужение дисфункциональности системы.

Эффективность здравоохранения оценивается в рамках модели «затраты – процессы – результаты». Причем результатом является спасение человеческих жизней, продление этой жизни при обеспеченной ее активности, снижение уровня инвалидности и заболеваемости агентов социальной системы. Такой результат достигается как превентивными действиями, так и сугубо лечебным способом. Однако, указанный результат зависит от исходного здоровья нации, экологической ситуации, спроса на медицинские услуги, предложения медицинских технологий, механизмов социального страхования, и даже образования, и др. С точки зрения агента, здоровье есть благо, ценность которого с возрастом возрастает, а общая стоимость снижается, и в точке смерти агента здоровье как благо равно нулю (см. рис. 1.). Затраты в обеспечение здоровья являются инвестициями в создание будущего дохода, поскольку с утратой здоровья снижается производительность труда, возрастают потери рабочего времени, связанные с нетрудоспособностью, либо «вялой» работой, что понижает и извлекаемый агентом доход. Убытие здоровья с возрастом компенсируется частично ростом расходов на здравоохранительные мероприятия. Покажем кривые изменения запаса здоровья двух агентов, которые родились с разным исходным запасом здоровья (например, это расхождение может быть генетически предопределено либо было обусловлено режимом вынашивания и протекания родов).

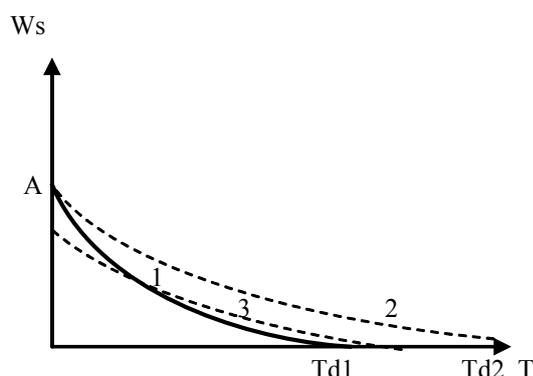

Рис. 1. Динамика функции запаса здоровья агента

Как видно из рисунка 1, функция запаса здоровья для агентов 1-2 берет начало в одной точке А, в случае 3 исходный запас здоровья агентов отличается. Если запас одинаков, то агенты все равно могут прожить период неодинаковой продолжительности – $Td1$ и $Td2$ соответственно. Ситуация с кривой 3 показывает, что, имея более низкий запас здоровья по отношению к агенту 1, агент 3 проживет несколько дольше, но меньше агента 2. Такой характер динамики функции запаса здоровья говорит о том, что агенты проходят разные пути социализации, приобретают различный доход, который позволяет им по-разному ликвидировать усиливающиеся в ходе износа организма его дисфункции, что, в конечном счете, сказывается на продолжительности жизни. Здесь не рассматривается функция запаса здоровья, которая может стать равной нулю в силу аварии. Например, агент 1 учился на отлично, что требовало значительных усилий, комнатной работы, нагрузки на глаза и нервную систему. Агент 3 учился на воздухе, быстро приобрел работу, которая связана с полезным для организма трудом. Пересечение кривых 1 и 3 дает точку, в которой их потенциалы здоровья сравнялись, и далее происходит разное растрачивание запасов здоровья. Так, первый агент защищает докторскую диссертацию в молодом возрасте. Если в экономике нет стимулов для такой траектории развития, то расплатится он за такое желание своим здоровьем. К тому же, связывая свою работу с наукой, агент 1 приобретает невысокий доход, а агент 3 осуществляет функцию контроля строительства объектов в лесной зоне, что способствует укреплению здоровья и гарантирует, по крайней мере, в российской экономической системе, более высокий доход. Часть дохода агенты инвестируют в здоровье, причем с каждым годом все больше и больше, но вот в общем случае доля инвестирования дохода в такое благо, как здоровье, обычно не одинакова и определяется предпочтениями агентов осуществлять подобные расходы [6].

В любом случае при движении вправо по оси времени, ценность блага здоровье для каждого агента будет возрастать, как и функция расходов – инвестиций, если изначально рассматриваются психологически здоровые агенты. В противном случае функция ценности и запаса здоровья могут иметь совершенно иной вид. Число же заболеваний (дисфункций), а также смертность с возрастом агентов будет увеличиваться, причем этому росту, какой он мог бы быть, будут противостоять указанные инвестиции (расходы).

Помнится Дж. Хикс отмечал, что неоднородность капитала является важнейшим его свойством. Именно это свойство не может раскрыть и объяснить экономическая наука. Что касается человеческого капитала, то оценить эффективность его еще сложнее, поскольку он в высшей степени неоднороден. Одним из факторов, одной из причин этой неоднородности выступает неодинаковая функция запаса здоровья, которая предопределяет возможности агента далее на траектории его движения (жизненного цикла) по фазам развития и старения. К ней можно добавить функцию исходных и приобретенных способностей и знаний, а также функцию потребностей и мотивации, чтобы полностью ввести модель человека посредством этих функций в экономический анализ. Теперь уместно отметить следующее: очевидно по социальным группам (стратам) эти функции будут очень похожи, поскольку они зависят от величины среднедушевого дохода, то есть от жизненного стандарта. Используя децильное или квинтильное распределение агентов по уровню душевого дохода, и показав вид эмпирически установленных перечисленных функций для каждой децили (квинтили), найдя разницу между соседними группами по каждой группе агентов для данного возраста по этим функциям, можно ориентировочно количественно установить величину неоднородности человеческого капитала для экономической системы. Безусловно, она будет отличаться от обычной неоднородности по величине дохода – величине неравенства. Как видим, неоднородность определяется многими факторами, включая и душевой доход, который по существу есть, конечно, производная неоднородности. Именно величина этого душевого дохода определяет возможности агента в области здравоохранения, обучения, правовой защиты и др. Экономическая демократия, если быть строгим, становится в прямом смысле экономической, когда она привязана к функции дохода. И права агентов, и их возможности, потребности определяются денежным доходом. С этих позиций сегодня в мире существует денежная демократия, то есть демократия, которая детерминирована величиной душевого дохода.

Если быть строгим, то вид кривой запаса здоровья должен быть несколько иным, чем представлено на рис. 1. Функция запаса здоровья будет иметь возрастающий участок, что связано с накоплением запаса здоровья и формированием потенциала здоровья в детском возрасте (см. рис. 2) на участке $[0; T^*]$. Период от начала T^* – это юношеский возраст агента. Вплоть до касания оси абсцисс от момента T^* функция запаса здоровья ведет себя так же, как показано на рисунке выше. Следовательно, при расчетах можно рассматривать функцию W_{ξ} перманентно убывающую, на которой могут наблюдаться выступления, связанные с растратой

запаса здоровья, либо с восстановлением запаса здоровья в зависимости от конкретной ситуации, состояния здравоохранения и соответствующей государственной политики в этой сфере в стране.

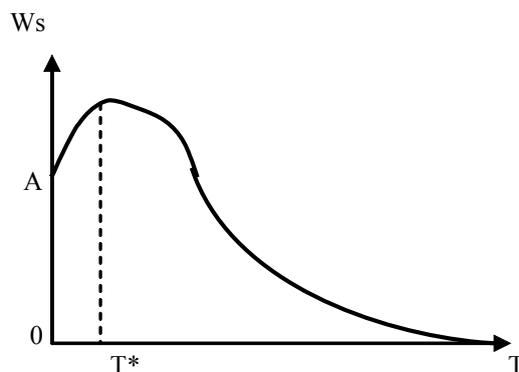

Рис. 2. Вид функции запаса здоровья агента

Главным критерием для оценки эффективности медицинских мероприятий выступает уровень затрат (причем, социальных и частных), связанный с реализацией этих мероприятий, с учетом и возможных последствий. Это можно представить так: $S = P_m + S_e - S_p$, где S – стоимость медицинского мероприятия, P_m – цена предлагаемого медицинского мероприятия, равная его себестоимости, S_e – стоимость побочных эффектов, S_p – стоимость предотвращенных неблагоприятных медицинских последствий.

В экономике здравоохранения часто используются такие два критерия оценки эффективности:

- годы жизни с поправкой на инвалидность;
- годы жизни с поправкой на качество жизни.

Первый показатель рассчитывается как количество будущих лет жизни, прожитых без инвалидности и функциональных нарушений (при минимуме дисфункции), которые могли быть потеряны в результате преждевременной смерти или получения инвалидности в текущем году.

Второй показатель представляет собой количественную оценку роста продолжительности жизни с учетом качества жизни, причем этот рост должен обеспечиваться работой системы здравоохранения.

Иными словами, оба показателя дают комплексную оценку, с одной стороны, снижения заболеваемости, с другой, увеличения продолжительности жизни при не снижающемся уровне ее качества в результате применения медицинских мероприятий и специальных медицинских и социальных программ.

Экономически важным является оценка стоимости человеческой жизни, поскольку только тогда можно будет давать близкую к истине оценку эффективности медицинских действий. Вопрос экономической оценки стоимости человеческой жизни решался еще У. Петти, а также позже У. Фарром. Сегодня известны подходы оценки стоимости человеческой жизни на основе оценки человеческого капитала. Безусловно, для такой оценки удобны методы дисконтирования, но как оценить текущую стоимость, пока не применяя дисконтирование. Очевидно, вполне уместно считать, что агенты не отличаются по стоимости их жизни, то есть этот параметр одинаков по всем агентам. Если принять отличное положение, предполагающее разницу в стоимости жизни, тогда возникнет дифференциация по основному праву на жизнь, а это подорвет демократические устои, вытекающие из принципа естественного права.

Стоимость человеческой жизни, с точки зрения медицины, будет равна разнице затрат на обеспечение жизни и выгод, которые эта жизнь приносит к общему числу спасенных лет жизни. Можно принять и другой критерий: оценить выгоды, которые могли быть получены, если бы человек жил, разумеется, дисконтированные, и затем вычесть расходы, связанные с поддержанием параметров жизнеспособности агента в допустимых для жизни пределах. Но, при этом, критерий становится отрицательным для пенсионеров, а для ребенка трудно подсчитать выгоды или расходы, потому как не ясно еще, какую социальную нишу занял бы он в будущем, какую профессию получил и каким доходом располагал. Здесь также важна проблема наследования и учета дохода, приносимого подобным активом. Кроме этих способов, можно оценить человеческую жизнь по критерию готовности к затратам, уменьшающим вероятность смерти.

Интересно отметить, что, например, установив дисфункцию организма агента, медики могут пред-

ложить лечение, которое бы ликвидировало бы эту дисфункцию или значительно снизило ее глубину, вернув большинство параметров функционирования организма к необходимой норме либо приемлемым значениям. Однако, абсолютно неизвестен факт, исчезнет ли природа возникновения такой дисфункции? Тогда, без понимания природы дисфункции, насколько времени удастся вернуть организм к благополучному функционированию? Это может быть месяц, год, три, пять лет и т.д. От чего зависит этот срок? По всей видимости, от глубины дисфункции в начальной точке, от точности подобранного лечения и от того, насколько препараты случайно или намеренно воздействуют на природу протекающих химических процессов в организме человека либо насколько они запускают параллельные процессы, ухудшающие условия данной дисфункции и дальнейшего ее развития, углубления. Эффективность лечения в таком случае определяется данным сроком. Оптимальный результат практикуемых медицинских мероприятий в таком случае связан с тем, что при минимуме используемых воздействий, имеющих лечебный эффект, минимуме затрат для пациента, дисфункция данного вида более не возникает никогда (без проведения повторного курса либо исправления ошибок при проведении первого курса лечения). Безусловно, такой результат зависит от совершенства методов диагностики и квалификации врачей, то есть от их профессионального образования и обеспеченности отрасли необходимыми технологиями и лекарственными и вспомогательными препаратами, от фармацевтической промышленности и т.д.

Таким образом, оценка стоимости человеческой жизни принимается за основу для всех последующих оценок эффективности работы здравоохранения, а также обеспечивает контроль, в том числе прокурорский и судебные решения в этой отрасли. Иными словами, обычных приемов сравнения расходов и выгод, которые дает медицина, недостаточно, то есть критерий бюджетной эффективности является необходимым, но недостаточным.

3. Эффективность образования как социальной системы

Эффективность образовательной системы представляет собой сочетание нескольких видов эффективности. Организационная, управленческая, мотивационная эффективности в сильной степени влияют на эффективность системы в целом. Возможно, интегрально можно описать образовательную систему либо показателем синергетической эффективности, либо адаптивной эффективности.

Но обобщенно показателем эффективности может стать следующий критерий: система высшего образования должна обеспечить высокий процент выхода годных специалистов, профессиональные параметры которых были бы конкурентоспособны на современных рынках труда и задавали более высокую планку для развития этих рынков. При этом образовательная система должна обеспечить доступ к предлагаемым ей функциям как можно большего числа граждан, причем необходимо, чтобы нижние ступени образовательной системы (общеобразовательная школа, система техникумов, профессиональных училищ) стимулировали учащихся к продолжению образования [6].

Помимо критериев эффективности при оценке функционирования сложных систем и сопоставлении их результатов бывает полезно пользоваться критериями или принципами, которые символизируют неэффективность и которые иногда проще установить или рассчитать. Применительно к образовательной системе, а также к интеллектуальному капиталу фирм (организаций) такими критериями могут быть:

- отсутствие мотивации к обучению и повышению квалификации;
- обсуждение прошлых результатов и заслуг;
- завышенная самооценка и самонадеянность агентов, участвующих в процессе производства благ или услуг.

Уровень подготовки специалистов, в конечном счете, определяет уровень квалификации и успешность различных решений (технических, управленческих, организационных и т.д.). Если считать оптимальным решением – решение, дающее наибольшую отдачу, эффективным решением – решение, дающее некий положительный эффект и неэффективным решением – решение, дающее отрицательный эффект, то по преобладанию каждого варианта решений можно косвенно дать оценку эффективности системы, которая воспроизвела подобных специалистов, принимающих такие решения. С методической (процедурной) точки зрения, подобную оценку дать довольно трудно. Вместе с тем, данный подход может быть применим к небольшой, в частности, региональной или корпоративной структуре, где типы решений

можно отследить и оценить. Обычно, разные решения соседствуют друг с другом. Однако, если удастся оценить эффект от каждого решения, совершенно не обоснованно складывать эффекты, поскольку наверняка решения являются взаимосвязанными параметрами для данного объекта – системы.

Эффективность образовательной системы определяется уровнем квалификации педагогических кадров, эффективностью организации процесса обучения, эффективностью самого обучения. Это прямые факторы, задающие общую эффективность системы. Однако, такие факторы, как склонность к обучению, мотивация к обучению, престиж отдельных профессий, состояние рынка труда, размер стипендии, размер оплаты обучения при платной форме обучения и доступность кредита – определяют спрос на образование и образовательные услуги. Применительно к фирме, эффективность обучения зависит от потребности в обучении и желаний работников учиться. Названные условия определяются тем, насколько изменится заработная плата работника до и после обучения и насколько возрастет его производительность, то есть насколько обучение будет оправданным для фирмы – вносить вклад в общие результаты хозяйственной деятельности – эффективность функционирования.

Выделим и представим здесь три базовых подхода к оценке эффективности системы образования [6]:

- инвестиционный (чистая дисконтированная стоимость обучения и срок окупаемости);
- качественный;
- экстернальный.

Последовательно рассмотрим содержание каждого подхода.

1. Подход, основанный на оценке эффективности инвестиций в человеческий капитал, позволяющий оценить эффективность системы образования [7].

Измеритель воздействия на систему инвестиций в человеческий капитал можно представить следующим показателем:

$$K_{Ropt} = \frac{Z_{max}}{D_{max}},$$

где K_{Ropt} – коэффициент общей рентабельности инвестирования в человеческий капитал; Z_{max} – максимальные затраты на инвестирование в человеческий капитал; D_{max} – максимальный полученный доход.

Также предлагаем выразить в формализованном виде усредненный коэффициент оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал:

$$\bar{K}_{EIH} = \frac{\sum_{i=1}^n \bar{z}_i^j}{\sum_{i=1}^n \bar{d}_i^j},$$

где K_{EIH} – коэффициент оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал; \bar{z}_i^j – средние за-

траты i -й семьи j -й децильной группы; n – число семей в выборке; \bar{d}_i^j – средний доход i -й семьи j -й децильной группы, i – номер семьи в выборке из n семей; j – номер децильной группы.

Если применить первую формулу для общей рентабельности к определению эффективности инвестиций в человеческий капитал, сделав при этом выборку из семей из различных социальных групп (предположим, что таких децильных групп будет десять), то мы можем получить следующее выражение:

$$K_{REIH} = \frac{\sum_{j=1}^{10} \sum_{i=1}^n \bar{z}_i^j}{\sum_{j=1}^{10} \sum_{i=1}^n \bar{d}_i^j}$$

Можно отметить, что срок, за который окупаются вкладываемые в человека средства, зависит от отрасли экономики, в которой после обучения будет работать человек. В разных отраслях оплата труда находится на разном уровне, следовательно, можно говорить о различии во времени, за которое окупятся вложения. Полагаю, эта проблема должна волновать государство, так как отрасли с наиболее высоким уровнем оплаты труда не могут обеспечить работой всех, а значит надо активно проводить политику выравнивания цены разных видов капитала с учетом эффекта замещения, включая и стоимостную оценку трудового капитала – заработной платы.

Срок окупаемости в каждом отдельном случае должен определяться, исходя из равенства дисконтированных капитальных затрат в системе образования величине экономических результатов, достигаемых к t -ому году. Математически это примет следующий вид:

$$\sum_{t1}^{t2} (R_t - Z_t) \cdot \alpha_t = K_d^{T=t2-t1}$$

где: R_t – экономические результаты, достигаемые на t -м; Z_t – затраты в году t , без учета капиталовложений; α_t – коэффициент дисконтирования; K_d – сумма дисконтированных капиталовложений за срок окупаемости $T = t2 - t1 \times \min$.

Оценка эффективности инвестиций в человека, согласно предложенным коэффициентам, является необходимым, но недостаточным условием обеспечения полноты оценки с методической точки зрения. Необходим анализ срока окупаемости как основного показателя оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал. Причина этого в том, что инвестиции в человека носят долгосрочный характер, а коэффициенты эффективности все-таки слабо отражают временной аспект, так как на долгосрочных этапах и затраты, и доходы должны дисконтироваться. Дисконтирование должно осуществляться по разным «аналитическим схемам» и всегда имеет высокий элемент неточности. Чем длиннее интервал времени, тем неточность выше. И доход, и затраты в приведенных выражениях должны подлежать дисконтированию.

При помощи предложенных выше коэффициентов возможно оценить динамику инвестиций в человека в зависимости от воздействия различных факторов, оцениваемых по изменению затрат и доходов.

Любая система развивается по определенным стадиям. Для человека как социобиологической системы также характерен жизненный цикл, поэтому можно предположить, что вложения в человека подвержены изменению в зависимости от этих фаз, то есть на разных стадиях размер инвестируемых средств различен. Отсюда можно считать, что инвестирование в человека и эффект от этого процесса определяется жизненным циклом самого человека. То есть, если принять за t количество лет, а за I инвестируемые сред-

ства в году i , то выражением $\sum_{i=1}^t I_i$, мы можем определить сумму инвестируемых средств на каждом этапе жизни человека.

Очень важен вопрос относительно качества системы образования в целом – всех ее структур, начиная от первичного звена и заканчивая правительственными органами, контролирующими и регулируемыми систему образования в стране. Интересно отметить, что расчет (оценка) отдельных количественных и качественных показателей может свидетельствовать о том, что система как будто эффективно функционирует. На самом деле, общая эффективность будет весьма низкой, потому что институционально система будет несовершенной, может строиться на коррупционной контрактации, развиваясь на совершенно иных принципах и мотивах. Например, мотив получения диплома и мотив подготовки высоко квалифицированного специалиста – на практике оказываются двумя противоположными мотивами. Первый мотив может быть обеспечен поверхностным и забюрократизированным образованием, низкой квалификацией профессорско-преподавательского состава и коррупцией, а второй мотив может быть удовлетворен только при другой системе образования, когда ее три главных элемента: квалификация педагогических кадров, эффективность процесса обучения и самого обучения кардинальным образом отличаются от первого варианта.

2. «Качественный» подход предполагает количественную оценку качественных изменений в системе.

Для оценки соответствующих изменений в параметрах эффективности системы важно оценить изменение доли заработной платы работников в общих затратах системы, а также доли затрат на заработную

плату, занятых в НИОКР в общей величине затрат на заработную плату. Важным показателем эффективности выступает снижение трудоемкости на единицу продукции и общий рост производительности труда.

Система образования либо система обучения кадров могут оцениваться следующими качественными показателями [6]:

- приращение знаний (на основе использования тестов агентов, прошедших обучение): доля превышения средневзвешенных правильных ответов после обучения над средневзвешенными ответами до обучения находится в числе средневзвешенных ответов до обучения (тестируемая группа агентов должна быть одной и той же, чтобы сохранить чистоту измерения);

- качество обучения, измеряемое уровнем подготовки тех, кто осуществляет обучение и уровнем усвоения новых знаний. Для этого могут использоваться показатели: доля освоенных в ходе обучения новых знаний в общем объеме знаний по этому направлению науки, специальности, дисциплины; объем методического обеспечения, приходящийся на одну дисциплину; число профессоров на одного обучаемого; квалификационный уровень профессоров (объем ежегодных научных публикаций); оценка качества работы обучаемого до и после обучения; спрос на выпускников вузов на рынке труда; и др.;

- информационная емкость выполняемой работы, на сколько возрос объем релевантной информации и снизились средние затраты на получение единицы такой информации на единицу изготавливаемого продукта (дохода) либо на единицу стоимости образовательной услуги;

- качество продукции, измеряемое нормой потребительной стоимости продуктов либо отношением фактических потерь от брака к готовой продукции и внутрипроизводственного брака к годной продукции, либо соответственно числом рекламаций.

Система образования способствует повышению квалификации, увеличивает норму управляемости экономической системой, повышает производительность труда (снижает трудоемкость). Кроме того, образование улучшает морально-психологический климат, что выражается в улучшении индексов сплоченности, группового взаимодействия, интеграции (способности сохранять структуру за счет низкого уровня конфликтности) и др. [8].

Текучесть кадров в системе образования, норма абсентизма, интенсивность выбытия кадров по возрасту (возрастная структура), число свободных вакансий, а также занятость профессоров в различных вузах – являются характеристиками качества процесса обучения. По крайней мере, они прямо или косвенно влияют на качество системы образования. То же относится и к фирме, которая нуждается в образованных специалистах.

Выпуск годных специалистов вуза можно ориентировочно определить по средневзвешенному баллу диплома:

$$S = \sum_{i=1}^N \frac{b_{ai} \alpha}{100},$$

где: S – средневзвешенный бал диплома; b_{ai} – средний бал диплома по i -ой специальности, N – число специальностей, α – удельный вес данной специальности к общей численности обучающихся.

Такой подход можно использовать и для оценки уровня квалификации системы, в том числе и системы образования, только вместо обучающихся оценивать специалистов, преподавателей, доцентов и профессоров. И конечно, считать показатель для системы в целом, например, для корпорации.

3. «Экстернальный» подход заключается в оценке дополнительных положительных эффектов, которые обеспечивает система образования и обучения кадров.

Эффективность системы образования можно представить как отношение совокупного положительно-го экстернального эффекта к общим затратам на поддержание ее функционирования в течение срока обучения (пять лет для вуза, одиннадцать – для школы, 3-4 года – техникума, 2-3 года – для профессионального училища):

$$E_o = \frac{\sum_{i=1}^T E_{+i}}{Z_{i+n}}$$

где: E_0 – эффективность системы образования; Z – затраты системы образования за время учебы; E_{i+1} – положительный экстернальный эффект в i -ом году на промежутке времени T , пока он не будет исчерпан, поскольку со временем без переобучения и повышения квалификации данный эффект для агентов, прошедших обучение на интервале $i+n$, где n – срок обучения, ко времени T может стать равен нулю.

На мой взгляд, все-таки экстернальный эффект должен оцениваться от момента начала учебы до момента ухода обучаемых как экономически активных агентов. Но даже находясь на пенсии, не работая, обученные люди обеспечивают экстернальный положительный эффект у себя в домохозяйствах. Тем самым, данное обстоятельство то же должно учитываться при расчетах.

Если обучение снижает брак производства, тогда эффект измеряется экономией издержек, связанный со снижением уровня брака в результате обучения. При снижении трудоемкости в результате обучения, когда оборудование не менялось, становится ясно, что только обучение могло вызвать такой эффект. Следовательно, учесть повышение эффективности в таком случае не сложно. Аналогично можно измерить эффект при повышении таких социальных индикаторов экономической системы, как ее аварийность, институциональные нарушения (оппортунизм), вследствие обучения и повышения уровня образованности и квалификации экономических агентов.

Для оценки эффективности человеческого капитала и системы образования используются различные модели. В частности, в модели экономического роста Р.Солоу используется производственная функция, учитывается рост населения, технический прогресс, принимается равенство инвестиций и сбережений и постоянная норма выбытия капитала, а расширение модели Р.Солоу, предпринятое Р.Лукасом в явном виде вводит функцию эффективности (производительности) обучения. В модели Д.Ромера и Г.Менкью [9], рассматривается человеческий капитал на единицу эффективного труда. Математически эти три модели базовой производственной функции, которая позволяет определить рост создаваемого продукта, принимают следующий вид:

$$1) Y(t) = A(t)K^\alpha(t)L^{1-\alpha}(t),$$

$$2) Y(t) = K^{1-\alpha}(t) \{ H(t)L(t) \}^{1-\alpha} h^\beta(t), \text{ причем: } \frac{\partial H}{\partial t} = \lambda H(t) [1 - l(t)]$$

$$3) Y(t) = K^\alpha(t)H^\beta(t) \{ A(t)L(t) \}^{1-\alpha-\beta}, \text{ введя } y = Y/AL, k = K/AL, h = H/AL, \text{ получим: } y = k^\alpha h^\beta.$$

где: $Y(t)$ – валовой продукт; $K(t)$, $L(t)$ – физический и трудовой капитал; l – доля затрат труда на создание человеческого капитала; $H(t)$ – запас человеческого капитала; $h(t)$ – средний уровень человеческого капитала по экономике; λ – эффективность обучения; α , β – нормы замещения факторов производства, входящих в производственную функцию, k , h , y – физический, человеческий капитал и продукт на единицу эффективного труда.

В модели Р.Лукаса темп роста валового продукта определяется целиком ростом человеческого капитала, но в силу экстернального эффекта экономика как бы недобирает эффективности.

Модели экономического роста С.Струмилина, Т.Шульца, Э.Денисона¹, учитывают человеческий капитал, представляя процесс влияния этого капитала на рост по фазам, точнее, объектам его формирования. Иными словами, учитывается отдача от вложений на уровне начальной, средней и высшей школы. Экономическую систему на уровне модели можно представить состоящую из двух секторов – материального и интеллектуального. Причем последний включает образование и науку. Тогда, используя аналогию из химической кинетики, развитие этой системы из двух секторов можно представить как некое взаимодействие с противоположными скоростями. Одна скорость означает распад интеллектуальной сферы, устаревание знаний, другая скорость – наращение (приобретение) нового знания. В соавторстве [10, с.100-114], была предложена и апробирована макроэкономическая модель, реализующая данное предположение. Она построена на уравнениях для скоростей потоков химической реакции – взятых из раздела химической кинетики. Эта модель показывает, как взаимодействуют материальный и интеллектуальный сектора экономики и в какой степени определяют динамику друг друга.

Исходя из модели Ромера-Менкью можно определить точку глобальной устойчивости системы, где величины физического и человеческого капитала на единицу эффективного труда равны (см. рисунок). Это соответствует точке А на рисунке 3.

¹ См. подробнее: Сухарев О.С. Экономика технологического развития. – М.: Финансы и статистика, 2008.

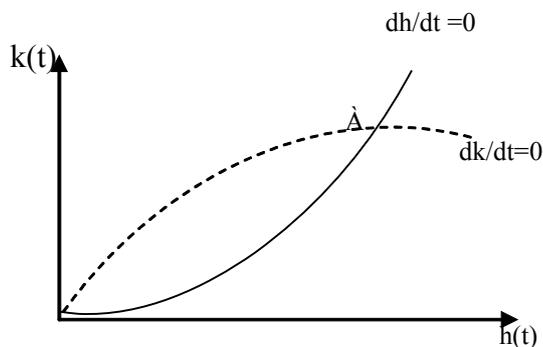

Рис. 3. Состояние глобальной устойчивости экономической системы по модели роста физического и человеческого капитала на единицу труда

Производственная функция для человеческого капитала, согласно Т.Шульцу, может принять следующий вид:

$$Y_H = A(Z_t \cdot K_t)^{\beta_1} C^{\beta_2},$$

где Y_H – объем произведенного человеческого капитала; t – период времени; A – коэффициент, описывающий способность увеличивать человеческий капитал; Z_t – доля человеческого капитала, которая направляется на производство этого капитала; K_t – общая величина имеющегося человеческого капитала; C – окупаемые вложения β_1, β_2 – положительные коэффициенты эластичности ресурсов, показывающие на сколько процентов изменится объем произведенного человеческого капитала при увеличении ресурса на 1%; $\beta_1 + \beta_2 < 1$.

Этот подход к производству человеческого капитала позволяет учесть состояние системы образования и ее возможности. Параметр, описывающий способность агента/системы увеличивать человеческий капитал, а также величина капитала, которая тратится на воспроизводство следующих порций капитала, фактически описывают взнос образовательной системы в прирост человеческого капитала.

Важным направлением анализа применительно к системе образования является соотношение государственного и частного образования, а также сравнение эффективности этих двух моделей образования и их вклада в общественный продукт. Здесь становится важным два обстоятельства: дает ли система образования и более высокое образование возможность получать более высокий будущий доход, то есть, как меняются частные и социальные выгоды-издержки при получении образования и после того, как оно получено и агент начинает трудовую деятельность. Особый разговор, когда образование дается в процессе трудовой деятельности агента. По величине разрыва между частными выгодами-издержками и социальными выгодами-издержками можно судить о состоянии системы образования и его влиянии на развитие экономической системы (вклад в экономический рост). Для характеристики эффективности можно ввести социальную и частную норму отдачи системы образования. Тогда логично будет под частной нормой считать отношение частных издержек к частным выгодам, а под социальной нормой отдачи – отношение социальных выгод к социальным издержкам. Социальные выгоды – это по большому счету есть величина положительной экстерналии плюс прямая социальная выгода, например, от подготовки специалистов для государственного сектора – оборонного комплекса и др. А под социальными издержками можно считать государственные затраты на систему образования. Представим возможное изменение ключевых параметров эффективности системы образования в зависимости от числа лет обучения (параметра времени).

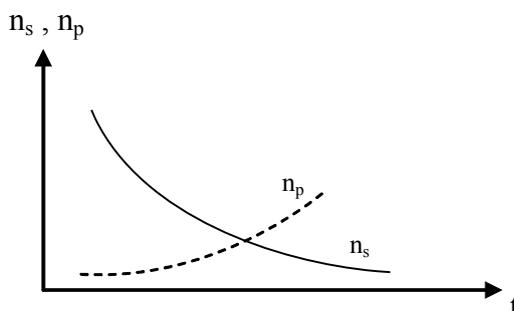

Рис. 4. Социальная (n_s) и частная (n_p) норма отдачи системы образования

Если исходить из того, что социальные институты устроены так, что обеспечивают на всем участке жизненного цикла агента более высокому образованию (большему числу лет обучения) более высокий доход, тогда окупаемость высшего и послевузовского образования для общества потребует большего числа лет. Для индивидуально агента число лет окупаемости его вложений в равнозначные виды образования будет ниже, поскольку его доход будет сразу значительно выше, как и расширившиеся возможности в получении высоко оплачиваемой работе. А что касается социума, то положительный экстернальный эффект от такой подготовки одного агента будет относительно ниже и ощутимо повлияет на экономику через значительный промежуток времени. В связи с этим, социальная норма отдачи, при прочих равных, с возрастанием времени будет уменьшаться, а частная норма отдачи возрастет. Такой же вид графика сохранится (рисунок 4), если по оси абсцисс отложить долю государственного участия. При ее увеличении, что соответствует высшему образованию, которое требует больших, все возрастающих вложений государства, норма социальной отдачи обычно несколько снижается, а норма социальной отдачи в силу более быстрой окупаемости частных вложений – возрастает. Однако это справедливо, только если базовые институты обеспечивают более высокому уровню образования более высокий доход на всем жизненном цикле агента. В противном случае, если высшему образованию не будет соответствовать более высокий доход, характер динамики норм частной, да и социальной отдачи будет несколько иным [6].

Поскольку более способные агенты обеспечивают больший вклад в производство человеческого капитала и производство совокупного продукта, необходимо эффективно наладить процесс отбора этих агентов для системы образования, науки и высоко технологичного производства. Более того, требуется обеспечить им и лучшие условия обучения – на бюджетной основе с дальнейшим трудоустройством либо по свободной форме, либо с предложением работать на государство (оборону, фундаментальную науку).

Если частные издержки превосходят частные выгоды от образования по всем его формам, это говорит о том, что уровень доходов такой страны не позволяет частным образом обеспечить должное образование. Такие страны являются беднейшими. В общем случае, уровень частных выгод превосходит уровень частных затрат, причем с повышением уровня образования разрыв между этими величинами сокращается. Возможна ситуация, когда частные издержки выше частных выгод на уровне начальной школы, но затем частные выгоды от получения высшего образования и прохождения аспирантуру – резко увеличиваются. Это соответствует ситуации, при которой школьное образование должно обеспечиваться государством, и его получение частным образом при прекращении дальнейшей учебы не окупается по причине высокой разницы в заработках между агентами, имеющих высшее, послевузовское и начальное образование. Такое положение вещей характерно для экономики, в которой высока дифференциация заработных плат между простым и сложным (высоко квалифицированным) трудом. В принципе, к этой группе могут относиться, как развивающиеся, так и развитые страны, труд в которых высоко автоматизирован, механизирован и требует длительной подготовки и высокой квалификации. Тогда не выгодно останавливаться в получении образовании и ограничиваться нижней ступенью. Социальные выгоды могут существенно превышать социальные издержки на всем протяжении обучения от школы до аспирантуры. Вариант, когда социальные издержки выше социальных выгод системы образования на всем периоде обучения, говорит о высокой неэффективности системы, ее дисфункции. В этом случае, образование условно – не выгодно обществу и экономике. Но при этом, оно может быть выгодно частным агентам. Однако, в любом случае, если такая

ситуация возникает или система образования начинает приближаться к такому состоянию, то это есть показатель возрастающей дисфункции, резком ухудшении качества системы, высоких издержках, низкой квалификации подготавливаемых специалистов. При этом, в экономике может относительно успешно функционировать система элитарного частного образования, которая будет обеспечивать резкое превышение частных выгод над частными издержками.

Соотношение частных издержек-выгод и социальных издержек-выгод определит соотношение секторов государственного и частного образования. Вместе с тем, квалификационные требования могут быть определены только правительством, исходящим из оценки положительного экстернального эффекта и прогноза необходимой квалификации специалистов на будущее. Хотя при этом частная система может ориентироваться и на собственный стандарт, который будет превышать стандарт, определенный правительством.

За период обучения уровень квалификации в эффективной системе образования должен увеличиваться. Однако если сравнивать любое по качеству обучение с начальным состоянием агента до обучения, то приращение какого-то знания будет налицо. Поэтому важным становится оценка того, насколько должен возрасти уровень квалификации в процессе обучения. В связи со сказанным, можно ввести функцию квалификации (уровень компетенций) специалиста и сравнить динамику этой функции на периоде обучения и за период всей жизни агента с функцией запаса здоровья W_s . До периода обучения T_{NO} функция квалификации может возрастать в зависимости от характера дошкольного обучения и познания мира, затраченного времени ребенку в семье, начального уровня дохода, способностей родителей, в том числе способностей к воспитанию детей. На участке обучения $[T_{NO}, T_{KO}]$ запас здоровья сокращается, а функция квалификации растет. Затем, после основного обучения возможны сценарии: 1) квалификация инерционно возрастает за счет накопления опыта специалистом и с годами жизни стабилизируется на одном уровне (линия 3), либо к концу жизни сокращается (линия 4); 2) квалификация инерционно растет за счет совершенствования опыта и переподготовке и переквалификации (повышения квалификации, стажировки и др.) в последующие годы, к концу жизни достигая пика и стабилизируясь (линия 1), либо несколько сокращаясь (линия 2). Запас здоровья неуклонно снижается, хотя функция может отражать более крутое (быстрое) снижение сразу после или даже во время учебы (линия 5) на рис. 5. По причине утраты здоровья могут теряться и квалификационные навыки (см. рис. 6 линии ABO, ACO, AO). Характер изменения определяется скоростью сокращения запаса здоровья с вытекающим сокращением квалификационных навыков, уровня знаний. Функция квалификации агента тогда будет зависеть от функции запаса здоровья. Кроме того, квалификация будет зависеть от способностей агента, в том числе его генетики, а также от уровня начального дохода, либо имеющегося или унаследованного актива, приносящего такой доход.

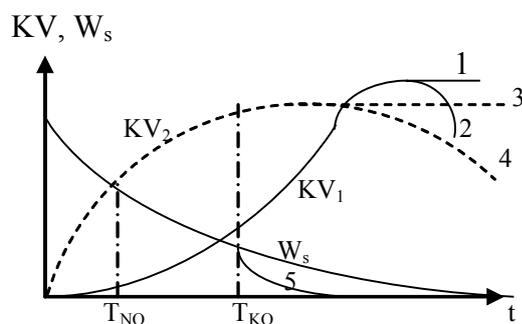

Рис. 5. Динамика уровня квалификации и запаса здоровья от лет жизни агента

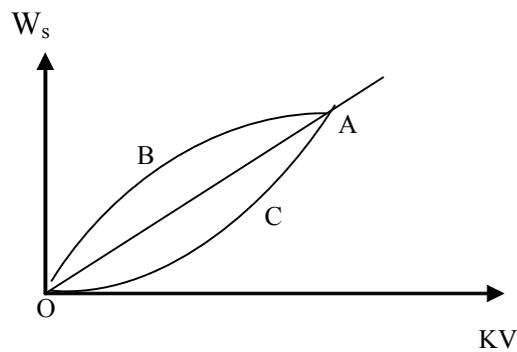

Рис. 6 Функция запаса квалификации в зависимости от запаса здоровья агента

В зависимости от уровня дохода агента можно представить функцию запаса здоровья и функцию уровня квалификации (см. рис. 7).

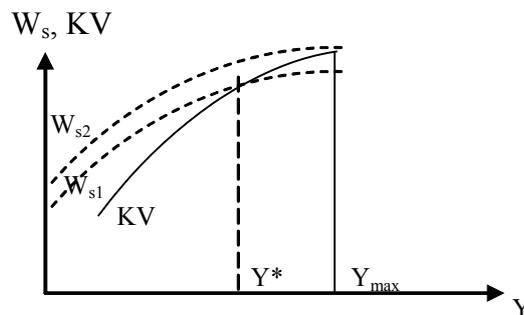

Рис. 7. Функция запаса здоровья и квалификации от дохода

Допустим, для одного и того же уровня дохода запас здоровья выше запаса квалификации. Обе функции растут замедляющимся темпом, но с некоторого значения национального/ душевого дохода Y^* запас квалификации растет сильнее, нежели запас здоровья, а затем этот рост при Y_{max} вообще прекращается. С момента Y^* квалификация становится более значимой. Именно ее дальнейший рост, который можно связывать с технологическим прорывом, может обеспечить передвижение кривой W_{s1} в положение W_{s2} , тем самым, возрастет запас здоровья для данного уровня дохода. Привязка функции запаса здоровья и квалификации к уровню дохода позволяет сформулировать задачу нахождения разрыва между двумя функциям и оптимального распределения инвестиций между сохранением, восстановлением или увеличением запаса здоровья, либо повышением квалификации и наращением запаса капитала. Одним словом, наращение человеческого капитала посредством обучения и повышения квалификации сопровождается его износом, причем реальным физическим износом, выражающимся в ухудшении запаса здоровья, снижении работоспособности и производительности.

Изменение функции квалификации можно представить по периодам развития агента. Тогда в момент T_1 в силу стажировки и повышения квалификации эта функция смещается в положение 1 (рис. 8), а возможна ситуация дисквалификации, например, в силу болезни (кривая 3 – участок функции W_s), которая может описываться кривой 2 идущей вниз (деградация) или вверх (частичное восстановление квалификации). С возрастного момента T_2 будет наблюдаться возрастное сокращение квалификации.

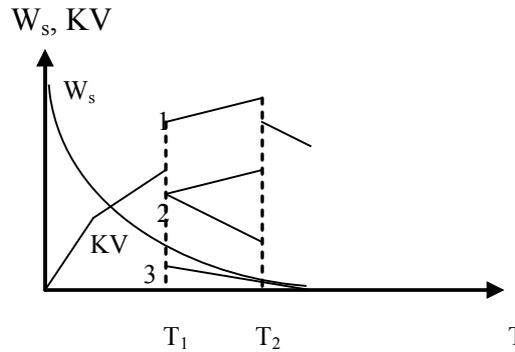

Рис. 8. Изменение функции квалификации

Таким образом, дисфункция экономического агента (DF_A) – это по существу совокупность дисфункции здоровья (D_{W_s}) и квалификации (D_{KV}). Дисфункция квалификации – это дисквалификация, которая выражается в потере необходимого знания, либо неумении применить то знание, которое находится в распоряжении агента. Саму дисфункцию по каждой составляющей можно представить через функции запаса здоровья и квалификации. Определенные участки этих функций будут соответствовать – дисфункции. Тогда запишем:

$$D_A = D_W + D_K$$

Макроэкономическая политика должна исходить тогда из необходимости минимизации этой функции, либо потребуется по-другому поставить задачу, представить функцию благосостояния (SFW) в виде суммы функции запаса здоровья (W_s) и уровня квалификации (KV). Тогда будет сформулирована задача поиска глобального максимума – для всей системы, однако никто не мешает сохранить формулировку для микроэкономического уровня:

$$D_A \rightarrow \min, SFW(t) = W_s(t) + KV(t) \rightarrow \max$$

Функция дисфункциональности символизирует минимум потерь при достижении конкретного максимума, поскольку траекторий движения, а значит и максимумов может быть несколько (для каждой траектории свой). Возможно, что придется эмпирически строить каждую функцию, учитывая возрастную структуру агентов экономической системы, поскольку, эта структура будет сильно влиять на вид соответствующих функций. Как было показано на теоретических графиках, функции могут иметь ломаный вид в связи с тем, что для данных отрезков времени имеют свою эластичность [6].

Разные квалификации и число специалистов каждой квалификации имеет свою значимость в экономике относительно их вклада в темп экономического роста и в прирост национального дохода. Поэтому имеет смысл задача определения и прогноза квалификационной матрицы экономики по величине взноса каждой профессиональной группы в развитие. В такой постановке данная задача, будучи решенной, позволит управлять и системой образования, и рынками труда, и развитием в целом.

Благосостояния агента складывается из запаса здоровья и накопленной квалификации [6]. Фактически его можно представить как сумму двух функций: $B_i(t) = W_{s_i}(t) + KV_i(t)$. Имеющиеся ресурсы, проектируемые институты, накопленный физический запас капитала (жилье, инфраструктура, производственные площади/мощности и т.д.) обслуживают эти базовые функции и обеспечивают, либо не обеспечивают их приращение.

К оценке системы образования может быть применен так называемый квалификационный подход. В этом случае математическая модель описывает динамику уровня квалификации:

$$\frac{\partial k}{\partial t} = f(k) + Z(t) \quad k(t=0) = k_0$$

где: $k(t)$ – квалификация специалиста или накопленный вследствие обучения образовательный капитал (компетенции);

k_0 – квалификация до обучения, в некий начальный момент времени;

$Z(t)$ – функция затрат системы образования.

Решение этого дифференциального уравнения² зависит от подбора функции $f(k)$, а также от допущений, определяющих усвоение материала в процессе обучения, использование данной квалификации в экономике и т.д. Важно учесть, как накапливаемый опыт определяет динамику квалификации уже после того, как обучение давно завершено. То же относится и к состоянию рынка труда и экономики в целом, которая может востребовать или не востребовать специалистов того или иного уровня. Иными словами, компетенции могут не найти практического приложения и апробации.

С накоплением опыта работы квалификация обученных специалистов должна расти, а не снижаться или оставаться на неизменном уровне, что при современной конкуренции фактически означает снижение квалификации. Это оптимальный вариант. Иными словами, система образования, если она эффективна, должна обеспечивать дальнейшее развитие специалистов по обученным специальностям с приращением квалификации.

Сокращение запаса здоровья или, как иногда говорят, снижение «здоровья нации» как макроэкономического показателя, сказывается на возможности производства знаний и уровне квалификации, который понижается. В результате сокращается производительность, технологический уровень производства, снижается и качество жизни.

Исходя из сказанного, представим в соответствие с приведенными выше графическими зависимостями функции запаса здоровья и квалификации в аналитическом виде. Тогда, можно записать:

$$W_s = a_1 - a_2 e^{-\beta_1 y}, \quad K = b_1 - b_2 e^{-\beta_2 y}$$

Продифференцировав по уровню душевого дохода, получим:

$$\frac{\partial W_s}{\partial y} = c_1 e^{-\beta_1 y}, \quad \frac{\partial(K)}{\partial y} = c_2 e^{-\beta_2 y}$$

Зависимость функции запаса здоровья и уровня квалификации можно представить следующими двумя способами:

$$W_s = a - b e^{-\alpha K}, \quad \frac{\partial K}{\partial t} = AKV_0 e^{\mu W_s}$$

Тогда: $\frac{\partial W_s}{\partial t} = c_3 e^{-\alpha K}$; $\frac{\partial W_s}{\partial t} = \frac{\partial W_s}{\partial t} \frac{\partial y}{\partial y} = \frac{\partial W_s}{\partial y} \frac{\partial y}{\partial t} = c_1 e^{-\beta_1 y} \frac{\partial y}{\partial t}$, откуда следует, что

$$\frac{\partial y}{\partial t} = c_4 e^{\beta_1 y - \alpha K}$$

Выразив функцию квалификации, получим:

$$K = \frac{\beta_1}{\alpha} y - \frac{1}{\alpha} \ln \left[\frac{1}{c_4} \frac{\partial y}{\partial t} \right]$$

Подставив это выражение в функцию запаса здоровья, получим:

$$W_s = a - \frac{b}{c_4} \frac{\partial y}{\partial t} e^{-(1+\beta_1 y)}$$

Таким образом, решение, как и вид функций квалификации и запаса здоровья будут зависеть от представления динамики y – валового продукта (на душу населения). Иной способ – задать функцию квалификации и интенсивность затрат системы образования, то есть воспользоваться уравнением вида:

² Решение аналогичного дифференциального уравнения при разных ограничениях для высшей школы дано С.П.Капицей, С.П.Курдюмовым и Г.Г.Малинецким в работе «Синергетика и прогнозы будущего». – М.:УРСС, 2001. – С. 144-154. На мой взгляд, эти решения могут восприниматься лишь как ориентировочные, поскольку во-первых, не учитывают институционального качества и эффектов с ним связанных, во-вторых, зависят от подбора указанной функции, в-третьих, например, предполагают «неживые» допущения, как то: постоянную интенсивность функции затрат, линейность функции $f(k)$, интенсивное использование специалиста приводит к его дисквалификации, а не повышению мастерства и накоплению большего опыта и др.

$\frac{\partial K}{\partial t} = f(K) + Z(t) K$ ($t = 0$) = K_0 . Приняв $f(KV) = \phi KV$ ($\phi < 0$ – показатель, характеризующий воспри-

ятие знаний, то есть эффективность усвоения (скорость) знаний) и $Z(t) = Z_0$, получим: $\frac{\partial K}{\partial t} = \phi K + Z_0$.
Решение данного уравнения в общем виде является выражение:

$$K(t) = -\frac{Z_0}{\phi} + \left(K_0 + \frac{Z_0}{\phi}\right)e^{\phi t}$$

Приняв $KV_0 = 0,5$, $Z_0 = 1$, $\phi = -0,5$ получим: $KV(t) = 2 - 1,5 e^{-0,5t}$. График будет отражать возрастание квалификации в зависимости от времени (см. рис. 9).

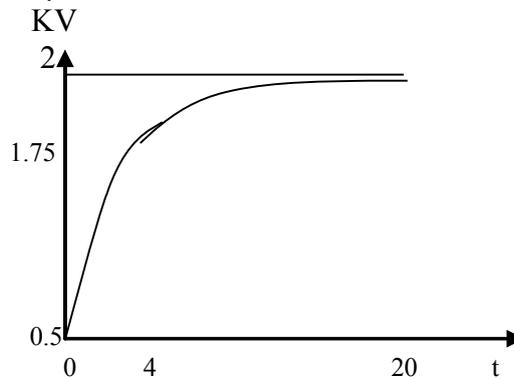

Рис. 9. Изменение функции квалификации

Если же принять $KV = a - b e^{-\alpha KV_s}$ и $W_s = b_1 + b_2 e^{-\beta t}$. Приняв $a=1$, $b=0,2$, $\alpha=0,3$, $\beta=0,5$, $b_1=1,5$, $b_2=0,5$, получим $W_s = 1,5 + 0,5 e^{-0,5t}$ и тогда графики для функции запаса здоровья и квалификации примут вид как на рисунке 10.

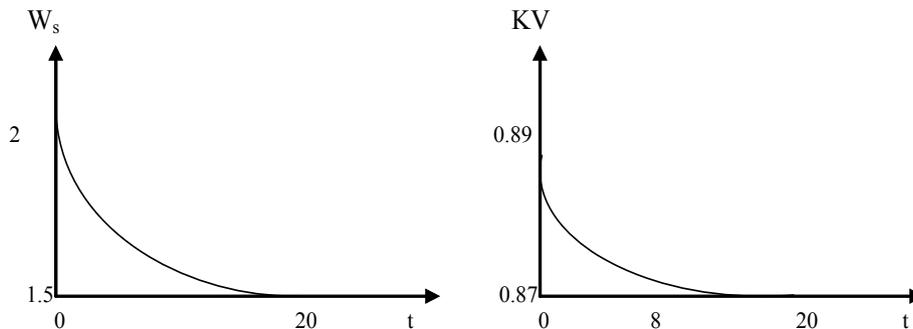

Рис. 10. Изменение функции запаса здоровья и квалификации

Как видно из рисунка 10, снижение запаса здоровья способно пусть и незначительно при использованных значениях, но понизить возможности в повышении квалификации. Функция квалификации снижается так же, как и функция запаса здоровья. Такое изменение отличается от представленной выше модели, где задавалась некая постоянная интенсивность расходов на образование Z_0 .

Таким образом, при формировании макроэкономических моделей следует учитывать действие различных факторов и взаимосвязанность различных систем. Иначе результат будет фактически задан видом математической функции либо ограничен условиями функционирования рассматриваемой подсистемы, в данном случае имеется в виду система образования. Однако применительно к системам, где состояние здоровья населения чрезвычайно невысоко либо население вообще голодает, никаким импортом образования невозможно кардинально изменить ситуацию, пока функция запаса здоровья не позволит это сделать. Естественно, необходимо учитывать и функцию повышения квалификации. Иными словами, следует

инвестировать в экономике так, чтобы конечные продукты и потребление замыкалось на два сектора, обеспечивающих здоровье и образование, выпуск в которых имел бы точки приложения в рамках конкретной национальной системы. Только так станет возможным разорвать порочный круг нищеты или отсталости любой прочности. Абсолютно рационалистична цель – поднять вверх убывающую кривую запаса здоровья и вытянуть ее вправо, чтобы пересечение ее с осью абсцисс произошло как можно позже. Агенты желают прожить как можно дольше и при этом сохранять трудовую активность или, более обобщенно, жизненную активность – как можно дольше. Именно такая цель является праведной с точки зрения «социального государства» и проведения соответствующей экономической политики, и в купе с необходимостью расширения образования и квалификации она может быть достигнута. При этом повышение квалификационного уровня будет выступать одним из инструментов ее достижения и, одновременно, улучшение здоровья будет обеспечивать мотивацию к обучению.

Введя долю инвестиций, направляемую на здоровье и образование соответственно d_1 и d_2 , а долю сбережений из заработной платы и прибыли соответственно s_1 и s_2 , приняв, что инвестиции в экономической системе могут быть сведены к двум составляющим – инвестициям в образование (знание, технологию) и в здравоохранение, причем инвестиции в капитальные фонды можно рассматривать как новую технологическую возможность, как разновидность знаний, можно получить следующую простую макроэкономическую модель системы. Для этого запишем:

$I(t) = \alpha(t) S(t)$ – инвестиции в общем случае не равны сбережениям;

$Y = S + C$, $Y = w + p$ – доход представим как сумма сбережений (S) и потребления (C), так как весь полученный доход идет на потребление или сберегается, либо как сумма заработной платы (w) и прибыли (p);

$I = d_1 w + d_2 p = d_1 w + d_2 (Y - w) = w (d_1 - d_2) + d_2 Y$.

$\alpha(t) S(t) = w (d_1 - d_2) + d_2 Y$,

$\alpha (s_1 w + s_2 p) = w (d_1 - d_2) + d_2 Y$,

подставив $p = Y - w$ и выразив Y , получим:

$$Y(t) = w(t) \frac{(d_1 - d_2) - \alpha(t) (s_1 - s_2)}{\alpha(t) s_2 - d_2}.$$

Исходя из полученных выше выражений, имеем: $y = c_4 \int_{t_1}^{t_2} e^{\beta_1 y - \alpha x} dt$. Выразив $y(t)$ через заработную плату и параметры процесса инвестирования и сбережения, можно решить приведенное уравнение относительно функции квалификации, получив зависимость от заработной платы и приведенных институциональных параметров процесса «инвестирования-сбережения» в макроэкономике.

Обобщенно эффективность обучения может быть оценена посредством сопоставления знаний – компетенций до и после обучения. Тогда можно судить о том, насколько эффективны/неэффективны были методы и способы обучения. Эффективность предполагает наличие критерия, который используется для оценки, учет целей развития системы, совокупности альтернатив (траекторий) развития и принятия решений в рамках системы, наличие ограничений и диапазона устойчивости, жизнеспособности системы. Результативность обучения можно оценить отношением суммы оценок после и до обучения $R = \Sigma R_p / \Sigma R_d$. Либо, исходя из метода учета компетенций, можно представить показатели общей результативности системы образования следующим образом:

$$R = \frac{r_p}{r_d}, \quad R_\Sigma = \frac{\sum_{j=1}^n a_j r_{p_j}}{\sum_{j=1}^n a_j r_{d_j}}$$

где:

R, R_Σ – показатели общей эффективности от обучения по отдельной компетенции и всей совокупности компетенций соответственно;

$r_{jп}$ – оценка после обучения, либо «идеального» уровня компетенции, по каждой j -ой компетенции;

r_{jd} – оценка до обучения, либо уровня компетенции после обучения (если в числителе «идеальное» значение);

a_j – удельный вес j -ой компетенции в модели по числу компетенций – n .

Уровень квалификации определяется компетентностью агента в тех или иных профессиональных вопросах, при решении тех или иных задач. Поэтому квалификация определяется через компетенции. Повышение квалификации, воспроизводство компетенций – это продукт (задача) системы образования. В свою очередь повышение квалификации приводит к росту конкурентоспособности агента на рынке труда. Следовательно, исходя из опыта и эмпирических данных, можно ввести гибкие нормы по уровню квалификации, по требованиям на рынке труда к квалификации и компетенциям и использовать предложенный аппарат для оценки изменения качества образования. Потребность в кадрах нужной квалификации формирует экономическая система, а система образования должна реагировать на эту потребность с учетом государственной составляющей, поскольку правительство может заказывать системе образования специалистов иной квалификации, чем это требуется на рынке труда.

Если в экономике возникла ситуация провала рынков, включая и рынок труда, то система образования, соответствующим образом отреагировав на эту ситуацию, способно подготовить кадровый «провал» в будущем, с определенным лагом, равным числу лет обучения и подготовки специалиста. Российский пример является блестящим тому доказательством. В 1990-е гг. система профессиональных училищ не осуществляла подготовки по многим рабочим профессиям, поскольку рынки были сжаты, рабочие лишались места работы, уходили с предприятий в торговлю и малый бизнес, дисквалифицировались. Спустя годы, отсутствие рабочих является по многим секторам российской экономики фактором, ограничивающим рост. Следовательно, система образования представляет собой особый сектор экономики, который не должен реагировать на колебания рынка, а должен ориентироваться в решении проблем воспроизводства кадров для экономики на перспективу, то есть на будущее экономики и ее потребности в определенном уровне квалификации. Другая опасность состоит в том, что оценка этого будущего может оказаться завышенной и настолько хорошо подготовленные кадры будут просто не восприняты экономикой. Например, уровень компетенции и знаний не будет соответствовать имеющейся фондовой, лабораторной базе. И тогда лучшие рабочие, ученые, инженеры будут искать места работы в соответствующих условиях. Таким образом, система образования может работать для подготовки специалистов для других экономических систем. В России все последние годы чрезвычайно высок процент поступающих на специальности, связанные с изучением иностранных языков. Причем очень высока доля девушек. Воссозданный в стране стиль жизни ориентирует их на поиск мужа-иностранца или поиск работы за рубежом, вследствие чего и наблюдается высокий спрос на указанные специальности в вузах. Красота, внешность, да и ум, и любовь – становятся объектами купли-продажи. Система российского образования как будто потакает этому. Устраиваемые стажировки, обмен опытом, поездки по межуниверситетскому обмену – только способствуют утечке кадров. Элементарный анализ, связанный с оценкой тех, кто проходит такие стажировки, и кто уезжает затем из России за рубеж, выходит ли замуж или едет работать – не проводится. А ведь это самое простое качественное сопоставление. Если российские рынки труда и уклад жизни не способны принять таких специалистов внутри страны, значит, экономическая политика должна изменить ситуацию либо за счет создания соответствующих условий в экономике, либо за счет введения определенных норм, которые бы позволяли черпать ресурсы от такой продажи специалистов самой системе образования. Не работать же ей вхолостую!?

Таким образом, политика в рамках конкретной подсистемы экономики способна существенно повысить ее эффективность и поддерживать этот параметр в необходимых рамках. Институциональным, административным решениям здесь отводится немалая роль.

4. Социальное значение инновационной деятельности

Изменение экономической модели поведения агента, представляющего в образе «новатора» или «консерватора» либо сочетающего черты того и другого в зависимости от складывающихся обстоятельств есть, прежде всего, психологическое изменение, происходящее вследствие индивидуального восприятия субъектом текущих социально-экономических параметров, значимых для него и определяющих его решение. Кроме того, агент может быть генетически предрасположенным к такого рода трансформациям. Помимо

указанных факторов, регулирующих число «новаторов» и «консерваторов» в экономике, важное влияние на этот процесс оказывают непредсказуемые сдвиги в институциональной структуре и мероприятия экономической политики. Поскольку монетарная составляющая становится определяющей при реализации новации, постольку организационная форма финансирования влияет на ее эффективность. По существу именно эффективность контрактации по поводу финансирования предопределяет дальнейшую аллокационную и затем адаптивную эффективность.

В макроэкономическом значении инновации могут быть подразделены по элементам национального богатства. Речь идет о том, чтобы привязать инновации к этим элементам, то есть одни инновации повышают эффективность использования природно-ресурсного капитала, другие – физического и человеческого капитала соответственно. В конечном счете, инновации способны не только повышать эффективность использования этих элементов национального богатства, но и обеспечивать их приращение. Собственно, взаимодействие «новаторов» и «консерваторов» обеспечивает этот процесс. Следовательно, макроэкономическая эффективность каждого типа новаций может быть определена как обратная величина отношению полных затрат на инновации данного типа к приращению соответствующего элемента национального богатства. Причем одна и та же инновация может вносить вклад в приращение по каждому элементу национального богатства. Однако, видимо, возможно все-таки выделить основной вклад той или иной новации к конкретному элементу национального богатства. Если суммарно элемент национального богатства сокращается, тогда в выражение для расчета эффективности он войдет со знаком минус и эффективность данного типа новаций будет отрицательна. Хотя индивидуально, с точки зрения владельца средств производства, собственника либо менеджера фирмы конкретная новация может приносить прибыль и быть вполне рентабельной. Эта ситуация подтверждает нашу аксиому, сформулированную выше о том, что эффективность отдельных элементов системы или даже всех элементов системы не означает того, что система эффективна. Математически выражение примет вид:

$$E_{I,II,\dots,N} = 1 : \frac{Z_j}{\Psi_j}$$

где:

$E_{I,II,\dots,N}$ – эффективность инновации I, II, ... N-го типа по N- элементам национального богатства;

Z_j – полные затраты на реализуемые инновации j-го типа, для момента времени T;

$\Delta\Psi_j$ – приращение элемента национального богатства (физического, природного, человеческого, информационного, технологического, институционального и др.).

Национальное богатство можно подразделить на две компоненты – природно-ресурсную и благосостояния, которое измеряется величиной создаваемого дохода, производительностью, технологиями (инновациями) и другими параметрами. Тогда процесс экономического развития можно представить простейшей схемой.

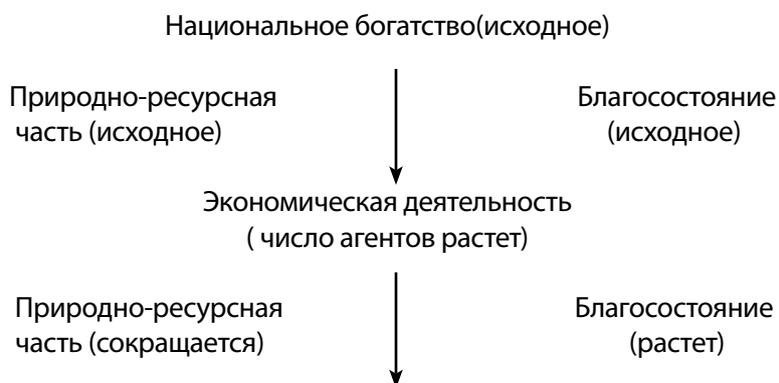

Рис. 11. Современное экономическое развитие (логическая схема)

Как видно из рисунка 11, экономическая деятельность, включающая и инновации, сводится по существу к росту населения – увеличению числа агентов. Для этого используется накопленное исходное благосостояние и природно-ресурсная часть богатства. При этом природно-ресурсная часть сокращается, а благосостояние согласно нынешней парадигме экономического роста должно расти, в том числе и для того, чтобы обеспечить как минимум не снижение, а увеличение социальных стандартов для живущих агентов. Но рост благосостояния не компенсирует сокращения природно-ресурсного богатства, так как проблема здесь во времени оценки. Пока ресурсы относительно изобильны, их сокращение опасно, но страх не ощущаем, поскольку жизнь человека конечна и непродолжительна, а запас ресурсов превосходит в несколько раз эту продолжительность. Не факт, что этот рост является справедливым и равномерным. Абсолютно не означает, что он не осуществляется за счет какой-то другой экономической системы, и что продукт этого роста достается всем в равных долях с их вкладом. Интересен и другой вопрос: зачем такой рост нужен? Ведь подлинное богатство – природно-ресурсное сокращается. Тем самым рост благосостояния, выражающийся в тиражировании продуктовых фетишей, становится иллюзорным. В связи с этим можно поставить совершенно иные цели развития: осуществление экономической деятельности без роста числа агентов (при сохранении простого воспроизводства населения) с выравниванием доступа к обеспечиваемому благосостоянию и социальным функциям при недопущении сокращения природно-ресурсной составляющей. Иными словами, необходимо все типы инноваций ориентировать на достижение эффективного результата по природно-ресурсному элементу национального богатства. Издержки высокого темпа экономического роста, бремя этого темпа ложится на будущие поколения. Политика высокого темпа и желание кого-то догнать – это политика подрыва национального богатства. Ресурсы требуется накапливать и экономить не для роста благосостояния будущих поколений, а для обеспечения доступа к ним и хорошо, если равноправного. Таким образом, необходимо повышать эффективность инноваций, сберегающих и накапливающих природно-ресурсную компоненту (часть национального богатства), а также институтов, ответственных за распределение, как создаваемого текущего продукта, так и элементов национального богатства. С этих позиций, подобные институты представляют уже сами по себе элемент национального богатства, поскольку способны делать экономическую деятельность более эффективной.

1. Mohamad M., Ishihara S. *The Voice of Asia: two leaders discuss the coming century.* – Tokyo: Kodansha International. – 1995.
2. Коукер К. *Сумерки Запада.* – М.: Московская школа политических исследований. – 2000.
3. Гэлбрейт Дж. К. *Новое индустриальное общество. Избранное.* – М.: Эксмо. – 2008.
4. Сухарев О.С. *Социальный вопрос: институты, инновации и экономическая политика.* – М.: Экономическая литература. – 2004.
5. Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Х. *Фактор «четыре»//Новая постиндустриальная волна на Западе.* – М. Academia. – 1999.
6. Сухарев О.С. *Теория эффективности экономики.* – М.: Финансы и статистика. – 2009.
7. Сухарев О.С. *Теоретические основы инвестиций в человека и инноваций.* – М. ЦЭЭ ИЭ РАН, Брянск: БГУ. – 2004.
8. *Система управления промышленностью региона: методы использования трудовых ресурсов и обучение персонала/ под научной ред. проф. О.С. Сухарева.* – М.: Высшая школа. – 2007.
9. Solow R. *A Contribution to the Theory of Economic Growth*//*Quarterly Journal of Economics.* – 1956, February. – P.65-94. Lucas R. *On the Mechanism of Economic Development*// *Journal of Monetary Economics.* – 1988, Vol. 22. – P. 3-42. Romer D. *Advanced Macroeconomics.* – Mc Graw-Hill. – 1996. – P. 129-140.
10. Сухарев О.С., Шманев С.В. *Инвестиции в человека: фирма и система высшего образования (аспекты моделирования)/ Проблема человеческого капитала: теория и современная практика / Материалы вторых Друкеровских чтений под ред Р.М.Нижегородцева.* – М.: Доброе слово. – 2007.

ПОДПИСКА

ЗАКАЗ на издательскую продукцию

*Открытого акционерного общества «Всероссийский центр уровня жизни»
105043, г. Москва, 4-я Парковая ул., д. 29; тел. 164-97-64, 164-99-64*

Я, (Ф.И.О.) _____

настоящим прошу подписать меня на издательскую продукцию ВЦУЖ согласно отмеченным в таблице обозначениям.

«Уровень жизни населения регионов России» в количестве _____ экз.
 печатное издание электронное издание
на: номера 2012 г.; 1-е полугодие 2012 г.; 2-е полугодие 2012 г. (нужное отметить)
Стоимость подписки:
Печатное издание 1 экз. – **450 руб.**; на полугодие – **2700 руб.**; на год – **5400 руб.** (вкл. НДС 10%)
Электронное издание 1 экз. – **400 руб.**; на полугодие – **2400 руб.**; на год – **4800 руб.** (вкл. НДС 18%)

«Мониторинг доходов и уровня жизни населения» в количестве _____ экз.
 электронное издание
на: номера 2012 г.; 1-е полугодие 2012 г.; 2-е полугодие 2012 г. (нужное отметить)
Стоимость подписки:
На электронное издание 1 экз. – **750 руб.**; на полугодие – **1500 руб.**, на год – **3000 руб.**,
(вкл. НДС 18%)

**) Стоимость почтово-экспедиторских расходов – 50,00 руб. за один экземпляр журнала.*

Заказанную подписку, согласно моему выбору:

1. Следует направлять по почте по адресу:

(Страна, город, полный почтовый адрес и телефон)

(Деньги в сумме _____, включая оплату почтово-экспедиторских расходов по пересылке каждого экземпляра _____ перечислены в адрес:

ОАО «ВЦУЖ», ИНН 7719674629, КПП 771901001;

РС № 40502810838290000124

в ДО № 1683 Московского банка Сбербанка России ОАО

КС № 30101810400000000225, БИК 044525225

платежным поручением № _____ от « ____ » _____ 201__ г.

2. Подписанные экземпляры я намерен(а) получать непосредственно во ВЦУЖ, поэтому вышеуказанная оплата не включает оплату почтово-экспедиторских расходов.

Копия платежного поручения № _____ от _____ 201__ прилагается.

Дата _____

Подпись _____

ВНИМАНИЕ!!! ПРИ ПОДПИСКЕ ВО ВСЕРОССИЙСКОМ ЦЕНТРЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ (ВЦУЖ) НЕОБХОДИМО ВЫСЫЛАТЬ В НАШ АДРЕС ЗАПОЛНЕННЫЙ ЗАКАЗ, С ПРИЛОЖЕНИЕМ КОПИИ ПЛАТЕЖНОГО ПОРУЧЕНИЯ, ПО ПОЧТЕ, ПО ФАКСУ: (495) 164-9715) ИЛИ ПО ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЕ: info@vcug.ru.

РАССЫЛКА ИЗДАНИЙ ПРОИЗВОДИТСЯ ТОЛЬКО ПОСЛЕ ПОСТУПЛЕНИЯ СРЕДСТВ НА СЧЕТ ОАО «ВЦУЖ» И ПОЛУЧЕНИЯ ЗАКАЗА С УКАЗАНИЕМ РЕКВИЗИТОВ.

ДИАГНОСТИКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

**Гармашев А.А.
Воронов В.А.**

В статье описан опыт исследовательской и практической деятельности по изучению качества жизни населения в Белгородской области. Представлены основные методики оценки качества жизни населения. Описана методика проведения социологического мониторинга результативности деятельности органов государственного управления Белгородской области.

Ключевые слова: социальный потенциал, качество жизни населения, социально-экономическое развитие, методики оценки качества жизни, мониторингом жизненной ситуации.

Первоочередной задачей модернизации общества выступает задача повышения качества жизни населения. Повышение качества жизни населения является важнейшим государственным приоритетом и рассматривается как одно из перспективных направлений социально-экономического развития России.

Значительный опыт исследовательской и практической деятельности по изучению качества жизни накоплен к настоящему времени в Белгородской области. В регионе в течение семи лет реализуется Программа улучшения качества жизни населения. В процессе ее осуществления заметно улучшились многие социальные характеристики населения региона.

В регионе большое внимание уделяется методике оценки качества жизни.

Наибольшее распространение получили методики, базирующиеся на критериях качества жизни, предложенных Всемирной организацией здравоохранения. К этой группе методик следует отнести, в первую очередь, методику World Health Organization's Quality of Life Assessments, а так же целый ряд других методик [2].

Кроме того, для оценки качества жизни в социо-медицинских исследованиях применяется и ряд других узкоспециальных методик, например, Psychological General Well-Being [9, p. 103-113], Angina Pectoris Quality of Life Scale [7], Arthritis Impact Measurement Scale [8], Health Assessment Questionnaire [6, p. 561-568] и пр.

Так же широко известна методика оценки качества жизни на основе определения индекса развития человеческого потенциала, используемая ООН и популяризируемая в России сотрудниками Всероссийского научно-исследовательского института технической эстетики.

Имеется ряд авторских методик оценки качества жизни, разработанных российскими учеными, в том числе:

– методика оценки измерений качества жизни людей в регионах РФ, разработанная Центром прикладной эконометрики (Ушаков А.К.), предназначена для оценки изменений качества жизни людей в регионах, как базы для подготовки программ их развития. Она разделяет протекающие в Субъектах Федерации процессы на негативные и позитивные по набору соответствующих показателей. Данный подход примыкает к оценке качества власти, исходя из понимания того, что назначением власти является содействие развитию позитивных процессов и организация действий по подавлению негативных процессов [3];

– методика оценки уровня жизни горожан, разработанная группой ученых уральских вузов (Юрпалов С.Ю., Кротова Е.Л., Кузьмин К.В.) в процессе подготовки Стратегического плана развития г. Екатеринбурга, подразумевает проведение мониторинга уровня жизни горожан по двум группам критериев. Первую группу составляют оценки, основанные на статистической информации. Вторая группа состоит из оценок, основанных на социологических опросах: 1) факторы, связанные с доходами и расходами, 2) факторы, связанные со здоровьем и питанием [1].

Таким образом, анализ современных методик оценки качества жизни позволяет говорить о необходимости дальнейшего исследования проблемы улучшения качества жизни населения на региональном уровне.

Качество жизни населения в Белгородской области анализируется в рамках мониторинга результативности деятельности органов государственного управления. Эта технология позволяет не только получать количественные данные о показателях качества жизни населения в разных районах области, но и отслеживать динамику их изменения [4].

Мониторинг – это многоуровневая, специально организованная и постоянно действующая система наблюдения, сбора, оценки и распространения информации о характере проблем различных социально-демографических групп, диагностики социальной ситуации и подготовки рекомендаций по принятию управленческих решений.

Для оценки качества жизни населения Белгородской области временным творческим коллективом в составе Бабинцева В.П., Воронова В.А., Гармашева А.А., Заливанского Б.В., Самохваловой Е.В. в августе – октябре 2010 г. проведено исследование в рамках социологического мониторинга эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения, апробированных в ходе реализации четырехэтапов пилотного проекта «Разработка и внедрение системы оценки эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения» [1]. Методика проведения социологического мониторинга результативности деятельности органов государственного управления Белгородской области получила официальное закрепление в постановлении Правительства Белгородской области от 7 февраля 2007 г. № 28-пп.

Целью исследования является оценка эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения.

Исследование было проведено по методике многоступенчатой квотной выборки во всех городах и районах Белгородской области. Общее количество респондентов – 6000¹.

Качество жизни населения Белгородской области оценивается в мониторинге по показателю социальной динамики; и показателю условий жизнедеятельности, включающего в себя материальное благополучие; жилищные условия и жилищную политику; обеспечение занятости; состояние системы медицинского обслуживания; состояние системы образования; состояние окружающей среды; безопасность жизни; состояние социально-культурной сферы региона.

Показатель «социальной динамики» являясь одним из наиболее обобщенных в системе показателей, отражает тенденцию изменения жизненных условий. Он характеризует оценку населением характера изменений жизненных условий за последние несколько лет.

В 2010 г. значительно снизилась доля белгородцев, считающих, что их жизненные условия в той или иной степени ухудшились, таковых оказалось 24,67% (в 2009 г. – 40,8%; правда, в 2008 г. доля последних респондентов составляла 15,33%).

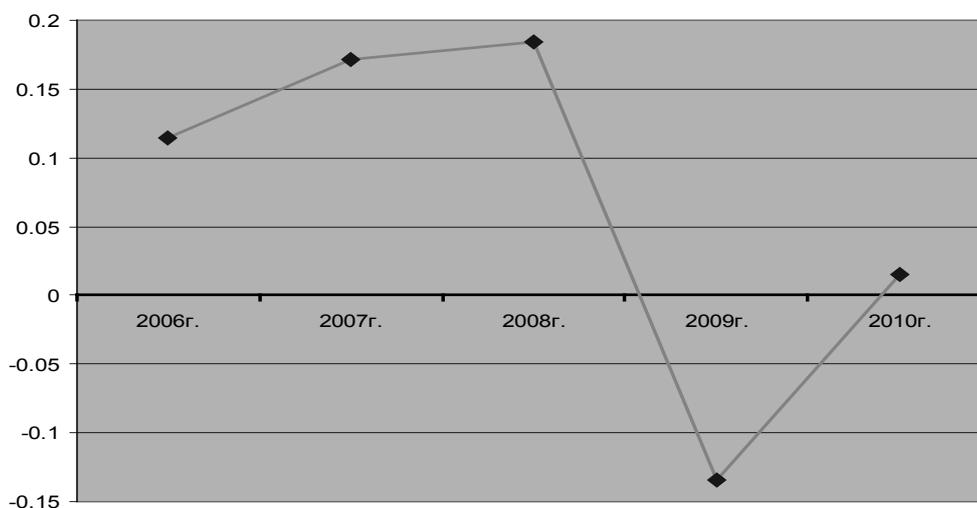
Таким образом, данные демонстрируют медленный рост показателя «социальной динамики» за три года проведения мониторинга, затем его довольно существенное снижение в 2009 г. и некоторое повышение в 2010 г. Такие колебания отражают, в большей степени, влияние экономического кризиса на население Белгородской области.

Доля граждан, отметивших существенное улучшение своих жизненных условий, относительно стабильна среди разных возрастных групп (варьируется в пределах 5-6,5%).

Соблюдая необходимые условия, построим пятилетний график динамики средневзвешенного коэффициента оценки белгородцами изменений условий своей жизни – диаграмма 1.¹

¹ Социологическое исследование проведено в рамках социологического мониторинга эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения временным творческим коллективом в составе Бабинцева В.П., Воронова В.А., Гармашева А.А., Заливанского Б.В., Самохваловой Е.В. в августе – октябре 2010 г. Исследование было проведено по методике многоступенчатой квотной выборки во всех городах и районах Белгородской области. Общее количество респондентов – 2997.

Изменение средневзвешенного коэффициента оценки «социальной динамики» в 2006-2010 гг. (Белгородская область)

Примечательно, что, чем выше респонденты оценивают уровень жизни своей семьи, тем чаще они отмечают, что их условия жизни изменились за истекший год в лучшую сторону. И, напротив, бедность в семье влечет за собой ухудшение жизненной ситуации.

Следовательно, позитивная динамика жизненной ситуации наиболее характерна для «верхних» классов, которые извлекают для себя выгоду даже из кризисных процессов. Бедные становятся еще беднее, что усиливает и без того значительную социальную дифференциацию в обществе.

Показатель оценки респондентами уровня жизни своей семьи за четыре года исследований менялся незначительно, несмотря на то, что постепенно проявлялась тенденция к его ухудшению. В 2010 г. она сохранилась. При этом уменьшилась доля тех, кто в общей сложности относит себя к богатым или зажиточным и составила 49,01%. В 2009 г. – 52,88%. При этом впервые за все годы он приобрел отрицательное значение.

Таким образом, если общее ухудшение условий жизни, как было показано выше, фиксируют около 37% белгородцев, то несколько большая доля респондентов характеризует свой уровень как явно недостаточный. На основании этого можно сделать вывод, что некоторое улучшение условий жизни части респондентов не означало заметного повышения уровня жизни, выход их «за пределы бедности».

Отметим, что статусное распределение оценки уровня доходов все же неоднозначно.

Позитивная оценка уровня жизни своей семьи снижается с возрастом. Так среди наиболее молодой категории респондентов 57,74% считают, что денег их семье хватает, а среди тех, кому за 60 лет, таковых лишь 38,35%. Казалось бы, это довольно парадоксально, поскольку у молодежи всегда были выше запросы и притязания. Но, очевидно, молодые люди в своем абсолютном большинстве умеют приспособиться к ситуации. Кроме того, представители старшего поколения, оценивая свой достаток, очевидно, вольно или невольно сравнивают его с тем, который имелся лет тридцать назад. И это сравнение оказывается не в пользу современной ситуации.

Больше всего респондентов, позитивно оценивающих уровень благосостояния своей семьи среди жителей Белгорода (56,56%), наименьшая доля – среди сельских жителей (43,98%).

Максимально благоприятную оценку уровня жизни в семье дают студенты (68,89%), военнослужащие (66,35%). Весьма низок уровень такой оценки у пенсионеров (38,26%), безработных (22,04%).

Таким образом, несмотря на некоторое улучшение социальной динамики, ощущение материального благополучия характерно для меньшей части белгородцев. При этом почти у половины респондентов денег хватает только на основные расходы. Более того, доля респондентов, выбирающих данный вариант ответа, постепенно снижается.

В 2007 г. на втором этапе мониторинга был выделен в качестве самостоятельного показателя оценки жилищной политики. Все три года этот показатель оставался относительно стабильным, при этом – отрицательным. В 2010 г. ситуация мало изменилась. По-прежнему, лишь каждый четвертый респондент жилищной политикой удовлетворен.

Тем не менее, следует отметить любопытную тенденцию: в 2010 г. почти симметрично сократилась доля тех, кто полностью удовлетворен жилищной политикой, и тех, кто абсолютно не удовлетворен ею.

Мы рассматриваем данную тенденцию как свидетельство некоторого «выравнивания» жилищной политики, ее стабилизации на основе усредненных стандартов.

Корреляционный анализ выявил, что, как и в прошлом году, более всего не удовлетворены жилищной политикой граждане в возрасте до 29 лет (46,52% в той или иной степени), для сравнения среди наиболее пожилых респондентов таковых 38,72%. На первый взгляд, высока доля неудовлетворенных жилищной политикой в городе Белгороде (51,16%), значительно ниже она в сельской местности (35,44%).

Однако расчет средневзвешенных коэффициентов показывает, что город Белгород не относится в данном случае к числу наиболее неблагополучных территорий. В городе, наряду с большим количеством неудовлетворенных, довольно много тех, кто жилищной политикой удовлетворен (почти каждый третий).

Таким образом, несмотря на все усилия, предпринимаемые органами государственного и муниципального управления, уровень удовлетворенности жителей области жилищной политикой постоянно снижается. Представляется, что жилищную политику в области можно определить как статусно дифференцированную (и это подтверждает пример города Белгорода). Такая политика дает возможности решить свои жилищные проблемы людям с более или менее стабильными и относительно высокими доходами. Но она не способствует улучшению жизненных условий бедного населения. А поскольку доля последнего в общей массе населения все же выше, средний показатель удовлетворенности снижается.

Уровень удовлетворенности тем, как власти решают проблему занятости населения, на протяжении трех лет исследования колеблется в пределах небольшого диапазона, о чем свидетельствует средневзвешенный коэффициент оценки, который является стабильно отрицательным. Более того, в 2010 г. он снизился в два раза по сравнению с годом предыдущим.

В 2010 г. белгородцам, наряду с оценкой удовлетворенности организацией предоставления медицинской помощи, было предложено дать общую характеристику состояния системы здравоохранения в регионе. В ходе опроса 15,60% респондентов определили его как хорошее, 37,82% – как удовлетворительное, 25,52% – как неудовлетворительное.

Негативные оценки системы здравоохранения области примерно одинаковы по различным возрастным группам, лишь немного они выше среди наиболее пожилых граждан.

Таким образом, за прошедший год оценка населением состояния системы здравоохранения улучшилась.

Оценка удовлетворенности населения качеством предоставления услуг в сфере образования на всех уровнях показала, что данный показатель является сравнительно высоким. Это еще раз подтвердило распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете состояние системы образования в Белгородской области?» (таблица 1).

Таблица 1

Как вы оцениваете состояние системы образования в Белгородской области?	Количество	
	абс.	%
Хорошее	1413	23,55
Удовлетворительное	2527	42,12
Неудовлетворительное	778	12,97
Критическое	206	3,43
Затрудняюсь ответить	1065	17,75
Не ответили	11	0,18
Всего	6000	100,00

На основе полученных данных средневзвешенный коэффициент оценок составил 0,347.

Таким образом, сфера образования относится к числу отраслей, функционированием которых белгородцы более или менее удовлетворены. Однако уровень удовлетворенности является различным. Наиболее высок он в отношении общего образования.

Результаты четвертого этапа мониторинга показывают, что большинство белгородцев, как и ранее, оценивают состояние окружающей среды в месте своего проживания как хорошее или удовлетворительное. Однако следует обратить внимание на то, что в 2009 г. уже каждый четвертый опрошенный (26,09%) указывал на ее неудовлетворительное состояние, а 10,04% определяли его как критическое. Общий показатель критических оценок был самым высоким за четыре года. В 2010 г. он несколько снизился.

Как и прежде, больше всего белгородцев беспокоит качество воды (44,40%). Но за прошедший год заметно выросла доля неудовлетворенных выбросами в атмосферу (более чем на 11%), еще больше – уровнем радиации (более чем на 16%). Правда, снизилась доля неудовлетворенных сокращением лесонасаждений, что, вероятно, является своеобразным откликом на проект «Зеленая столица». Региональный проект «Зеленая столица» был принят распоряжением правительства Белгородской области № 91-рп от 25 января 2010 г. и ориентирован на улучшение экологической обстановки и благоустройство территории Белгородской области [5]. Проект «Зеленая столица» является основой экологической политики Белгородской области на будущие 5 лет.

Таким образом, опрос выявил повышение уровня удовлетворенности белгородцев состоянием окружающей среды, несмотря на то, что по отдельным территориям показатели неудовлетворенности остаются низкими.

В ходе предыдущих этапов мониторинга респондентам задавались вопросы, в какой мере они уверены в своей личной безопасности, своих близких, имущества и жилища. В 2008 г. доля не уверенных в безопасности по этим параметрам варьировалась в пределах 49-51%, в 2009 г. – в пределах 52-54%. В 2010 г. был введен один интегральный показатель: «уверенность в собственной безопасности и безопасности близких». Доля неуверенных (в различной степени) в этом случае составила 48,61%. При этом около 15% затруднились ответить или не ответили на вопрос.

Таким образом, проблему безопасности следует относить к числу наиболее острых социальных проблем Белгородчины. При этом острота ее усиливается с каждым годом, что, очевидно, соответствует общероссийским тенденциям.

В 2010 г. показатель оценки качества культурно-просветительской работы в регионе характеризовался следующими значениями. 28,03% респондентов определили его как хорошее; 41,12% – как удовлетворительное; 7,92% – как неудовлетворительное; 1,92% – как критическое.

Средневзвешенный коэффициент оценок составил 0,427. Это весьма высокий показатель. С учетом показателя оценки удовлетворенности оказанием услуг в сфере культуры на муниципальном уровне (0,337) общий коэффициент составляет 0,382 и заметно превышает прошлогодний (0,261).

Таким образом, исследование подтвердило довольно высокий уровень удовлетворенности белгородцев состоянием сферы культуры. Однако, очевидно, выявленный высокий показатель имеет как позитивную, так и негативную сторону. Позитивная сторона проявляется в том, что высокий показатель свидетельствует о сравнительно хорошей организации работы учреждений культуры. Негативная сторона – о неразвитости культурных потребностей части населения, готовой удовлетвориться тем, что сегодня доступно и традиционно.

Проведенное исследование дает основание утверждать, что материальные факторы остаются определяющими при формировании жизненных стратегий, мировосприятии и оценке деятельности любых общественных институтов. Динамика материального благополучия непосредственно отражается на эволюции общественного сознания, однако, при этом она не всегда воплощается в изменение моделей практического поведения, в реальной жизнедеятельности. В частности, ни улучшение, ни ухудшение материальных условий жизни пока не стимулирует социальную активность жителей области.

2010 г. характеризуется позитивной тенденцией в оценке населением динамики собственной жизни, несмотря на то, что уровень положительных оценок не превысил показателя 2008 г. (фактически, оценивался 2007 г.). Но весьма существенно (и вряд ли это следует считать позитивным фактором), что изменения в лучшую сторону чаще отмечают те, кто и прежде жил сравнительно благополучно.

Подобная тенденция является индикатором усиления социального расслоения общества, которое и так перешагнуло опасную черту.

Ощущение материального неблагополучия, несмотря на все изменения, преобладает в сознании белгородцев. Особенно это типично для сельских жителей. Опрос вновь подтвердил, что вопреки всем трудностям, молодежь (в частности, студенческая молодежь), сравнительно успешно адаптируется к социальной ситуации.

За прошедший год власти области много делали для минимизации негативных последствий кризиса в сфере занятости населения. Однако по-прежнему респонденты по преимуществу негативно оценивают предлагаемые органами управления решения и действия. Это более всего характерно для жителей малых и средних городов, в которых узок рынок труда. Кроме того, следует особенно подчеркнуть, что города областного подчинения остаются наиболее проблемными, практически, во всех отношениях. Если судить по данным опроса, то очень остро стоит в них проблема безопасности личности.

Опрос зафиксировал тенденцию к повышению оценки состояния системы здравоохранения в регионе. Однако по-прежнему уровнем оказания медицинских услуг не удовлетворены пенсионеры и другие социально незащищенные группы населения, высок уровень неудовлетворенности данным показателем в городе Белгороде.

На основе полученных данных можно сформулировать ряд общих рекомендаций для органов государственного и муниципального управления, учитывающих выявленные в исследовании проблемные поля.

Мониторинг, фактически, подтвердил, что стратегия регионального развития, ориентированная на улучшение качества жизни населения, выбрана правильно и, несмотря на кризис, реализуется сравнительно успешно. Однако, очевидно, что органам регионального управления необходимо продолжать работу, направленную на улучшение качества жизни населения региона.

1. Кротова, Е.Л. Методика оценки уровня жизни горожан. [Электронный ресурс]. / Е.Л. Кротова, К.В. Кузьмин, С.Ю. Юрпалов. – Режим доступа к изданию: http://www.strategy.burg.ru/res25_p1.htm. – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

2. Методика WHOQOL – 100 and WHOQOL – brief. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.mari-research-inst.com. – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

3. Методика оценки качества жизни на основе определения индекса развития человеческого потенциала. [Электронный ресурс]. – Режим доступа к изданию: <http://www.advtech.ru/vniite/lifequal.htm>. – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

4. Постановление правительства Белгородской обл. от 07.02.2007 № 28-пп «О системе мониторинга результативности деятельности органов государственного управления области» (вместе с «Методикой проведения социологического мониторинга результативности деятельности органов государственного управления Белгородской области»). [Электронный ресурс] // Справочно-информационная система Консультант плюс. – Режим доступа: <http://centrfo.consultant.ru/belgorod/doc9413.html>. – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

5. Распоряжение Правительства Белгородской области № 35-рп от 25.01.2010 «О концепции областного проекта «Зеленая столица»». [Электронный ресурс] // Справочно-информационная система Консультант плюс. – Режим доступа: <http://centrfo.consultant.ru/belgorod/doc9413.html>. – Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

6. Aasland A, Flato B, Vandvik IH (1997). Psychosocial outcome in juvenile chronic arthritis: a nine-year follow-up. Clin Exp Rheumatol, 15.

7. Faugstad AS. Selvrappoertert livskvalitet i en intervensjonsstudie av pasienter med ischemisk hjertesykdom som gjennomg operativ behandling. Hovedfagsoppgave, Universitetet i Bergen, 1995.

8. Haugland B. Mestringsressurser og helsestatus. Hovedfagsoppgave. Universitetet i Bergen, 1995.

9. Omvik P, Thaulow E, Herlan OB et al (1993). Double-blind, parallel, comparative study on quality of life during treatment with amlodipine or enalapril in mild or moderate hypertensive patients: a multi-centre study. Journal of Hypertension, 11.

**Открытое акционерное общество
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТР УРОВНЯ ЖИЗНИ»
(научно-исследовательская организация)**

ВЦУЖ – научно-исследовательская организация, комплексно исследующая проблемы уровня и качества жизни населения и работающая на российском рынке научных, инновационных и образовательных услуг с 1991 г.

В структуре ВЦУЖ функционирует Центр послевузовского и дополнительного профессионального образования, осуществляющий свою деятельность на основании Лицензии АА № 000079 от 1 июля 2008 г. и Свидетельства о государственной аккредитации № 0262 от 17.02.2010 г. Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки.

Центр послевузовского и дополнительного профессионального образования ВЦУЖ в течение года ведет прием в докторантуру и аспирантуру по научной специальности 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством (экономика труда). Срок обучения в докторантуре – 3 года. Обучение в аспирантуре по очной форме – 3 года, по заочной – 4 года. Аспиранты-юноши очной формы обучения получают отсрочку от службы в армии. Проводится подготовка диссертаций в форме соискательства: докторских – не более 4-х лет; кандидатских – до 5 лет.

Во ВЦУЖ действует диссертационный совет Д 224.001.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций по научной специальности 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством (экономика труда). В состав совета входят ведущие специалисты России в области экономики труда. Журнал «Уровень жизни регионов России», выпускаемый ВЦУЖ, является журналом, рекомендованным ВАК РФ для публикации основных результатов научных исследований аспирантов (докторантов).

Стоимость образовательных услуг ВЦУЖ: докторантура – за первый год обучения 150 000 руб. (последующие – 50 000 руб.), аспирантура (очная) – за первый год обучения 50 000 руб. (последующие – 60 000 руб.), аспирантура (заочная) – за первый год обучения 50 000 руб. (последующие – 50 000 руб.), подготовка кандидатской диссертации в форме соискательства – за первый год обучения 100 000 руб. (последующие – 30 000 руб.)

Докторантам и аспирантам ВЦУЖ предоставляется возможность активно участвовать в научных исследованиях по проблемам социального развития; состояния рынка труда в регионах России, занятости, оплаты труда; социального партнерства; уровня, структуры доходов и потребления; социальных стандартов качества и уровня жизни; социальной защиты населения; международного сопоставления уровня и качества жизни; социально-экономической деятельности предприятий; социального и пенсионного страхования и другим. Результаты научных исследований ВЦУЖ докторанты и аспиранты могут использовать при подготовке диссертаций.

При обучении в аспирантуре (докторантуре) соискателям из регионов Российской Федерации могут быть предоставлены гибкие формы обучения с учетом территориального месторасположения (дистанционный режим и др.)

Научное консультирование докторантов и руководство аспирантами осуществляют высококвалифицированные специалисты: доктора наук, профессора и доценты.

Профессиональная переподготовка, повышение квалификации и стажировка специалистов в сфере труда, занятости, социального страхования и социальной защиты населения ведется по аккредитованным дополнительным профессиональным программам с выдачей соответствующего документа государственного образца. Осуществляются индивидуальные стажировки.

Обучение осуществляется на договорных условиях.

Ждем ВАС в аспирантуре/докторантуре ВЦУЖ и на наших семинарах!!!

По всем вопросам обращаться по адресу: 105043, г. Москва, 4-я Парковая ул., д. 29.

e-mail: info@vcug.ru, aspiranturav@list.ru

www.vcug.ru

Телефоны для справок: (499) 164-99-93, 164-93-25, факс (499) 164-99-64

Прокудин Владилен Андреевич,

Акумова Наталия Вячеславовна,

Колчин Андрей Александрович

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<p>Барашкова Анастасия Спиридоновна</p> <p style="text-align: right;">A. Barashkova</p>	<p>Ведущий научный сотрудник сектора экономики народонаселения и демографии ФГНУ «Институт региональной экономики Севера», кандидат экономических наук 677891 Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, д. 2</p> <p>Тел./факс: 8 (4112) 35-48-99 e-mail: asbarashkova52@mail.ru</p> <p><i>Leading researcher of economics of population and demography sector of FFSSU "Institute of the regional economics of the North", Ph.D. in Economical Sciences</i></p>
<p>Бобков Вячеслав Николаевич</p> <p style="text-align: right;">V. Bobkov</p>	<p>Генеральный директор ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор 105043 Москва, 4-я Парковая ул., д. 29</p> <p>Тел./факс: +7 (499) 164-99-64, 164-97-64 e-mail: info@vcug.ru</p> <p><i>General Director of PC "All-Russian center of living standards", Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, professor</i></p>
<p>Варламова Светлана Николаевна</p> <p style="text-align: right;">S. Varlamova</p>	<p>Руководитель Центра маркетинга и международных связей ОАО «Всероссийский центр уровня жизни» 105043 Москва, 4-я Парковая ул., д. 29</p> <p>Тел./факс: + 7 (499) 164-97-61 e-mail: s_varlamova@mail.ru</p> <p><i>Leader of the Center of marketing and international relations of PC "All-Russian center of living standards"</i></p>
<p>Воронов Виктор Александрович</p> <p style="text-align: right;">A. Voronov</p>	<p>Директор МАУ «Институт муниципального развития и социальных технологий», кандидат социологических наук 308002 г. Белгород, ул. Генерала Лебеда, д. 2</p> <p>Тел./факс: +7-910-323-37-22 e-mail: imrst@mail.ru;</p> <p><i>Director of MAU "Institute of municipal development and social technologies", Ph.D. in Sociological Sciences</i></p>
<p>Гармашев Александр Александрович</p> <p style="text-align: right;">A. Garmashev</p>	<p>Заместитель главы администрации города Белгорода – руководитель аппарата администрации города Белгорода, кандидат социологических наук 308000 г. Белгород, пр-т Гражданский, д. 38</p> <p>Тел./факс: +7-910-741-66-65 e-mail: garmashev@rambler.ru</p> <p><i>Deputy head of administration of Belgorod – leader of machinery of administration of Belgorod, Ph.D. in Sociological Sciences</i></p>
<p>Денисов Николай Александрович</p> <p style="text-align: right;">N. Denisov</p>	<p>Заместитель руководителя научно-образовательного центра проблем социального развития ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», кандидат экономических наук 105043 Москва, 4-я Парковая ул., д. 29</p> <p>Тел./факс: +7 (499) 164-96-64 e-mail: info@vcug.ru</p> <p><i>Deputy administrator of scientific educational center of the social development problems of PC "All-Russian center of living standards", Ph.D. in Economical Sciences</i></p>
<p>Иванова Алла Ефимовна</p> <p style="text-align: right;">A. Ivanova</p>	<p>Руководитель отделения ЦНИИ организации и информатизации здравоохранения Минздравсоцразвития России, доктор экономических наук, профессор 127254 г. Москва, ул. Добролюбова, д. 11</p> <p>Тел./факс: +7 (495) 619-28-23 e-mail: info@vcug.ru</p> <p><i>Administrator of CSRI department of organization and informatisation of public health of Ministry of public health and social development of Russia, Doctor of Economics, Professor</i></p>
<p>Колчин Андрей Александрович</p> <p style="text-align: right;">A. Kolchin</p>	<p>Заместитель руководителя научно-образовательного центра по дополнительному профессиональному образованию ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», кандидат педагогических наук 105043 г. Москва, 4-я Парковая ул., д. 29</p> <p>Тел./факс: +7 (499) 164-99-93 e-mail: Andrei_kolchin@mail.ru</p> <p><i>Deputy administrator of the scientific educational center of additional professional education of PC "All-Russian center of living standards", Ph.D. in Pedagoqical Sciences</i></p>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

<p>Косарева Надежда Борисовна</p> <p style="text-align: right;">N. Kosareva</p>	<p>Президент фонда «Институт экономики города», доцент кафедры экономики города и муниципального управления НИУ ВШЭ, кандидат экономических наук</p> <p>Тел./факс: +7 (495) 787-4520 e-mail: kosareva@urbaneconomics.ru</p> <p><i>President of the Institute for Urban Economics, Associate Professor of the Department of Urban Economics and Municipal Governance at the National Research University – Higher School of Economics, Ph.D. in Economical Sciences</i></p>
<p>Немцов Александр Викентьевич</p> <p style="text-align: right;">A. Nemtsov</p>	<p>Руководитель отдела информатики и системных исследований в психиатрии Московского НИИ психиатрии Минздравсоцразвития России, доктор медицинских наук</p> <p>107076 г. Москва, ул. Потешная, д. 3</p> <p>Тел./факс: +7 (495) 963-25-31 e-mail: nemtsov33@gmail.com</p> <p><i>Leader of the department of information technologies and systematic study of psychiatry of Moscow SRI of psychiatry of Ministry of public health and social development of Russia, Doctor of Medicine</i></p>
<p>Нехаев Виктор Викторович</p> <p style="text-align: right;">V. Nekhaev</p>	<p>Руководитель территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тульской области, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор</p> <p>300000, г. Тула, проспект Ленина, д. 53-А</p> <p>Тел./факс: 8 (4872) 31-25-23 e-mail: tula-stat@mail.ru</p> <p><i>Head of the regional Department of the Federal State Statistics Service of Tula region, Doctor of History, Ph. D. in Legal Sciences, professor</i></p>
<p>Одинцова Елена Валерьевна</p> <p style="text-align: right;">E. Odintova</p>	<p>Научный сотрудник научно-образовательного центра проблем социального развития ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»</p> <p>105043 Москва, 4-я Парковая ул., д. 29</p> <p>Тел./факс: +7 (499) 164-96-64 e-mail: odin_ev@mail.ru</p> <p><i>Researcher of scientific educational center of the social development problems of PC "All-Russian center of living standards"</i></p>
<p>Полиди Татьяна Дмитриевна</p> <p style="text-align: right;">T. Polidi</p>	<p>Эксперт фонда «Институт экономики города», стажер-исследователь лаборатории исследования отраслевых рынков НИУ ВШЭ</p> <p>Тел./факс: +7 (495) 787-4520 e-mail: polidi@urbaneconomics.ru</p> <p><i>Expert of the Institute for Urban Economics, Intern-Researcher at the Laboratory for Research of Sectoral Markets at the National Research University – Higher School of Economics</i></p>
<p>Порутчикова Юлия Александровна</p> <p style="text-align: right;">Yu. Porutchikova</p>	<p>Главный врач Муниципального лечебно-профилактического учреждения здравоохранения «Детская городская поликлиника № 17» Ворошиловского района г. Ростова-на-Дону</p> <p>344092 г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 5, б</p> <p>Тел./факс: +7 (918) 504-99-71 e-mail: info@vcug.ru</p> <p><i>Head doctor of Municipal treatment-and-prophylactic institution of public health "Municipal children's polyclinic № 17" by Voroshilovskiy district of Rostov-on-Don</i></p>
<p>Пузанов Александр Сергеевич</p> <p style="text-align: right;">A. Puzanov</p>	<p>Генеральный директор фонда «Институт экономики города»</p> <p>125009 г. Москва, Тверская ул., д. 20/1</p> <p>Тел./факс: +7 (495) 787-4520 e-mail: apuzanov@urbaneconomics.ru</p> <p><i>General Director of the Institute for Urban Economics, Head of the Department of Urban Economics and Municipal Governance at the National Research University – Higher School of Economics, Ph.D. in Geographical Sciences</i></p>
<p>Сухарев Олег Сергеевич</p> <p style="text-align: right;">O. Sucharev</p>	<p>Ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор</p> <p>117218 г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32</p> <p>Тел./факс: +7 (499) 724-15-41 e-mail: o_sukharev@list.ru</p> <p><i>Leading researcher of Institute of economics RSA, Doctor of Economics, Professor</i></p>
<p>Туманов Андрей Анатольевич</p> <p style="text-align: right;">A. Tumanov</p>	<p>Руководитель проекта направления «Реформы в сфере недвижимости» фонда «Институт экономики города», старший научный сотрудник лаборатории исследования отраслевых рынков НИУ ВШЭ, кандидат экономических наук.</p> <p>Тел./факс: +7 (495) 787-4520 e-mail: tumanov@urbaneconomics.ru</p> <p><i>Project Manager of the IUE Department "Real Estate Reforms", Senior Fellow at the Laboratory for Research of Sectoral Markets at the National Research University – Higher School of Economics, Ph.D. in Economical Sciences</i></p>

1/2012 (167)

**«LIVING STANDARD OF THE POPULATION
IN THE REGIONS OF RUSSIA»
Theoretical and practical journal**

HOUSING AVAILABILITY AND THE QUALITY OF THE POPULATION

HOUSING AVAILABILITY OF THE RUSSIAN REGIONS

N. Denisov **The concept of maintenance of habitation of the population of Russia as a part of macroeconomic policy**

There are questions of improvement of living conditions of the population of Russia, and also possibility of influence by means of tools of the housing policy on the decision of other economic problems are considered in the article.

Key words: concept of maintenance of habitation, the housing policy.

S. Varlamova **Requirement of improvement of living conditions and housing strategy of the population**

There is a dynamics of estimations of Russians concerning quality of available habitation during the period of realization of the national project «Accessible and comfortable habitation – to citizens of Russia», FAP «Dwelling» in the article, the author estimates the requirement of the population, including various socially-demographic and profitable groups, in improvement of living condition, possibilities of needing people to the best habitation to solve a housing problem. The author considers the planned ways of improvement of living conditions and ways of research of funds for purchase of new habitation. After the reorganization of system of housing and communal services spent «from above» the author finds out the relation of the population to quality of work of management companies, the basic problems, which are existing in work HUC and DUC at service of the population.

Key words: satisfaction of living conditions, habitation accomplishment, requirement for improvement of living conditions, housing and communal services, an estimation of quality of work of companies management, possibilities of improvement of living conditions, ways of improvement of living conditions.

**V. Bobkov
E. Odintsova** **Social structure of Russian society by the criteria of income and housing**

In this article the authors present the results of the analysis of level and quality of life of the population of Russia on the basis of standard two-criteria system of indicators. The authors reveal level of incomes and housing security of the population, define the specify of the social structure of the population by criteria of incomes and housing security in 2008, and also the dynamics in comparison with 2004.

Key words: level and quality of life of the population, social structure of the population, social and economic groups, social standards, incomes, housing security.

**A. Puzanov
N. Kosareva
T. Polidi
A. Tumanov** **Review of changes in housing consumption and possibilities for improving housing conditions during transition to market economy**

The paper contains expert review of changes in housing consumption and possibilities for improving housing conditions during transition to market economy (1989-2009). Based on statistical data and expert findings, the authors evaluated the situation and tried to answer whether housing sector reforms led to better satisfaction of housing needs, what population groups benefited and what groups lost as a result of these reforms.

Key words: housing sector, housing consumption, market reforms, housing conditions.

V. Nekhaev **Housing as one of the most important aspects of the quality of life**

The article deals with housing conditions in Tula region. The author analyzes housing as a way of improving the quality of life of the population, taking into account such quantitative and qualitative characteristics as the state of the existing housing, home construction, provision of housing, correlation between incomes and prices of the real estate, housing affordability.

Key words: analyzes of housing conditions in Tula region.

A. Barashkova	Estimation of living conditions of the population in Republic of Sakha (Yakutia)	
<p>In the article the author presents the characteristic of the basic indicators of housing of inhabitants of Republic of Sakha (Yakutia). The author shows the dynamics of level of security of the population by dwelling including the different type, which shown appreciable territorial differences. It is noticed that the rating scale of living conditions is co-ordinated by families to representations of inhabitants about an image of apartment (in cities) and the individual house (in villages), and quality of habitation is a sign of a prosperity (poverty). It is underlined that preservation of sequence on habitation speaks about accumulation of a backlog demand on the arranged well dwelling.</p> <p>Key words: the population, a family, dwelling, security, quality.</p>		
DEMOGRAPHY AND THE QUALITY OF THE POPULATION		
A. Ivanova	Youth installations on life expectancy	
<p>In article there are materials of All-Russia poll of 1000 young men the analysis of demand for longevity and its motivation. The author notices the characteristics of social differentiation of the desirable and expected life expectancy, which revealed a vector of the social status and optimism in increase of demand for longevity are resulted. The structure of motives of long life among which family and personal motives prevail is established. «The hindrances», disturbing to achievement of desirable longevity are investigated. It is shown that there is no problem of personal character, or from area of a state policy, or concerning position and image of old men in a society which would serve as a serious hindrance to live desirable number of years to the overwhelming majority of respondents.</p> <p>Key words: the desirable life expectancy, expected life expectancy, motivation of longevity, a hindrance in achievement of desirable life expectancy.</p>		
A. Nemtsov	Abusing alcohol and public health services in Russia	
<p>In the article the author investigates the dependence of death rate of the population of Russia, both men, and women from abusing alcohol. A number of measures for decrease in alcoholic dependence of Russians is offered.</p> <p>Key words: death rate of the population, alcoholic dependence, preventive maintenance of abusing by alcohol.</p>		
A. Kolchin Yu. Porutchikova	Formation of a healthy life-style as a demographical factor: the medico-pedagogical comment	
<p>The article is devoted to medical and pedagogical aspects of subjects matters of formation of a healthy way of life which is considered by authors as the major demographic factor. The social actions, which are directed on formation of the positive relation of the person to the health as a condition its high-grade, that is happy and successful life are considered. Also the authors give the psychological-pedagogical analysis of the difficult situation which has developed in our country with health of studying youth, and offer the conceptual positions on formation of a healthy way of life of pupils and teachers, as subjects of educational process in system of the modern general education in Russia.</p> <p>Key words: the health centers, a complex estimation of children's level of health, the medico-pedagogical concept of a healthy way of life; the health-saving formation.</p>		
QUESTIONS OF THE THEORY: SOCIAL EFFICIENCY		
O. Sukharev	Problems of security of the social efficiency: come to the new theory	
<p>The paper discusses criteria for social efficiency, suggests a number of models that extend the interpretation of social efficiency, helping to take into account institutional characteristics and the effects of the individual organization of social systems, in particular, education, etc. Problems of social development are considered from the general theoretical aspects, and the author notes the position that under certain criteria considered weak.</p> <p>Key words: social system, efficiency, education, innovation.</p>		
REGIONAL RESEARCHES		
A. Garmashev V. Voronov	Diagnosis of quality of life of the population of the Belgorod region	
<p>The experience of research and practical activities on studying of people's life quality in Belgorod region is described. In article the basic techniques of an estimation of people's life quality are presented. The technique of carrying out of sociological monitoring of productivity of activity of Belgorod region state bodies is described.</p> <p>Key words: social potential, quality of life, socio-economic development, the methodology for assessing the quality of life, monitoring situation in life.</p>		